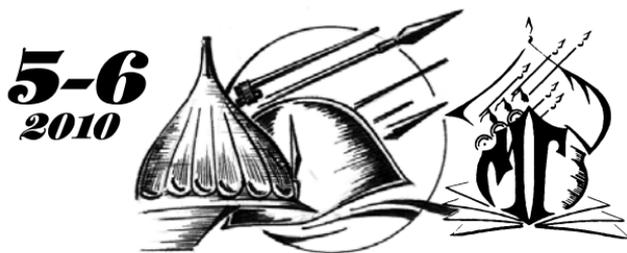

Россия, Русь! Храни себя, храни!

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Павел КРАСНОВ. Операция «Немыслимое»	3
Андрей САВВИН. Тайна 22 июня	118
Валерий ЧАРУШНИКОВ. Дети войны	146
Александр ХРАМЧИХИН. Они распродают Родину	163
Игорь РОДИОНОВ. Зона русских интересов	169

ПОЭЗИЯ

Людмила ТУРОВСКАЯ. Звезды над равниной. Стихи	16
Юрий КУЛИКОВ. Щепоть махорки. Стихи	22
Владимир СМЫК. На Русской равнине. Стихи	24
Стихи поэтов России	103
Евгений ЮШИН. Битва зари. Стихи	183

ПРОЗА

Александр БАКЛАНОВ. Отец. Рассказ	27
Владимир СЕРГЕЕВ. Любовь моя. Фрагменты романа	34
Федор ОШЕВНЕВ. Самосуд. Рассказ	50
Владимир ПРОНСКИЙ. Рассказы	66

Владимир ПЕТРОВ. Два рассказа	89
-------------------------------------	----

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Евгений ЮШИН, Марина ПЕРЕЯСЛОВА. Крах культуры — крах демократии	178
---	-----

ПИСАТЕЛЬСКОЕ БРАТСТВО

Анатолий АВРУТИН. У истока души. Стихи	190
Валентина ПОЛИКАНИНА. Неизбывная вера моя. Стихи	194
Александр СОКОЛОВ. Амвросий Оптинский. Рассказ	196
Нурхан ОРАЗАЛИН. Никого не виню... Стихи	200
Марфуга БАКТЕМИРОВА. И любовь, и весна. Стихи	201
Сергей ГЕРМАН. Солдатская мать. Рассказ	204

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Николай ШАХМАГОНОВ. Иван Грозный сына не убивал	215
--	-----

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Ярослав КРАЙНОВ. Русские не идут	226
ИОСИФ, монах. Корень всех зол — в нас самих	229

ИСКУССТВО

Нина БОЙКО. Утро стрелецкой казни. Портрет сына	236
--	-----

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Юрий ПАХОМОВ. Камрань	253
Владимир ДЕСЯТНИКОВ. Дневник русского	271

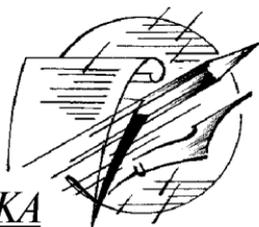
ОПЕРАЦИЯ «НЕМЫСЛИМОЕ»

К 65-летию Великой Победы

Долгое время эта информация держалась в секрете, и только сейчас она становится доступна. Речь идет о плане внезапного нападения на СССР летом 1945 года, разработанном союзниками, плане, который был сорван практически в последний момент.

Третья мировая война должна была начаться 1 июля 1945 года внезапным ударом объединенных сил англосаксов по советским войскам... Сейчас это мало кто знает, как и то, каким образом Сталин сумел сорвать планы «вероятных союзников». Мало кто знает, почему мы вынуждены были спешно брать Берлин, против кого английские инструктора в апреле 45-го тренировали нерасформированные дивизии немцев, сдавшиеся им в плен, почему был с нечеловеческой жестокостью уничтожен Дрезден в феврале 1945-го и кого именно англосаксы хотели этим запугать.

По официальным моделям истории позднего СССР истинные причины всего этого не объяснялись в школах — тогда шла «борьба за мир», уже вызревало в верхах «новое мышление», а легенда о «честных союзниках — США и Великобритании» всячески приветствовалась. Да и документов тогда было опубликовано немного — этот пе-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

риод скрывали по многим причинам. Но в последние годы англичане стали частично открывать архивы того периода, опасаясь некого — СССР уже нет.

В начале апреля 1945 г. перед самым окончанием Великой Отечественной У. Черчилль, премьер-министр нашего союзника — Великобритании отдал приказ начальникам своих штабов о разработке операции внезапного удара по СССР — операции «Немыслимое». Он был ему представлен 22 мая 1945 года на 29 страницах.

Согласно этому плану, нападение на СССР должно было начаться, следуя принципам Гитлера, — внезапным ударом. 1 июля 1945 года 47 английских и американских дивизий без всякого объявления войны должны были нанести сокрушительный удар не ожидавшим такой беспредельной подлости от союзников наивным русским. Удар должны были поддержать 10—12 немецких дивизий, которых «союзники» держали нерасформированными в Шлезвиг-Гольштейне и в южной Дании, их ежедневно тренировали британские инструктора: готовили к войне против СССР. По идее, должна была начаться война объединенных сил Западной цивилизации против России, а впоследствии в этом «крестовом походе» должны были участвовать и другие страны, например, Польша, затем Венгрия... Война должна была привести к полному разгрому и капитуляции СССР. Конечной целью было закончить войну примерно там же, где планировал ее закончить Гитлер по плану «Барбаросса» — на рубеже Архангельск—Сталинград.

Англосаксы готовились сломить нас террором — изуверским уничтожением крупных советских городов: Москвы, Ленинграда, Владивостока, Мурманска и другими сокрушительными ударами волн «летающих крепостей». Несколько миллионов советских людей должны были погибнуть в отработанных до мелочей «огненных смерчах». Так были уничтожены Гамбург, Дрезден, Токио... Это готовились сделать и с нами, с союзниками. Обычное дело: самое гнусное предательство, крайняя подлость и изуверская жестокость — визитная карточка Западной цивилизации и, особенно, англосаксов, истребивших столько людей, сколько не истребил ни один народ в человеческой истории.

Однако 29 июня 1945 года, за день до планируемого начала войны Красная Армия внезапно для коварного врага неожиданно изменила свою дислокацию. Это было решающей гирей, сдвинувшей чашу весов истории — приказ войскам англосаксов отдан не был. Взятие считавшегося неприступным Берлина показало мощь Советской Армии, и военные

эксперты врага склонились к тому, чтобы отменить нападение на СССР. К счастью, у руля СССР стоял Сталин.

Военно-морские силы Великобритании и США тогда имели абсолютное превосходство над ВМФ СССР: по миноносцам в 19 раз, по линкорам и большим крейсерам — в 9 раз, по подводным лодкам — в 2 раза. Свыше сотни авианесущих кораблей и несколько тысяч единиц палубной авиации против нуля со стороны СССР. «Вероятный союзник» располагал четырьмя воздушными армиями тяжелых бомбардировщиков, которые могли наносить сокрушительные удары. Советская дальняя бомбардировочная авиация была несравненно более слабой.

В апреле 1945-го союзники представляли наши войска измотанными и истощенными, а боевую технику — до предела изношенной. Их военные специалисты оказались сильно удивлены мощью Советской Армии, которую она продемонстрировала при взятии Берлина. Не вызывает сомнения верность вывода крупного историка В. Фалина — решение Сталина о штурме Берлина в начале мая 1945-го предотвратило Третью мировую войну. Это подтверждается недавно рассекреченными документами. В противном случае Берлин был бы без боя взят «союзниками», а объединенные силы всей Европы и Северной Америки обрушились бы на СССР.

Даже после взятия Берлина планы предательского удара продолжали разрабатываться полным ходом. Остановило их только то, что их планы были вскрыты и расчеты стратегов показывали, что без внезапного удара сломить СССР не удастся. Была еще одна важная причина, по которой американцы возражали британцам — им нужно было, чтобы СССР сокрушил Квантунскую армию на Дальнем Востоке, без чего победа США над Японией своими силами была под вопросом.

Сталин не имел возможности предотвратить Вторую мировую войну, но сумел предотвратить Третью. Ситуация была крайне серьезной, но СССР опять выиграл, не дрогнув.

Сейчас на Западе пытаются представить план Черчилля «ответом» на «советскую угрозу», на попытку Сталина захватить всю Европу. Но вот что пишет историк О.А. Ржешевский:

«Имелись ли в то время у советского руководства планы наступления до берегов Атлантики и захвата Британских островов? На этот вопрос следует ответить отрицательно. Подтверждением тому является принятый СССР 23 июня 1945 г. закон о демобилизации армии и флота, последовательный перевод их на штаты мирного времени. Демобилизация началась

5 июля 1945 г. и завершилась в 1948 г. Армия и флот были сокращены с 11 млн. до менее 3 млн. чел., упразднен Государственный Комитет Оборона, Ставка Верховного Главнокомандования. Количество военных округов в 1945—1946 гг. уменьшилось с 33 до 21. Значительно сократилось количество войск в Восточной Германии, Польше и Румынии. В сентябре 1945 г. советские войска были выведены из северной Норвегии, в ноябре из Чехословакии, в апреле 1946 г. с острова Борнхольм (Дания), в декабре 1947 г. — из Болгарии...

Знало ли советское руководство о британских планах войны против СССР? На этот вопрос, пожалуй, можно ответить утвердительно... Косвенно подтверждает это и видный знаток истории советских вооруженных сил профессор Эдинбургского университета Д. Эриксон. По его мнению, план Черчилля помогает объяснить, «почему маршал Жуков неожиданно решил в июне 1945 г. перегруппировать свои силы, получив из Москвы приказ укрепить оборону и детально изучить дислокацию войск западных союзников. Теперь причины понятны: очевидно, план Черчилля стал заблаговременно известен Москве и сталинский Генштаб принял соответствующие меры противодействия».

Далее приведу факты, почерпнутые из беседы с доктором исторических наук Валентином Фалиным.

Трудно сыскать в истекшем веке политика, равного Черчиллю по способности сбивать с толку чужих и своих. Но особенно преуспел будущий сэр Уинстон по части фарисейства и интриг в отношении Советского Союза.

В посланиях на имя Сталина он «молился, чтобы англо-советский союз был источником многих благ для обеих стран, для Объединенных Наций и для всего мира», желал «полной удачи благородному предприятию». Имелось в виду широкое наступление Красной Армии по всему восточному фронту в январе 1945 года, спешно готовившееся в ответ на мольбу Вашингтона и Лондона оказать помощь союзникам, попавшим в кризисное положение в Арденнах и Эльзасе. Но это на словах. А на деле Черчилль считал себя свободным от каких-либо обязательств перед Советским Союзом.

Именно тогда Черчилль отдал приказы складировать трофейное немецкое оружие с прицелом на возможное его использование против СССР, размещая сдававшихся в плен солдат и офицеров вермахта подивизионно в земле Шлезвиг-Гольштейн и в южной Дании. Затем прояснится общий смысл затевавшейся британским лидером коварной затеи. Англичане брали под свое покровительство немецкие части, которые сдавались без сопротивления, от-

правляли их в южную Данию и Шлезвиг-Гольштейн. Все-го там было размещено около 15 немецких дивизий. Оружие складировали, а личный состав тренировали для будущих схваток. В конце марта—начале апреля Черчилль отдает своим штабам приказ: готовить операцию «Немыслимое» — с участием США, Англии, Канады, польских корпусов и 10—12 немецких дивизий с целью начать боевые действия против СССР.

В их плане было четко прописано: советские войска на этот момент будут истощены, техника, участвовавшая в боевых действиях в Европе, — изношена, продуктовые запасы и медикаменты подойдут к концу. Поэтому не составит труда отбросить их к довоенным границам и заставить Сталина уйти в отставку. Нас ждали смена государственного строя и раскол СССР. В качестве меры запугивания — бомбежка городов, в частности, Москвы. Ее, по планам англичан, ждала судьба Дрездена, который союзническая авиация, как известно, сровняла с землей.

Лондон долго отрицал существование такого плана, но несколько лет назад англичане рассекретили часть своих архивов, и среди документов оказались бумаги, касающиеся плана «Немыслимое». Тут уж отмежеваться некуда...

Эйзенхауэр в своих воспоминаниях признает, что второго фронта уже в конце февраля 1945-го практически не существовало: немцы откатывались к востоку без сопротивления. Тактика немцев состояла в следующем: удерживать, насколько возможно, позиции вдоль всей линии советско-германского противоборства до тех пор, пока виртуальный Западный и реальный Восточный фронт не сомкнутся, и американские и британские войска как бы примут от соединенный вермахта эстафету в отражении «советской угрозы», нависшей над Европой.

Черчилль в это время в переписке, телефонных разговорах с Рузвельтом пытается убедить во что бы то ни стало остановить русских, не пускать их в Центральную Европу. Это объясняет значение, которое к тому времени приобрело взятие Берлина.

Уместно сказать, что западные союзники могли продвигаться на восток несколько быстрее, чем у них получалось, если бы штабы Монтгомери, Эйзенхауэра и Александра (итальянский театр военных действий) качественнее планировали свои действия, грамотнее осуществляли координацию сил и средств, меньше тратили времени на внутренние дрязги и поиск общего знаменателя. Вашингтон, пока был жив Рузвельт, по разным мотивам не спешил ставить крест на со-

трудничестве с Москвой. А для Черчилля «советский мавр сделал свое дело, и его следовало удалить».

Вспомним, ялтинская конференция союзников закончилась 11 февраля. В первой половине 12 февраля гости улетели по домам. В Крыму, между прочим, было условлено, что авиация трех держав будет в своих операциях придерживаться определенных линий разграничения. А в ночь с 12 на 13 февраля бомбардировщики западных союзников стерли с лица земли Дрезден, затем прошлись по основным предприятиям в Словакии, в будущей советской зоне оккупации Германии, чтобы заводы не достались нам целыми. В 1941 году Сталин предлагал англичанам и американцам разбомбить, используя крымские аэродромы, нефтепромыслы в Плоешти. Нет, их тогда трогать не стали. Они подверглись налетам в 1944 году, когда к главному центру нефтедобычи, всю войну снабжавшему Германию горючим, приблизились советские войска.

Одной из главных целей налетов на Дрезден были мосты через Эльбу. Действовала черчиллевская установка, которую разделяли и американцы, задержать Красную Армию как можно дальше на востоке. В инструктаже перед вылетом британских экипажей говорилось: нужно наглядно продемонстрировать Советам возможности союзнической бомбардировочной авиации. Вот и демонстрировали. Причем, не единожды. В апреле сорок пятого накрыли бомбами Потсдам. Уничтожили Ораниенбург. Нас оповестили — летчики ошиблись. Вроде бы целились в Цоссен, где размещалась штаб-квартира немецких ВВС. Классическое «отвлекающее заявление», которым не было числа. Ораниенбург бомбили по приказу Маршалла и Леги, ибо там находились лаборатории, работавшие с ураном. Чтобы ни лаборатории, ни персонал, ни оборудование, ни материалы не попали в наши руки, — все обратили в пыль.

Почему же советское руководство пошло на великие жертвы буквально на финише войны? Имелся ли простор для выбора? Помимо насущных военных задач надо было решать политические и стратегические ребусы на перспективу, в том числе и возводить препоны запланированной Черчиллем авантюре.

Предпринимались попытки повлиять на партнеров добрым примером. Со слов Владимира Семенова, советского дипломата, известно следующее. Сталин пригласил к себе Андрея Смирнова, бывшего тогда заведующим 3-м Европейским отделом МИД СССР и по совместительству министром иностранных дел РСФСР, для обсуждения, при участии Семенова,

вариантов действий на отведенных под советский контроль территориях. Смирнов доложил, что наши войска, преследуя противника, вышли за пределы демаркационных линий в Австрии, как они были согласованы в Ялте, и предложил де-факто застолбить наши новые позиции в ожидании, как будут вести себя США в сходных ситуациях. Сталин прервал его и сказал: «Неправильно. Пишите телеграмму союзным державам». И продиктовал: «Советские войска, преследуя части вермахта, вынуждены были переступить линию, ранее согласованную между нами. Настоящим хочу подтвердить, что по окончании военных действий советская сторона ответит свои войска в пределы установленных зон оккупации».

12 апреля посольство США, государственные и военные учреждения получили инструкцию Трумэна: все документы, подписанные Рузвельтом, исполнению не подлежат. Затем последовала команда ужесточить позицию по отношению к Советскому Союзу. 23 апреля Трумэн проводит в Белом доме заседание, где заявляет: «Хватит, мы не заинтересованы больше в союзе с русскими, а стало быть, можем и не выполнять договоренностей с ними. Проблему Японии решим и без помощи русских». Он задался целью «сделать Ялтинские соглашения как бы не существовавшими».

Трумэн был близок к тому, чтобы не медля объявить о разрыве сотрудничества с Москвой во всеуслышание. Против Трумэна буквально восстали военные, за исключением генерала Паттона, командовавшего бронетанковыми войсками США. Кстати, военные сорвали и план «Немыслимое». Они были заинтересованы во вступлении Советского Союза в войну с Японией. Их аргументы Трумэну: если СССР не выступит на стороне США, то японцы перебросят на острова миллионную Квантунскую армию и будут сражаться с таким же фанатизмом, как это было на Окинаве. В итоге американцы потеряют только убитыми от одного до двух миллионов человек.

К тому же американцы на тот момент еще не испытали ядерную бомбу. Да и общественное мнение в Штатах тогда не поняло бы такого предательства. Граждане Америки тогда в основном сочувствовали Советскому Союзу. Они видели, какие мы несем потери ради общей победы над Гитлером. В итоге, по свидетельству очевидцев, Трумэн немного поломался и согласился с доводами своих военспецов. «Хорошо, раз вы так считаете, что они должны нам помочь с Японией, пусть помогают, но мы с ними на этом кончаем дружбу», — заключил Трумэн. Отсюда такой жесткий разговор с Молотовым, который недоумевал: что вдруг случилось? Трумэн тут уже опирался на атомную бомбу.

Кроме того, американские военные, как, впрочем, и их британские коллеги, полагали, что развязать войну с Советским Союзом проще, чем успешно закончить ее. Риск казался им слишком большим — штурм Берлина произвел отрезвляющее впечатление на англичан. Заключение начальников штабов британских войск было однозначным: блицкрига против русских не выйдет, а втягиваться в затяжную войну они не рискнули.

Итак, позиции военных США — первая причина. Вторая — Берлинская операция. Третья — Черчилль проиграл выборы и остался без власти. И, наконец, четвертая — сами британские военачальники были против реализации этого плана, ибо Советский Союз, как они убедились, был слишком силен.

Заметьте, США не только не приглашали Англию участвовать в этой войне, они выдавливали ее из Азии. По соглашению 1942 года линия ответственности США не ограничилась Сингапуром, а касалась также Китая, Австралии, Новой Зеландии.

Сталин, а это был крупный аналитик, сведя все воедино, сказал: «Вы показываете, что может ваша авиация, а я вам покажу, что мы можем на земле». Он продемонстрировал ударную огневую мощь наших Вооруженных сил для того, чтобы ни у Черчилля, ни у Эйзенхауэра, ни у Маршалла, ни у Паттона, ни у кого другого не появлялось желание воевать с СССР. За решимостью советской стороны взять Берлин и выйти на линии разграничения, как они были обозначены в Ялте, стояла архиважная задача — предотвратить авантюру британского лидера с осуществлением плана «Немыслимое», то есть перерастание Второй мировой войны в Третью. Случись это — жертв было бы в тысячи и тысячи раз больше!

Оправданы ли были столь высокие жертвы ради взятия Берлина под наш контроль? После того, как довелось в полном объеме прочитать подлинные британские документы, — они были рассекречены 5—6 лет назад, — когда я сопоставил содержащиеся в этих документах сведения с данными, с которыми по долгу службы приходилось знакомиться еще в 50-х годах, — говорит Фалин, — многое расставилось по своим местам и часть сомнений отпала. Если угодно, Берлинская операция явилась реакцией на план «Немыслимое», подвиг наших солдат и офицеров при ее проведении был предупреждением Черчиллю и его единомышленникам.

Политический сценарий Берлинской операции принадлежал Сталину. Генеральным автором ее военной составляющей являлся Георгий Жуков.

Вермахт намеревался устроить на улицах Берлина второй Сталинград. Теперь уже на реке Шпрее. Установление контроля над городом являлось сложнейшей задачей. На подступах к Берлину мало было преодолеть Зееловские высоты, прорвать с тяжелыми потерями семь линий, оборудованных для долговременной обороны. На окраинах столицы рейха и на главных городских магистралях немцы закапывали танки, превращая их в бронированные доты. Когда наши части вышли, к примеру, на Франкфуртер аллее, улица вела напрямиком к центру, их встретил шквальный огонь, опять же стоивший нам многих жизней...

Сталин настоял на проведении Берлинской операции. Он хотел показать инициаторам «Немыслимого» огневую и ударную мощь советских вооруженных сил. С намеком: исход войны решается не в воздухе и на море, а на земле.

Несомненно одно. Сражение за Берлин отрезвило многие лихие головы и тем самым выполнило свое политическое, психологическое и военное назначение. А голов на Западе, одурманенных сравнительно легким по весне сорок пятого года успехом, было хоть отбавляй. Вот одна из них — американский танковый генерал Паттон. Он истерически требовал не останавливаться на Эльбе, а, не мешкая, двигать войска США через Польшу и Украину к Сталинграду, дабы закончить войну там, где потерпел поражение Гитлер. Сей Паттон нас с вами называл «потомками Чингисхана». Черчилль, в свою очередь, тоже не отличался щепетильностью в выражениях. Советские люди шли у него за «варваров» и «диких обезьян». Короче, «теория недочеловеков» не была немецкой монополией.

Штурм Берлина, водружение знамени Победы над рейхстагом были, конечно же, не только символом или финальным аккордом войны. И меньше всего пропагандой. Для армии являлось делом принципа войти в логово врага и тем обозначить окончание самой трудной в российской истории войны. Отсюда, из Берлина, считали бойцы, выполз фашистский зверь, принесший неизмеримое горе советскому народу, народам Европы, всему миру. Красная Армия пришла туда для того, чтобы начать новую главу и в нашей истории, и в истории самой Германии, в истории человечества...

Вникнем в документы, которые по поручению Сталина готовились весной сорок пятого — в марте, апреле и мае. Объективный исследователь убедится: не чувство мести определяло намечавшийся курс Советского Союза. Руководство страны предписывало обращаться с Германией как с государством, потерпевшим поражение, с немецким наро-

дом, как ответственным за развязывание войны. Но... никто не собирался превращать их поражение в наказание без срока давности и без шанса на достойное будущее. Сталин реализовывал выдвинутый еще в сорок первом году тезис: гитлеры приходят и уходят, а Германия и немецкий народ останутся.

Естественно, надо было заставить немцев вносить свою лепту в восстановление «выжженной земли», которую они оставили в наследство после себя на оккупированных территориях. Для полного возмещения потерь и ущерба, причиненного нашей стране, не хватило бы и всего национального богатства Германии. Взять столько, сколько удастся, не вешая себе на шею жизнеобеспечение еще и самих немцев — таким не слишком дипломатическим языком Сталин ориентировал подчиненных в вопросе о репарациях. Ни один гвоздь не был лишним, дабы поднять из руин Украину, Белоруссию, Центральные области России. Более четырех пятых производственных мощностей там было разрушено. Более трети населения лишилось жилья. Немцы взорвали, завернули в штопор 80 тысяч километров рельсового пути, даже шпалы переломали. Все мосты обрушили. А 80 тысяч км — это больше, чем все железные дороги Германии перед Второй мировой войной вместе взятые.

Советскому командованию вместе с тем давались твердые указания пресекать безобразия — спутников всех войн — по отношению к мирному населению, особенно к его женской половине и детям. Насильники подлежали суду военного трибунала. Все это было.

Одновременно Москва требовала строго карать любые вылазки, диверсии «недобитых и неисправимых», которые могли произойти в поверженном Берлине и на территории советской оккупационной зоны. Между тем, желающих стрелять в спину победителям было не так уж и мало. Берлин пал 2 мая, а «местные бои» закончились в нем десятью днями спустя. Иван Иванович Зайцев, он работал в нашем посольстве в Бонне, — продолжает Фалин, — рассказывал мне, что «ему всегда больше всех «везло». Война кончилась 9 мая, а он в Берлине воевал до 11-го. В Берлине сопротивление советским войскам оказывали эсэсовские части из 15 государств. Там действовали наряду с немцами норвежские, датские, бельгийские, голландские, люксембургские и черт знает какие еще нацисты...

Хотелось бы коснуться того, как союзники хотели украсть у нас День Победы, приняв 7 мая в Реймсе капитуляцию немцев. Эта, по сути, сепаратная сделка вписывалась в план

«Немыслимое». Нужно было, чтобы немцы капитулировали только перед западными союзниками и смогли участвовать в Третей мировой войне. Преемник Гитлера Дениц в это время заявил: «Мы прекратим войну перед Англией и США, которая потеряла смысл, но по-прежнему продолжим войну с Советским Союзом». Капитуляция в Реймсе фактически была детищем Черчилля и Деница. Соглашение о капитуляции было подписано 7 мая в 2 часа 45 минут.

Нам стоило огромных трудов вынудить Трумэна пойти на подтверждение капитуляции в Берлине, точнее, в Карлхорсте 9 мая с участием СССР и союзников, договориться о Дне Победы 9 мая, ибо Черчилль настаивал: считать днем окончания войны 7 мая. Кстати, в Реймсе произошел еще один подлог. Текст соглашения о безоговорочной капитуляции Германии перед союзниками утвердила Ялтинская конференция, его скрепили своими подписями Рузвельт, Черчилль и Сталин. Но американцы сделали вид, что забыли о существовании документа, который, кстати, лежал в сейфе начальника эйзенхауэрского штаба Смита. Окружение Эйзенхауэра под руководством Смита составило новый документ, «очищенный» от нежелательных для союзников ялтинских положений. При этом документ был подписан генералом Смитом от имени союзников, а Советский Союз даже не упоминался, будто не участвовал в войне. Вот такой спектакль разыгрался в Реймсе. Документ о капитуляции в Реймсе передали немцам раньше, чем его послали в Москву.

Эйзенхауэр и Монгтомери отказались участвовать в совместном параде Победы в бывшей столице рейха. Они вместе с Жуковым должны были принимать этот парад. Задуманный парад Победы в Берлине все-таки состоялся, но его принимал один маршал Жуков. Это было в июле сорок пятого. А в Москве Парад Победы состоялся, как известно, 24 июня.

Смерть Рузвельта обернулась почти молниеносной сменой вех в американской политике. В своем последнем послании конгрессу США (25 марта 1945 г.) президент предупреждал: либо американцы возьмут на себя ответственность за международное сотрудничество — в выполнении решений Тегерана и Ялты, — либо они будут нести ответственность за новый мировой конфликт. Трумэна это предупреждение, это политическое завещание предшественника не смущало. «Рак Америгана» должен быть поставлен во главу угла.

Зная, что мы вступим в войну с Японией (Сталин даже назвал точную дату — 8 августа) Трумэн тем не менее дает команду сбросить на Хиросиму атомную бомбу. Никакой необходимости в этом не было, Япония приняла решение: как

только СССР объявит ей войну, она капитулирует. Но Трумэн хотел продемонстрировать нам свою силу и потому подвиг Японию атомной бомбардировке.

Возвращаясь на крейсере «Аугуста» с Потсдамской конференции в США, Трумэн дает Эйзенхауэру приказ: подготовить план ведения атомной войны против СССР.

В декабре 1945 года в Москве проходило совещание министров иностранных дел. Госсекретарь Бирнс, выступая 30 декабря по радио США, заявил: «После встречи со Сталиным я более чем когда-либо уверен, что справедливый по американским понятиям мир достижим». 5 января 1946 года Трумэн дает ему резкую отповедь: «Все, что вы наговорили, — это бред. Нам никакой компромисс с Советским Союзом не нужен. Нам нужен «Рах Америгана», который на 80 процентов будет отвечать нашим предложениям».

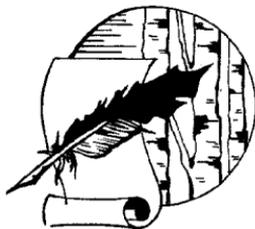
В реальности мировая война не закончилась в 1945-м, она переросла в Третью мировую войну, только ведущуюся иными способами. Но тут мы должны сделать оговорку. План «Немыслимое» провалился в том виде, как его задумал Черчилль. У Трумэна были свои мысли на этот счет. Он считал, что противоборство США и СССР капитуляцией Германии и Японии не заканчивается, что это только начало нового этапа борьбы. Не случайно советник американского посольства в Москве Кеннан, видя, как москвичи праздновали День Победы 9 мая 1945-го, записал в своем дневнике, изданном затем в США: «Ликуют... Они думают, что война кончилась. А настоящая война еще только начинается».

Трумэна спросили: «Чем «холодная» война отличается от «горячей»? Он ответил: «Эта та же война, только ведется другими методами». И она велась все последующие годы. Ставилась задача отеснить нас с позиций, на которые мы вышли. Она выполнена. Ставилась задача добиться перерождения людей. Как видим, и эта задача практически выполнена. Кстати, США вели и ведут войну не только с нами. Они угрожали атомной бомбой Китаю, Индии... Но главный их противник был, конечно же, СССР.

По утверждению американских историков, дважды на столе у Эйзенхауэра были приказы о нанесении превентивного удара по нашей стране. По их законам приказ вступает в силу, если его подписали все три начальника штабов — морских сил, воздушных и сухопутных. Две подписи были, третья отсутствовала, и только потому, что победа над СССР, по их подсчетам, достигалась в том случае, если в первые 30 минут будет уничтожено 65 млн. населения страны. Начальник штаба сухопутных войск понимал, что не обеспечит этого.

Это надо изучать в школах, рассказывать детям в семьях. Наши дети должны усвоить спинным мозгом, что англосаксы всегда с удовольствием выстрелят в спину русским. Необходимо знать, что на Западе зоологической ненавистью ненавидят Русский народ. «Русские — хуже турок», как считали там еще в XVI веке. В течение сотен лет с Запада на Россию периодически накатывают орды убийц, чтобы покончить с нашей цивилизацией, и в течение сотен лет побитые уползают обратно. И так до следующего раза. Так же было в свое время и с хазарами, пока Святослав не принял решение — мир будет только если врага сокрушить в его логове и навсегда покончить с угрозой. Иван Грозный принял такую же программу, и в результате опустошительные набеги кочевников и татар, тысячу лет терзавшие Русь, закончились навсегда.

Запад — наш враг и всегда им останется, как бы мы ни пытались угодить ему и какие бы ни заключали с ним союзы.

Людмила ТУРОВСКАЯ

ЗВЕЗДА НАД РАВНИНОЙ

ВИДЕНИЕ В ГОРОДЦЕ НА ВОЛГЕ

Здесь тихо. Здесь Волга. И ласковый ветер.
А берег зелёный — пустынен, и грустен...
Здесь князь синеокий* бессмертие встретил,
Навеки простившись с любимой Русью.

Бескрайние степи. Заволжские дали.
Берёзы, полынь, васильки и ромашки.
О, сколько любви, доброты и печали
В земле нашей русской, в судьбе нашей тяжкой!

Спокойный и маленький город на Волге
Осенней прохладой медлительно дышит.
Но в этой тиши — невесомой и долгой —
Здесь рокот столетий отчетливо слышен.

Вот тени мелькнули! Другие — навстречу.
И гогот, и свист, и ядрёная ругань.
Кровавая встреча — жестокая сеча.
И бешено рвут и терзают друг друга.

Сверкают шеломы. И падают кони.
Отвагой горят разъяренные лица.
Кто колет копьём, кто беспомощно стонет.
Дышать невозможно от взбитой землицы.

О, славные русы! Хоробрые вои!
Вы праведной жертвой за родину пали.

* Князь синеокий, Александр Невский, возвращаясь из Орды, умер в 1263 году в Городце на Волге.

Но каждый из вас светлой песни достоин
И вечной любви, и высокой печали.

Лихие потери. Полынные годы.
Лютеют баскаки. Волненье — в народе.
Но кто это — тихий, задумчивый, гордый —
По нынешним улочкам за полночь бродит?

Не спит Ярославич. Вздохнет одиноко,
На круче высокой, невидимый, встанет...
И смотрит он зорко, и смотрит — далёко!
И знает — что с Русью несчастною станет.

И вздрогнет. И выйдет к пустому причалу.
Вот горькая дума его одолела.
— Вставайте, родные! Всё будет — сначала.
Готовьте мечи. И кольчуги. И стрелы.

Быть битве. Вновь русским — суровая доля.
Вновь топот врага — по широкой равнине.
Не спит грозный дух. Вырастает над полем,
Над отчей землёю, над Волгою синей.

И вновь зазвучит первородное слово:
За волю! За правду! За русские песни!
И нам умирать за Отчизну не ново.
И с нами наш князь, наш защитник,
наш Невский!

СЛАВЯНСКАЯ ПЕСНЯ

Звезда над равниной. Звезда — над равниной!
Сияет... Аж больно смотреть.
А воздух — целебный, просторный, былинный.
Где гусли? Так хочется петь!
Весенние рощи. Бескрайнее поле.
Живая в озерах вода.
Неужто погибнем в тоске и неволе?
Неужто славянам — беда?

Нет, мы не сдвимся! Нет, мы не угаснем!
Вот колокол бьет вечевой.

И мы выбираем суровое счастье —
За Русь подниматься на бой.

Поклонимся Минску, *пригожему* граду.
Пред павшими склоним главу.
И, глядя сквозь морок безумной громады,
Великую вспомним Москву.

О, Киеве любий! В чьём нынче ты стане?
Чьих жаждешь князей и даров?
Здесь тоже родные, здесь братья-славяне!
И русская древняя кровь.

И всё это наше — низины и кручи,
И степь, и болота, и лес,
И добрая Волга, и щедрый Славутич,
Чернигов, Калуга и Брест.

Единые корни. Святая дорога
Страданий, лишений и слёз.
А в сердце шемит, не смолкая, тревога —
Нельзя нам, родимые, врозь!

Сябруйте, славяне! Вам — сила и *здрава!*
Пусть сгинет лихая беда.
И станет *магутною* наша держава!
И вечной над нею — звезда!

У КАРТИН ВАСИЛЬЕВА

Из дальних сфер Валькирия плывёт.
Волшебный свет сквозит из поднебесья.
Мерцают звуки Вагнеровских песен...
Неумолим их пламенный полёт!

Блестает степь — спокойна и вольна.
Земля молчит, и помнит... И — рыдает.
Её душа о новой битве знает,
О жертве той, что требует война.

Вот грозный клич раздался в тишине!
И вдруг затих под бездной голубою...
Алеет кровь. На снежном полотне —
Любовь и смерть бессмертного героя.

В МАЛОРОССИИ

Подло завелось теперь на земле нашей...

Н.В. Гоголь

На земле моей, на Руси родной —
Невеселый день, утро хмурое.
Бестолковый люд сам себя казнит,
Сам себе, холоп, петлю вешает.

На земле моей, на Руси родной
Завелась беда — стерва подлая.
И грызет народ, словно лютый пёс,
И творит дурдом в стольном Киеве.

Не тщеславный лях и не злой монгол
Продают себя в рабство черное —
Славянин в полон ко врагу идёт,
Упырям-чертям в ножки падает.

А братьев своих не желает знать.
На Москву глядит волком бешеным.
Как в Израиле, мол, желаю жить,
Да вкушать комфорт — как в Америке.

Али он — дурак, али сам не свой.
Заросли мозги серой плесенью?
Аль в душе пустой колобродит мрак,
Не дыра ли там беспросветная?

Ох, да сколько ж их развелось, Мазеп!
Сколько бродит их, злобных панычей,
Что Бандеров лик на алтарь ташат,
Из грехов Махно сказку делают!

И грустит Днипро, и вздыхает Днестр,
И сыра земля сокрушается,
Как слышат их — сечевых* лжецов
Да сведомых блажь несусветную.

На земле моей, на Руси родной —
Невеселый день, утро хмурое...
Славянин в полон ко врагу идёт
Да творит дурдом в стольном Киеве.

* Сечевые стрельцы — украинцы, сражавшиеся в рядах австрийской армии против России в период Первой мировой войны.

МОНОЛОГ НОВОГО ЧАЦКОГО

Как жить мне в этом городе греха?
В безумной этой, бешеной столице?
Куда ни глянь — везде глухие лица
Да ловких сделок смертная тоска.

Мне страшно погружаться в этот ад,
Где от ума, как прежде, только горе,
Где сытый люд живет друг с другом в ссоре,
А в семьях — блуд, и пьянство, и разлад.

Не скучно вам? Мне — тошно здесь давно
Среди плутов, бездельников и хамов.
И всюду ложь — в парламенте и храмах,
Престижных вузах, банках, казино.

Кругом — шуты, мутанты и жлобы,
Гоняют пыль чужой нелепой моды,
А на своё — кривят кичливо морды.
Средь них, увы, — маршрут моей судьбы.

То дикий рок, то странное «гуд бай!»
Жуют хот-доги, пепси выбирают.
Америка! *Нет в мире лучше края!*
Ни русских там, ни русского «прощай!»

Беда. *Куда деваться мне от них?*
В тусовках потных, в сутолоке буден —
Среди людей — унылое безлюдье.
Корысть одна да глупости одни.

Снуют путаны. Геи всех мастей
С реклам гламурных нагло скалят зубы.
Гниют сердца. Цветут ночные клубы,
На всех экранах — игрища чертей.

Не в светлый мир — на кладбище тропа.
В пустых глазах — гулянки да химеры.
Ни красоты, ни совести, ни веры.
Убогий люд, *мучителей толпа!*

Курсивом выделены фразы из «Горе от ума» А.Грибоедова.

И все спешат. Куда? Во мрак дыры.
Судьбу страны решают прохиндеи.
Ни грана чувств, ни крохотной идеи.
Зато кругом — награды и пиры.

Ну, как тут жить? Молясь на пошлый фарс,
На мёртвых душ разменную монету?
Уж лучше — на Луну, на грозный Марс.
Прощай, Москва! Ракету мне, ракету!

ТУЧИ НАД БОРОВСКОМ

Над Боровском ветер. Над Боровском тучи...
Безвучно вздыхают зелёные дали.
Тревожные знаки беды неминучей.
Живые следы неизбежной печали.

Вечор тёмный дождь сокрушительно плакал.
О чем-то Протва безутешно рыдала.
А в смрадной дыре задыхался Аввакум,
И сушая Правда его не спасала.

И ждут его пытки и страшная яма,
Болезни и холод, проклятья и язвы.
А он — всё своё! Горячо и упрямо.
Заветы дедов забываются разве?

Не надо чужого! Ни яда, ни мёда!
Ни вычурной моды, ни речи заморской.
За это ему — батоги и невзгоды,
Да новый этап, да костёр Пустозёрска.

Но, верен себе, он неистово крестит,
Бросая в народ твердолобое слово.
Над бедною Русью плывёт двоеперстье,
Навеки презрев троеперстье царёво.

Над Боровском тучи. Над Боровском ветер.
Как будто нарочно. Как будто — проклятье.
Неужто лишь дыбой, секирой да плетью
Дорогу торят православные братья?

Над Боровском — ветер...
Над Боровском — тучи...

ОККУПАЦИЯ

ЭЛЬДОРАДО. ЖАРА. ДИВАНЫ.

Слов-мутантов, увы, не счесть.
Растеряли, видать, Иваны
Гордость русскую, ум и честь.

Вот — гундосит Абрам с экрана.
Вот — запил славянин с тоски.
Да поймите же вы, болваны!
Оккупация, дураки!

Юрий КУЛИКОВ

«Солдат, художник и поэт», — говорил о себе Юрий Куликов. Причем именно в такой последовательности: на первом месте — солдат.

Он действительно был простым солдатом Великой Отечественной. Родившись в 1924 году, на фронт попал 18-летним мальчишкой, прошел через ад Курской дуги, форсировал Днепр, освобождал Украину и Польшу, штурмом брал Берлин. Был ранен, контужен, какое-то время побывал в шкуре штрафника. А после войны еще четыре года гонял по украинским лесам бандеровские банды. Демобилизовавшись в 1949 году, поступил в художественное училище в Нижнем Тагиле. А по окончании вернулся в родной Ульяновск, где и прожил всю свою жизнь.

Основной темой живописных полотен и графических работ Куликова стала война. Она же — главная тема и его стихотворений.

При жизни у Юрия Куликова не вышло в свет ни одного сборника стихов. И вот теперь в нашем журнале — первая его поэтическая публикация.

ЩЕПОТЬ МАХОРКИ

* * *

Лиха беда свела в одном расчете.
И не считай, коли пришла беда,
Мозолей, задубевших на работе,
И пройденные маршем города.

Один блиндаж укроет и согреет.
Здесь поровну на всех поделено:

Махорка, хлеб и грохот батареи,
И блеск медалей в котелке с вином.

На Запад, оставляяobeliski,
Прошел через потери и метель
Наш уставной расчет артиллерийский,
Как трудовая русская артель.

* * *

Всех богов перебрал комбат,
Поднимая в атаку роту,
А над полем солдатский мат
Хрипло рвался в цепи пехоты.

Но, пройдя через весь накал,
Отдышавшийся понемногу,
Уцелевший комбат сказал:
— Всё, ребята! Живем! Слава Богу..

* * *

Последнюю щепоть махорки
Наскреб в карманах старшина.
Минуту передышки горькой
Для нас устроила война.

И самокрутка, как причастье,
На всех, без выбора, одна,
Дарила призрачное счастье
В тяжелой паутине сна.

Качались в линзах у комбата,
В его бинокле полевом,
Откосы высоты не взятой
И вражеских траншей излом.

Удача не приходит сразу.
И за тебя никто другой
Не выполнит слова приказа.
И не окончит этот бой.

Опять сигнальная ракета
Обозначает наш черед.
Взвевя курок у пистолета,
Комбат командует: «Вперед!»

* * *

В шубейке, обгорелой и короткой,
Не пропуская никого, подряд,
Старуха раздавала по шепотке
Оставшийся от деда самосад.

Как будто пепел от беды и горя
Нам сыпала в ладони, на траву —
Все, что осталось от ее подворья,
От старика, лежащего во рву.

И, прикурив от тлеющего сруба,
Пехотный взвод в молчании своем
Смолил сигарки, обжигая губы,
И хмуρο ждал команды на подъем.

Владимир СМЫК

НА РУССКОЙ РАВНИНЕ

МЕДЫНЬ

В экономической программе Германа Грефа развивался
тезис «о ликвидации многопрофильных городов».

Из газет

На автобусе мы въедем
В городок такой — Медынь,
Он от меда и от меди
И, наверное, от дынь.

Он от поля в полуметре,
Он от леса в двух шагах.
Он ветрами так обветрен,
Он цветами так пропах!

В нем порядок свой отлажен,
Он — куда ни бросишь взгляд —
Незаносчив, двухэтажен,
Каждый выбелен фасад.

Так душевны в нем беседы,
А над ним такая синь...
Но России нашей беды
И тебя нашли, Медынь.

Не дымят твои заводы.
Городок мастеровых
Весь на сотках огородных —
Тишина у проходных.

Раньше волею партийной
Уменьшался каждый день
Счет родных, неперспективных,
Малых русских деревень.

Заросло бурьяном поле
От нескладных тех годов...
Реформаторская воля
Добралась до городов.

«Вслед за пашней, вслед за фермой,
Малый город, — пишут, — сгинь».
Ах, Оскарович наш Герман,
Ты не тронь мою Медынь.

* * *

Игрой алмазною искусной
Зима украсила сугробы —
Еще не все равнины Русской
Алмазы вывезли в Европу.

Еще над нашими полями
Не сплошь господне небо хмуро,
Большой Медведицы над нами
Еще не поделили шкуру.

РУССКОМУ МОРЮ*

Ветер кинулся прямо на грудь и лицо облизал,
Встрепенувшись, подняли акации радостный шум.
Взволновалось и море — и двинуло вспененный вал.
И, вздохнув полной грудью, ему я навстречу шагнул.

* С IX века в арабских источниках Черное море называлось Русским.

Принимай мой глубокий поклон, осиянная зыбь,
Как ты здравствуешь, сила без меры и ширь без преград?
Всем я сердцем люблю твой могучий свободный язык,
Потому что он нашему русскому — брат.

Донесли ведь не зря твое русское имя века.
Чем и волны твои не седые в степях ковыли?
Облака проплывают. Плывут и плывут облака
Над твоею равниной, что Русской равнине сродни.

* * *

Заря раздвинет утренний туман,
Дрозды-рябинники мелькнут над бабьим летом.
Учительница первая поэтам,
Целительница их душевных ран

Вот и в мою калитку входит осень.
А я смущен, я школьник, я притих:
Какой она учить велела стих?
А что дала писать — не помню вовсе.

Писать о том, как ветер у берез
Перебирает золотые косы?
Что радуется солнышку мой пес,
Тебе хвостом помахивая, осень?

Я никогда как следует не мог
С твоим заданьем справиться, но Боже,
Я так боюсь, что этот твой урок
Окажется таинственной и строже.

Ты не о том ли задавала стих,
Ты не о том ли шелестишь листвою,
Что вот приходит осень дней моих,
Но выпадет ли ей быть золотою, —

Струиться светом твоего огня?
...Когда в сентябрь уходит спелый август,
К окну склонясь, антоновка, как Аргус,
Белками яблок смотрит на меня.

ОТЕЦ

РАССКАЗ

Это зимнее предновогоднее утро было столь расточительно на свет и покой, что не верилось в привычную трудность и утомительность ночного сорокакилометрового марш-броска по гулким перелескам, полям с неубранным урожаем зерна, оврагам с горячим дыханием непокорных морозу ручьев и речек.

Солнце, докрасна раскаленное, выкатилось сразу, помятежному весело, предательски высветив глубокие следы лавиной влившегося в деревню передового батальона...

Зазвенела в саду синица, серые и как обычно наглые вороны расселись по березам и сухим ветлам, с любопытством рассматривая неожиданное нашествие незнакомого люда.

Как ни старался за пять месяцев войны Николай, командир санитарного взвода, лейтенант, самоутвердиться, настроить жизнь на обычный лад, чувство самосохранения было настолько велико, что, даже ощущая себя песчинкой среди тысяч и миллионов таких же, как и он, людей, брошенных судьбой и временем навстречу непрошеному гостю, настроенность и даже страх перед боями, в которых он успел уже побывать, не оставляли его, и порой, во

ПРОЗА

время коротких ночлегов, начинал Николай подозревать и даже обвинять себя в недопустимой и ложной трусости, которая никак не увязывалась с его духовной ранимостью, нанесенной жадной мщеница врагу. Сотни убитых и раненых, прошедших через его руки, внушали и разогревали в сознании боязнь перед безысходностью возможной гибели, и ему становилось жалко себя, восемнадцатилетнего, не успевшего ничего достичь в этой жизни, кроме сокровенной доли — защищать свою землю. Но на защиту ее встало такое множество людей, что среди них не мог он понять всю важность и необходимость своего участия. Вера в причастность к большому и нужному делу не оставляла его, но и страх, как ни пытался он от него избавиться, быть убитым и даже тяжело раненным присутствовал в нем перед каждым боем помимо его воспаленного сознания, и само существо его заставляло быть Николая осторожным и лишало спокойствия.

Но это утро было совсем другим. На время пришлось забыть войну и легко, неизвестно с чьим участием, перенестись в свою деревеньку, приютившуюся на берегу Оки, к родителям, братьям и сестрам, каждый день наверняка вспоминающим о нем. Состояние покоя наполняло душу, когда шел он в штаб батальона. Возле каждой избы, зачехленной выпавшим снегом, толпились солдаты: разговаривали, курили или так же, как он, радовались неожиданно ласково встретившему их утру.

Один из санитаров, татарин Рустам Азайбеков, будучи старше лейтенанта на двенадцать лет и выполнявший при нем роль ординарца, не торопясь, шел сзади, что-то, как всегда, тихо напевая на своем непонятном Николаю языке.

Все знали, что после утомительного ночного перехода предполагался небольшой отдых, и даже не с тем, что без него нельзя было обойтись, а оттого, что линия фронта была так близка, что любое передвижение в дневное время было небезопасно, а без точных сведений разведки о месте расположения противника вредно и губительно. Ждали распоряжения из штаба с тревогой и напряжением, спрессованными минутами беспокойного ожидания предстоящего боя. Где-то за лесом, вдалеке, что-то очень похожее на раскаты басовитого грома гремело и ухало, и можно было бы поверить в это, если бы не предновогоднее утро, морозное, с небом чистым и ясным, готовым к вечеру высветиться тысячами ярких звезд. Столбы белого застывшего дыма стояли над крышами изб, будто ждали скорой команды для предполагаемого движения.

— Тревога! — резкий, срывающийся на дискант голос прорезал неустойчивую тишину утра, и вслед за ним два пистолетных выстрела тонкими хлопками разорвали морозный воздух.

Из избы, где штаб расположился на отдых, выкатился адъютант комбата в одном кителе, без шапки и рванулся к соседнему дому, к толпе сгрудившихся солдат.

— Тревога! Всем в лес! Самолеты! — закричал он, поравнявшись с Николаем. — По радиии сообщили: сейчас бомбить будут.

Пока еще ни гул самолетов, ни разрывы со свистом летящих на землю и леденящих сердце бомб не нарушали деловую жизнь селения, но тому, кому однажды привелось побывать под бомбежкой, они уже слышались, и желание бросить все и бежать, бежать куда бы то ни было, только лишь бы спастись и не оказаться в этом бурлящем огне, землей и металлом котле уже овладело всеми и наталкивалось только на опеченяющие сердце минуты выбора места спасения да ничтожную возможность суметь захватить с собой свой бесхитростный походный скарб.

— За мной! — крикнул лейтенант опешившему Азайбекову и бросился к дому, где коротал остаток ночи их санитарный взвод.

Солдаты, не услышавшие бойко катившейся по улице команды, спокойно выходили из серой пятистенной избы кто за водой, кто по надобности, потягивались, с удовольствием захлебываясь морозным утренним воздухом, и, когда только даже краем уха улавливали смысл ее, бросались в избу, подталкивая друг друга и расшвыривая по дороге недоумевающих и еще не осознавших суть произошедшего. В спешке, хватая винтовки и вещмешки, они выкатывались на улицу и, осмотревшись, вливались в тяжело дышащий и катящийся к лесу поток товарищей. По дороге они перемешивались с деревенскими жителями: женщинами, детьми, стариками — и уже не походили на ту довольно организованную колонну, поздно вечером входившую в село. Приказ командиров взводов рассеяться и скрыться в лесу, на бегу передаваемый друг другу, был не только командой, требовавшей обязательного исполнения, но и одним из условий возможного спасения, и выполнялся с большим желанием и энергией. Некоторые местные жители, видно, еще не привыкшие к такому способу спасения и не пожелавшие по разным причинам оставить свое жилье, топтались около своих домов в нерешительном бездействии. Беженцы, дети и взрослые, прибывшие из оккупированных немцами мест и испытывавшие на себе ужас

бомбежки, по первому требованию военных ринулись к лесу. Через несколько минут все поле, занимавшее полукилометровое пространство между селом и темным сосновым лесом, было усыпано сотнями человеческих фигурок, в страхе бегущих по нему.

Санитарный взвод капитана Батурина, поднятый по тревоге, как и положено, последним покидал село. Шесть санок, нагруженных медикаментами, врассыпную спешили к лесу, заснеженному и надежному, как всем казалось.

Впереди лейтенанта бежала женщина в длинной пятнистой шубе нараспашку — полы ее мягко скользили по снегу, и бегущая была похожа на маленький парус, короткими рывками, будто по волнам, медленно скользящий перед его глазами.

Гул вражеских самолетов настиг их метрах в двухстах от леса, но нарастал он и приближался значительно быстрее, чем этого бы хотелось всем спешащим к спасительному бору. Через несколько секунд — удивительно быстро — он превратился в рев и грохот, к которому внезапно примешался треск пулемета, и первая струя пуль с шипением и хлюпаньем проплыла перед Николаем. Он так бы и продолжал бежать, но крики первых, кого она сумела задеть, остановили его и отрезвили сознание.

— Ложись! — испуганно закричал он, увидев, как вслед за легкими «мессершмитами», короткими очередями прострочившими ряды бегущих, на край поля стали выползать тяжелые бомбардировщики, и сам, не услышав своего голоса, рухнул в пушистый и глубокий снег.

Он не знал, услышала ли женщина его команду, но почему-то был уверен, что приказ его предназначался именно ей, а не другим, в панике заметавшимся по полю, и сейчас, пластом упавший на живот и судорожно слизывающий с губ талую, соленую от пота воду, понимал, что минуту назад его команда, отданная ради этой женщины и невольно выполненная почти всеми, спасла им жизнь.

Когда командир санитарного взвода осторожно поднял засыпанную снегом голову, открыл глаза, то увидел впереди себя копошащуюся массу людей, встающих, пытающихся приподняться и вновь бегущих или не перестававших бежать и идти к лесу. Он попытался отыскать глазами женщину и вскоре увидел ее, лежащую метрах в десяти впереди него. Она то ли не хотела вставать, то ли не могла это сделать. И тогда страшное предчувствие охватило его и вырвало из снежной купели. Забыв об опасности, — самолеты, судя по их приближающемуся свисту и реву, опять заходили на цель, — он

подбежал к ней, рванул за рукав шубы — она не подавала признаков жизни. С трудом и тревогой перевернул он ее на спину: на распахнутой груди, как раз напротив сердца, пламенело и расплывалось почти с равномерной неотвратимостью алое пятно крови. Снег около нее был уже пропитан кровью и даже чуть-чуть парил. Уверенный в том, что помощь ей уже не нужна, Николай хотел бежать дальше, но вдруг его внимание привлек сверток, выкатившийся из-под нее в тот момент, когда он переворачивал ее и пытался увериться в ужаснувшей его догадке. В спешке лейтенант не обратил внимания на него, но сейчас вдруг сквозь удаляющийся гул самолетов, напоминающий о своем вторичном нашествии пороховым запахом гари и криками раненых, он услышал странные звуки, похожие на плач ребенка. Лейтенант осторожно поднял пакет, прижал к груди и прислушался — в пакете что-то шевелилось и попискивало. Николай откинул легкий край байкового одеяльца и увидел крохотное личико ребенка, искаженное светлыми слезинками и тонким плачем.

«Да что ж это такое? Вот еще чего мне не хватало!» — с открытой горечью в сердце подумал он и осторожно прикрыл лицо ребенка.

С досадной тоской посмотрел он на последние ряды вливающегося в лес батальона и ребят из своего взвода, копошащихся возле раненых, а потом на село, далекое, не перестающее дымить высокими трубами. Он хотел было идти за скрывающимся в лесу людьми, по пути организуя вывоз раненых, но, поняв, что не нужна там и обременительна всем его находка, повернулся и пошел назад. Самолеты на бреющем шли от леса и неслись прямо на него, но лейтенант заблудился о них, как, видно, и они о нем, и с грохотом и визгом один из них промчался над самой головой, черной тенью прикрыв на миг его и останки кровавого пиршества.

Странное оцепенение овладело его душой и волей. Ему было все равно, будут они стрелять по нему или нет, — он сделал свой выбор: перед его глазами лежала смертельно раненая женщина, дважды успевшая подарить жизнь своему дитяти, и в третий раз сделать это предстояло ему, командиру санвзвода. Во что бы то ни стало, должен он был выполнить свой долг перед ней.

Страх быть убитым или раненым на время оставил его; чувство самосохранения — привычная реакция организма на защиту и спасение — пропало, а воля была сориентирована на властную команду души и сердца. Проходя мимо распластанных на снегу тел, мимо только что минуты назад дышавших и живших надеждой на спасение людей, он с глущи-

кой просветленностью осознавал высокую значимость своего поступка и думал только об этом маленьком спрятанном в одеяло тельце, притихшем на его груди. С какой-то светлой радостью, чувствуя искрящиеся мгновения полета души своей, он крепко прижимал мокрый от снега, оттого еще более теплый сверточек, и быстро, будто не шел, а летел к селу. Вновь оно дохнуло на него теплом и жизнью, тем неистребимым до последней избы, до последнего двора приютом, который свойственен только селам и деревенькам, уютящимся на бесконечных просторах России. Из труб некоторых изб еще тянулись белесые, ослабевающим дыханием печек сотворенные дымки. Кое-где взлаивали и выли собаки, вслед оставившим их хозяевам.

На самом краю селения заметил он прямо перед собой внезапно вынырнувшую из-под снега землянку. Дымок яро струился из невысокой чуть покосившейся трубы, казалось, что ему не хватало места там, внутри, и он, с бешеной силой кем-то выталкиваемый, рвался наружу. По недавно протоптанной в глубоком снегу тропинке лейтенант пробрался к низкой дощатой двери. Она была так мала, что, открыв ее, он с трудом протиснулся вовнутрь, бережно неся пакет перед собой и стараясь не потревожить ребенка.

В жилище было тепло и душно. Железная печурка работала во всю мощь и, нагретая сверху докрасна, отбрасывала на низкие дощатые стены малиновый свет раскаленного металла. Дрожащее пламя подвешенного к потолку «гасика» освещало среднюю часть землянки, оставляя скрытым для глаз вошедшего все остальное, завешенное то ли одеждой, годной для разных времен года, то ли тряпками, вынужденными коротать здесь вместе с хозяевами нелегкую жизнь.

На земляных нарах перед дощатым столом сидели старик со старухой, явно встревоженные не столько неожиданным гостем, сколько неожиданным бегством в лес солдат и односельчан. Вода в чугунке кипела и весело и призывно постукивала по нему крышкой-сковородкой; пряный запах сварившейся картошки заполнял внутренность жилья.

— Господи! Кого это к нам, отец? — простонала из угла старуха, подслеповато щурясь и глядя не столько на вошедшего, сколько на клубы морозного воздуха, ворвавшегося вслед за ним и бесновато закружившимися вокруг.

— Свои, бабка, свои. Вот подарок вам к Новому году принес... Чтоб не скучали.

Николай тяжело опустился на край нар, дождался, пока угонятся холодные пары, и начал аккуратно разворачивать сверток.

— Господь с тобой! Какой еще подарок? — тихо зашелестел губами дед, привстал и наклонился над развернутым свертком.

То, что лейтенант называл подарком, запищало, задергало руками и ногами. Загадочное молчание стариков заполнил тонкий жалобный плач ребенка. Они, как две не вовремя потревоженные птицы, снялись со своих мест, подошли бесшумно и застыли, с любопытством рассматривая дитя.

— Девочка, — надрывно, как открытие, прозвучал голос лейтенанта.

— Крохотная какая! Где ж ты, милай, нашел ее? — глядя на не перестающего пищать ребенка, спросила бабка.

— Мать у нее сейчас убило. Там, на поле лежит. В шубе. Хоронить будут — надо документы посмотреть. Фамилию узнать... Я ее у вас пока оставляю, а там видно будет. Простынку сменить надо. Мокрая, — не дождавшись согласия стариков, проговорил Николай и направился к выходу.

— Господи, сынок, а что мы с ней делать-то будем? — скоро спохватилась старуха и шагнула велед уходящему Николаю, пытаясь хоть на время задержать его.

— Отстань, Марья! — громко прохрипел дед. — Ему, небось, воевать надо. Иди, родимый, иди с Богом. Не бойся — мы с Марьей дитя не бросим, а ты, коли узнаешь фамилию — сообщи, а еще лучше документы... В шубе, говоришь?

— В шубе. Шуба пятнистая такая. Из беженок, поди.

Николай запахнул шинель, резко повернулся и, согнувшись, выскочил за дверь в морозное марево начинающегося дня.

* * *

Как хотелось бы мне, чтобы люди осознали великое блаженство и достоинство твоего поступка, отец! А что может быть человечней и сокровенней твоего поступка? Думаю сейчас: из чего была создана твоя жизнь?..

Мой отец... Восемнадцатилетний парнишка, не успевший закончить медтехникум, в день своего рождения, ровно 8 августа 1941 года, был призван в действующую армию, которая находилась под командованием генерала Голикова. А закончил войну в Германии — победителем.

ЛЮБОВЬ МОЯ...

(ФРАГМЕНТЫ РОМАНА)

* * *

Ревда послевоенная. Маленький уральский городок, при-
тулившийся у подножия двух гор, — Медведицы и Волчихи,
поросших суровым, словно всегда насупленным сосняком.
Деревянный домишко на высоком берегу речки Ревдинки. То
ли она давным-давно дала название городу, то ли он ей. Отсю-
да с обжитого, родного места, вскоре после войны бабушка с
дедом с неохотой переехали в комфортабельное по тем време-
нам жильё — двухэтажный дом в новом районе, получившем
странное, но никого не удивлявшее в то время название — «соц-
городок». И тут же родители отправили маленького Сашу к
ним. Чтоб не мыкался, не путался под ногами в бесконечных
скитаниях с одной съёмной квартиры на другую, чтоб иметь
возможность спокойно обустроить свой быт.

Сегодня Сашке почему-то тоскливо. Загрустилось по дому,
по маме. Он смотрит на улицу через растопленную ладошкой
и горячим дыханием проталину в зимних узорах кухонного
стола. Вчера ему исполнилось во-
семь.

За его спиной, в углу, под иконой
Богородицы, бабушка строчит на
швейной машинке. Слышно, как
дед в другой комнате шуршит газе-

ПРОЗА

той. Градусник с обратной стороны окна показывает, что на улице минус тридцать пять — поэтому Сашка сегодня не в школе. Уроки отменены. Машин совсем нет. Война не пощадила их, как и людей, перемолов в мертвое железное крошево, все еще ржавеющее на местах недавних сражений. Люди и машины. Тысячи братских могил на засеянных минами пашнях... Но это где-то там, далеко.

Прохожих мало. Кому охота выходить на улицу в такой мороз?! Только через дорогу, у входа в магазин, старуха упрямо продает мороженую рябину. Пятачок гроздь. Видно нужда! Ягоды яркие, как капли крови, и твердые, как картечь.

Из-за поворота выбрела колонна. Вся в клубах пара. Иней на бровях, на ресницах, усах, даже на небритых щеках. Унылые серые одежды, унылые лица, унылый, скованный шаг. Это немцы. Пленные, побежденные, лишенные воли. Просто материал, одинаково пригодный для войны и для мира. Это они, вчерашние солдаты вермахта, вот уже семь послевоенных лет строят на свой прилежный немецкий лад этот чужой и чуждый им уральский городок на месте деревянных изб и кривых темных улочек старой Ревды. По своим немецким проектам, со всеми немецкими удобствами, совсем как в каком-нибудь Дрездене или Шверине — с ванной, душем и туалетом. Строят так же усердно, как еще совсем недавно разрушали такие же городки, как убивали русских людей. Но совсем по-русски в «немецких» домах вот уже два года нет воды. Вода — в колодце, на дворе. И туалет, которым на самом деле можно пользоваться, тоже на дворе, — деревянная будочка с двумя дверьми и огромными кривыми буквами на них — «М» и «Ж».

Немцы идут! И никому ни чуточки не страшно. Даже жалко их, бедолаг. Вышедшая из магазина напротив женщина с авоськой в руке некоторое время перетаптывалась на месте, ожидая, когда пройдет колонна. И вдруг, оглянувшись виновато, словно делала что-то стыдное, сунула самому молоденькому, щуплому и бледному только что купленную осьмушку хлеба. Немчик виновато что-то пробормотал. И опустил глаза. Солдатик с винтовкой, сопровождавший пленных, вяло ругнул женщину, на что немецкая овчарка, шедшая у его ноги, тоже гавкнула — то ли на женщину, то ли на немца за то, что хлеб достался ему, а не ей, и услужливо заглянула в глаза красногвардейцу.

А женщина долго стояла и смотрела вслед уходящей колонне. Может быть, она думала о своем сыне, который ушел от нее на войну, да так и не вернулся. Пропал без вести. Пропал навсегда.

Письма — это не только летопись семьи, но и большой истории, преломленной в судьбах людей, одухотворенной их чувствами, переживаниями.

«Здравствуй, дорогая доченька!

Вчера получила твое письмо, как раз в день именин папы, но его не было дома. Он уехал в командировку, в Свердловск. И я одна справляла его именины, — убралась кругом, затопила печку, поставила самовар, попила чаю. Вспомнила вас всех и помолилась за вас.

Твое письмо меня расстроило. У тебя совсем плохое здоровье. Должно быть питание неважное. А ты ничего не пишешь, чтобы прислали тебе денег. Улучшай свое питание, а то у тебя, должно быть, малокровие. Если стипендию не дадут, так пиши, не доводи до того, чтобы сидеть без гроша. Завтра понесу письмо на почту и вместе с ним отправлю тебе денег, пока 50 рублей. Как получишь — напиши.

Доченька, ты просишь прислать тебе джемпер. Но ведь он совсем старенький. Я его выстирала, а он полинял и расхутился. Конечно, почию я его, но все же будет заметно. Прямо стыдно посылать такое «сокровище». Хотя бы еще чего вместе с ним послать тебе. Постараюсь достать рейтузики или носочки.

Погода у нас стоит теплая, снег начал таять, дорога испортилась, кругом вода и ручьи. У нас половина подпола воды натекло.

Вот и все. Крепко тебя целую.

Твоя мама».

И все тогда было удивительно настоящее, искреннее, подлинное и простое...

«Здравствуй дорогая бабушка! Как ты живешь? Как твое здоровье? Я живу хорошо. Уже хожу в школу. Папа и мама хотели меня поместить в другую школу которая ближе к нам но я пошел в старую. Только вот книг ни одной не достал. С книгами у нас плохо. Наш новый дом мне очень понравился. Четырехэтажный, каменный, хотя у нас балкона нет как у тебя, зато есть рядом у соседей. Квартира тоже понравилась. В квартире есть душ, ванна. Через комнату живут мальчик Вова и девочка Валя.

Скучаю по тебе бабушка и жду когда ты приедешь. Твой внучек Саша.

Как живут котята?»

Листок не из разлинованной школьной тетрадки, а из блокнота для рисования, и оттого вдруг почувствовавшие волю строчки то разбегаются в разные стороны, то карабкаются куда-то вверх, скатываются вниз, словно с ледяной горки.

Фиолетовые чернила местами расплылись. Знаки препинания и заглавные буквы кое-где отсутствуют. Зачем? Это только мешает, отвлекает от сути, сбивает настроение. Ведь это не на уроке — за оценку! Бабушка простит. Посмеется только.

Саша явственно представил, как она сидит на своей маленькой кухоньке, за накрытым клеенкой в синюю клетку столиком, читает его письмо, беззвучно шевеля губами, Ему стало грустно, и захотелось плакать... Дед умер. Ходил, смеялся или хмурился. Пил чай или читал газету. Топил печь или подшивал ему валенки... И вдруг!..

Он закрыл глаза и снова увидел, как лежит его дедушка в некрашеном, пахнущем живым деревом гробу на столе, за которым всего-то неделю тому назад они сидели все втроем, и он, дедушка, совсем живой и такой надежный, читал им с бабушкой что-то из старого, дореволюционного еще журнала «Мировая война». Помнится жалостливый такой рассказик. А теперь — вот он совсем неподвижный, не похожий на себя, какой-то восковой, как свеча, горящая у его изголовья, лежит, сложив руки на груди.

В комнате полумрак. На табуретке у стола старуха в черном платке и платье почти до пят. Читает без остановки молитвы одну за другой. Как ни прислушивайся — слов не понять. Только одно разборчиво повторяется раз за разом: «Господи, прими душу раба твоего!..» Ему страшно лежать в постели одному, смотреть на колеблющиеся тени на стене, но еще страшнее засыпать. И все-таки незаметно, медленно он впадает в сон, в первые детские кошмары...

Старый слепой пес Динго умер сразу же вслед за дедом. А он, внучек любимый, уехал, бросил свою бабушку совсем одну. Не сам, конечно, уехал, мама увезла. Примчалась на похороны отца из далекой Москвы по срочной телеграмме, проводила его в последний путь, поплакала вместе с бабушкой на кухне и забрала Сашу с собой.

Так бабушка осталась со своей кошкой Муркой, совсем не ко времени родившей пятерых котят. Он и кошку представил, и слепых котят, расплзающихся из-под кровати в разные стороны. И то, как Мурка недовольно, но осторожно, ухватив зубами за холку, по одному затаскивает их обратно, под вышитый подзор кровати в картонную коробку из-под дедовых ботинок, усланную тряпьем.

Он как будто увидел эту самую коробку, а потом и дедовы ботинки в прихожей у двери, уткнувшиеся носами в самый угол, словно их наказали за какую-то провинность.

Как это? Ботинки стоят. Даже коробка от них цела. А деда нет, и никогда уже не будет!

И от этой мысли ему снова захотелось плакать. Но он сдержался, не заплакал, потому что мама была рядом. Увидит — успокаивать начнет, приставать с вопросами: что да почему. Поэтому сдержался. Заставил себя отвлечься, вспомнить что-нибудь другое, приятное. Ну, хотя бы... хотя бы то, что завтра воскресенье и не надо идти в школу и можно напроситься на телевизор к соседям.

Время... Ходики на стене. Кукушка кукует в волшебном окне. Тебе или мне? Пес у порога. Зима за окном. Старенький чайник с осипшим свистком. «Зингер» на рынок что-то строчит. Дед за газетой серьезно сопит. В бурках, при шарфе, очки на носу... Кошка лениво наводит красу... Я под столом, что вдали от окна. Старый журнал — «Мировая война».

Саша и вправду успокоился. Аккуратно сложил исписанный листок бумаги.

— Мам! Я написал. Дай конверт!

Мама оторвалась от пялец, где под снующей туда-сюда иголкой уже вырисовывался цветочный орнамент, рассеянно взглянула на него.

— Завтра... Завтра я тоже письмо напишу — оба в одном конверте и отправим.

Саша, не удовлетворившись таким ответом, ведь всегда хочется любое дело сразу довести до конца, стал досаждать родителям.

— Ма-а-м!.. — капризно протянул он. — А когда мы купим телевизор?

Он, конечно, заранее знал, что скажет мама. Знал, что не скоро, знал, что у родителей нет на это денег. Но ему сейчас, во-первых, хотелось их разозлить, а, во-вторых, на самом деле, он давно мечтал о телевизоре.

Вот тогда бы и маме не приходилось по вечерам в полудреме тыкать иголкой в серую ткань, и отцу лежать на диване с очередной скучной книжкой, и ему самому от нечего делать возиться с надоевшим пластилином.

Телевизор — это здорово! Телевизор — это как будто всегда гости в доме. Телевизор — это вообще совсем другая жизнь!

— Ма-а-м! Ну, когда... — снова препротивным голосом затянул Сашка.

Мама снова оторвалась от шитья и с терпеливой укоризной посмотрела на него. Отец, не поворачивая головы, из-под очков недовольно скосил глаза в его сторону. Мама поняла настроение сына и в этот момент пыталась уловить, в чем причина. Отец, обычно не утруждающий себя психологическими изысканиями, и сейчас не был склонен к этому. Вопрос просто ввел его в состояние раздражения. Так было всегда, когда речь заходила о серьезной покупке. Причин тому было несколько. Главная из них заключалась в том, что он, бывший детдомовец, вообще придерживался принципов воинствующего аскетизма, что, кстати, совсем не устраивало ни маму, ни Сашку. Другая причина состояла просто-напросто в постоянном отсутствии денег в семье. Их едва хватало на нехитрую еду от маминой получки до отцовской пенсии.

Отец давно не работал. Нет, писал, конечно, свои пейзажи. Но должностей руководящих уже не занимал. Все больше дома, за мольбертом. Рядом с кистями и красками — жестяной пенальчик с валидолом. Со здоровьем было плохо. Два ранения и контузия давали о себе знать. А кому в стране нужны пейзажи и натюрморты, когда главная забота наесться досыта. И тут он со своим телевизором! Жена, конечно, не преминет воспользоваться случаем, чтобы лишний раз упрекнуть его в неспособности обеспечить семье достаток.

— Но ты же знаешь, сынок, папа у нас не работает. Пенсия у него маленькая. Моих денег, хоть я и кручусь, как могу, на двух работах, хватает только на то, чтобы свести концы с концами.

— Так... Началось! — отец встал, зло скрипнули пружины старого продавленного дивана. — Мамаша с сыном друг друга стоят! — ворчал он, шаря по полу ногами в поисках тапочек. — Да пошли вы!.. — в сердцах махнул он рукой, направляясь к двери и на ходу запахивая потертый махровый халат.

Сашка уже и сам был не рад тому, что затеял этот разговор. Дался ему этот телевизор! Теперь вот отца жалко. И маму тоже жалко. Они молча посмотрели друг на друга. Мама вздохнула и снова принялась за свою вышивку.

Оба знали, куда пошел отец. К соседу Макару. У того всегда есть чем успокоить душу. Одному-то ему жена не очень позволяет ее успокаивать. А с соседом, с интеллигентным человеком, и сама она с уважением и с удовольствием опрокинет стопочку-другую. Послушает умные разговоры про войну, про политику, про искусство. Не все же мужнин матперемат слушать!

Когда вернулся отец, Сашка уже не слышал. Спал...

Потом были Мытищи, начальная школа жизни, первые выученные и пропущенные уроки, классные и внеклассные задания, справедливые и не очень оценки. Познание жизни, расширение ареала обитания. Теплые руки мамы, звуки, не слова, только успокаивающие, защищающие звуки ее голоса, потом комната, пол, потертый ковер, ощущение ладонями и щекой его ворсистой, жесткой поверхности, неухоженный, заросший, полный еще неразгаданных тайн сад... А там, за скрипучей калиткой — ржавый всегда накинутый на такую же ржавую дужку крючок... Туда нельзя, еще не время, там опасно для маленького мальчика! Но так невыносимо тянет откинуть ржавый крючок и шагнуть в тот знакомый, пока еще закрытый для него и потому особенно манящий — большой, бесконечный, настоящий взрослый мир...

Вся семья, как, наверное, и весь город, и вся страна, просыпалась по сиплону и протяжному заводскому гудку, бесцеремонно вторгающемуся в сон, утверждая, что ночь прошла, а значит, хочешь, не хочешь, а надо выбираться из уютной нереальности сна в жизнь.

Мама и соседка по коммуналке, Мария Ивановна, почти одновременно выходили на кухню готовить завтрак. Соседка подкачивала и, старательно прищутив заспанные глаза, прочищала микроскопической иголкой сопло старенького примуса, прежде чем поднести зажженную спичку.

Мама налаживала вечно не желавший разгораться и нещадно коптящий керогаз. На кухне сразу становилось уютней и теплее.

Вставать, как всегда, ужасно не хотелось. Да и время повалиться еще было. До завтрака минут пятнадцать. Не открывая глаз, Сашка вдыхал знакомые утренние запахи — керосина, жареной картошки и лука, прислушиваясь к вторгающимся в сон звукам, приглушенным голосам...

Потом приходила мама, трогала за плечо, быстро пробегала пальцами по спутавшимся за ночь волосам. Он уже знал, что услышит. Каждый раз одну и ту же фразу, произнесенную негромко и ласково, даже как бы виновато: «Вставай, сынок, в школу опоздаешь...»

И приходилось вставать, умыться, чистить зубы, завтракать, брать пахнувший уже не домом, а школой портфель.

И все еще сонно, медленно, ошибаясь ступенями — вниз по лестнице с четвертого этажа на первый...

А на улице еще темно. Желтый в усталом свете фонарей снег. Живые, добрые взгляды окон с высоты нависающих справа и слева серых многоэтажных утесов.

От дома до школы — километра полтора нейтральной полосы между старыми и новыми Мытищами, между передовыми позициями прошлого и ведущим активные наступательные бои будущим. А уж вполне воплощенный результат этой борьбы, этих сражений — три новеньких, только что заселенных кирпичных дома на Главном проспекте. Его еще нет, он существует пока только в замыслах архитекторов да на рисунке, на большом белом щите у перекрестка. Узкая стрелка тропинки вдоль дома среди высоких сугробов, уже расчищенная дворником... Снова гудок. Напоминание: по-торопливайтесь!

Надо прибавить шаг. Сначала вдоль шеренги домов, путаницы строительных лесов. Потом мимо длиннющего глухого забора завода «Электросчетчик», из-за которого всегда почему-то волнующе пахнет женой пластмассой. Дальше — широкая асфальтовая, недопроложенная дорога неожиданно обрывается, переходя в узкую тропинку, ведущую в таинственный и страшноватый сумрак Шараповки — самого глухого и пользующегося дурной славой района старых Мытищ. Улица воровских традиций. Здесь не сыскать дома, в котором бы кто-нибудь когда-нибудь не находился в «местах отдаленных». Воровские профессии здесь передаются из поколения в поколение, от отца к сыну, от старшего брата к младшему. Воровская «романтика», воровские подлинные и вымышленные истории — излюбленная тема разговоров в школе.

Хлипкий мостик через ручей, вытекающий из пруда. Сейчас и ручей, и пруд под толстым слоем льда и снега. Но Сашка знает и вспоминает каждый раз, когда переходит через этот мостик, как весело журчит летом вода по скользким, блестящим камням под ним, как горько пахнут темно-коричневые, словно замшевые камыши, как режутся прозрачные мальки на мелководе и как здорово выискивать законченными от холода руками в невидимой от взбаламученного ила глубине сказочно-перламутровые раковины.

Но как далеко до лета! Как неудобно и одиноко ходить этими темными утрами, так похожими на ночи. Последние шаги — вдоль дощатого школьного забора на взгорке. Кто не знает, ни за что не догадается, что эта старая усадьба, этот одноэтажный бревенчатый домик посреди пустоватого участка с несколькими уцелевшими от теперь уже давнего раскулачивания яблоньками, и есть школа. У самого забора на высокой березе с голыми черными ветвями — пустующий в ожидании летних квартирантов и оттого унылый скворечник с искоса нахлобученной шапкой снега. Свежеутопан-

ная тропинка от калитки к невысокому крыльцу. И сердце уже встрепенулось, сладко защемило в предвкушении встречи со школой, с ребятами. И ноги, будто сами собой, шагают быстрее. Еще минута—другая и вот ребята уже собрались в тесной прихожей, завозились, выбираясь из шуб, пальто, шапок и шарфов, просачиваются в жарко натопленное нутро школы — к печке, в которой уже так весело, так жарко потрескивают поленья. Это одинокий хромой старик-сторож, живущий в дальней камерке с отдельным входом, встав спозаранку, позаботился о тепле и уюте.

До начала первого урока еще есть время, и ребята столпились у новой стенгазеты. Вырезка из «Правды»: Берия, оказывается, американский шпион и предатель Родины... А вот заметка о вечной, нерушимой дружбе с Индией. «Инди — Руси бхай-бхай!»

Из учительской выплыла в обрезанных по лодыжки серых валенках Мария Степановна. В темно-синем, почти черном платье с белым, подшитым, как у солдат в армии, воротничком, гладко зачесанными назад и собранными гребнем в пучок седыми волосами и рассеянной улыбкой. Она — общая, почти родная бабушка. Высоко подняв руку, она звенит надраенным до блеска медным колокольчиком — значительно и торжественно.

— Детки! Быстрее, быстрее, проходите в класс! Пора начинать урок. Что, не проснулись еще?.. Ну, ничего, ничего, за партой доспите! — Понятно, что так она шутит. Урок у Марии Степановны — это театр, это... бабушкина сказка, это... неходящее тепло на всю оставшуюся жизнь.

Одна учительница — один класс. Сорок детей. Такая школа. Вот они, первоклашки, все здесь, в жарко натопленных сенях, как цыплята вокруг наседки. Нет, не точно. Скорее, зверьки, причем такие разные зверьки — медвежата, лисички, волчата, барсучата, котята... И в то же время такие похожие — не только и не столько своими наголо стриженными головами или одинаковыми косичками, оттопыренными ушами, а какой-то голодной стыдливостью, неяркостью и, одновременно, робким ожиданием чего-то такого, что вот-вот вспыхнет, может быть, выпорхнет птичкой из глазка объектива и удивит, обрадует.

Самый маленький, шуплый и бледный, так что видно даже на черно-белой фотографии — Коля Соломатин. Не забудется, как Мария Степановна однажды совсем непедагогично ругала его перед всем классом за то, что встретила в электричке собирающим милостыню у пассажиров. Хотя и она, и все понимали, что не на мороженое, а на хлеб, на жизнь.

Вот Генка Сорокин, его лучший товарищ. Ребята шептались сочувственно, что мама, уходя на работу — отец был убит на фронте — и оставляя их с сестренкой дома, отрезала им до вечера по куску хлеба, а оставшуюся часть буханки замеряла линейкой, чтоб неповадно было съесть больше положенного. Не из жадности, а чтоб самим же не остаться к вечеру или на другой день вовсе без куска хлеба. Кто поможет, кто накормит, кто выручит? Некому. Все в округе и во всей стране в такой же послевоенной нищете и неустроенности. Однако счастливы миром! Он дороже хлеба.

А этот скуластый, с длинной шеей и оттопыренными ушами — Мишка Авдеев, двоечник и отчаянный хулиган. Спустя годы он станет известным не только на Шараповке, но и в масштабах страны человеком — вором в законе, вершителем многих людских судеб. Из десяти его братьев и сестер только один, кажется, пробил себе дорогу в нормальную, разумную и свободную жизнь...

Вечно пьяный отец-сапожник, вечно беременная мать-героиня, удостоенная государственного ордена, редкая по тем временам трехкомнатная квартира при полном отсутствии какой-либо мебели. Братишки и сестренки, ползающие по голому полу, пустые кастрюли и сковороды на кухне... Нищета дикая. До скрежета зубов, до воя!..

На улице — навеянное временем, взрослое. Кричали хором, не касаясь смысла: «Берия, Берия! Вышел из доверия! А товарищ Маленков надавал ему пинков!»

По радио заклинаниями звучат и звучат строчки знаменитого пролетарского поэта: «Через четыре года здесь будет город-сад!»

И все не верили, а знали — будет, обязательно будет, потому что видели: вот они — котлованы, вот они — строительные леса, вот они — недостроенные этажи, по которым вечерами, когда стройка затихала, так здорово втихаря от родителей бегать и прятаться, искать и находить разные разности — железяки, карбид, вар или дранку, из которой можно делать такие замечательные «запускалки» — что-то вроде бумерангов.

* * *

Что стало причиной этой очередной, однако неожиданно ставшей роковой встречи с директором школы, уже забылось. То ли банальная драка в школьном дворе, то ли прогул, или появившаяся в последнее время стайка двоек в его дневнике...

Воспитательные беседы Гогина — дело, в общем-то, привычное, но не из приятных. Однако на этот раз Санькой ов-

ладело какое-то недоброе предчувствие, теснящее грудь и подкатывающее тошнотой к самому горлу. С чего бы это?..

В глубоком, протертом до шершавой серости на подлокотниках черном кожаном кресле, за громадным, обшарпанным и заваленным бумагами столом, тщедушная фигурка директора была почти не видна. Всем своим видом он напоминал сказочного злобного карлика. Всегда всклокоченные, слегка выющиеся черные волосы, опущенные книзу уголки тонких губ с засохшей белой пеной, мясистый отвислый нос, из-под кустистых бровей выглядывают в мир злые черные бусинки рачьих глазок.

Он начал говорить как всегда зловеще медленно, словно выдавливая из себя по капле ядовитую желчь.

— Ну, что! Опять ты?!

В ответ — виновато-упрямое молчание.

Жертва знает, что от фразы к фразе он будет все более распалать себя. Сначала с хрустом ломать пальцы собственных рук. Потом, разом опершись плоскими ладонями в подлокотники кресла, пружиной вскочит, взовьется и хрястнет кулаком по столу так, что скулы побелеют от гнева. И, загадочным образом, мгновенно окажется рядом. Лицо в лицо. Так, что стоящий перед ним будет явственно ощущать его нечистое, болезненное дыхание и то, как брызги слюны падают ему на щеки и лоб.

Представив это, Санька заранее брезгливо поморщился, что раньше времени привело директора в бешенство.

— Что-о ты рожу кривишь, гаденыш!

Ученик молчит. Он заранее знает, как будут разворачиваться события и чем закончится этот монолог: коронным, многократно отработанным ударом двух коротких, жестких пальцев по щекам, сначала по одной, затем по другой.

А потом будет уже картинно-истеричное: «Во-о-н! И без родителей в школу не приходи!»

Однако на этот раз он не угадал. Нет, по щекам-то, конечно, схлопотал. Как же без этого! Но дальше директор вдруг перешел на зловеще-торжествующий шепот, больше похожий на хрип.

— Все! Терпенье мое кончилось! В моей школе больше духу твоего не будет!

Затылком и лопатками Санька чувствовал, как там, в школьном коридоре, за старой, обитой черным дерматином дверью кабинета, толпятся, отталкивая друг друга, всегда любопытные девчонки, подслушивающие, что происходит в директорском логове.

А за окном падал январский снег. Медленно, медленно

неправдоподобно огромные хлопья, словно сказочные белые парашютики падали, падали куда-то вниз, на невидимый отсюда, со второго этажа, школьный двор...

Сердце отчаянно билось. Ноги налились свинцом. Как сквозь вату донеслись слова:

— В моей школе таким мерзавцам, таким подонкам... — Он замер на полуфразе, видимо, думая, какие бы еще унижительные определения подобрать. Однако не нашел. И закончил: — ...Не место! Ты будешь сегодня же! Немедленно! Исключен!.. Ты уже исключен! Сволочь...

И вот тут-то, наконец, прозвучало его коронное «Во-о-н!», но уже приобретя совсем иной, никак не ожидаемый поначалу смысл. Не из этого ненавистного кабинета, не из класса, а из привычной и родной школы. — «Во-о-н!» На улицу, под этот снег, однако, от друзей и подруг — в никуда, в страшную, беспросветную неопределенность. Без права когда-нибудь снова вернуться и сесть за свою парту, ту, что слева от двери.

Санька обернулся и, глупо улыбаясь, вышел из кабинета.

В классе Сашу тут же обступили товарищи. Девчонки, те, что стояли под директорской дверью, конечно же, подслушали весь разговор. Они уже успели донести до всех весть о произошедшем. Новость поразила всех. Конечно, в школе всякое бывало за долгие годы учебы. Но исключение — событие из ряда вон!

— Неужели это правда?

— За что? вроде бы ничего такого не совершил?

— Что же ты будешь делать?

— А что скажут родители?!

Вопросы сыпались на Сашу со всех сторон.

А что он мог им сказать! Для него самого произошедшее было полной неожиданностью. Ведь на самом деле в последнее время он ни в чем таком не провинился, что могло бы вдруг так взбесить директора. Видно накопилось, переполнилась чаша терпения.

— Я знаю, в чем дело! — вдруг таинственно прошептала Таня Пелевкина, от волнения даже сняв очки и близоруко шурясь, обведя всех трагическим взором. — Мне мама сказала, что наша школа готовит какие-то документы на звание образцовой. Вот Гогин наверно и решил избавляться от всех, кто может этому помешать.

Ребята замерли, разом уставившись на нее. Таниным словам можно было верить, потому что ее мама работала в Горно и через нее время от времени просачивалась интересная и иногда очень полезная для ребят информация.

— Вот это да!

— Но разве так можно!

— Саш, а ты-то что теперь будешь делать?

Ребята оказались правы в самых мрачных своих предположениях. Жертвами Гогина в этот день оказались еще двое Сашиных друзей — Витя Нешвидко и Вадик Круглов.

Неожиданно сложившуюся ситуацию нужно было срочно обсудить. Еле досидев до конца уроков, все трое товарищей по несчастью махнули на аэродром. Перед домиком летного состава несколько досафовцев под руководством инструктора учились укладке парашютов. Чуть поодаль тарахтела пропеллером четырехкрылая машина. Человек в кожаном летном шлеме прилаживал к ней длинный трос, на другом конце которого, как собака на поводке был прицеплен легкий, словно игрушечный, планер.

Но сейчас все это совсем не занимало ребят. Отогнав радостно бросившихся к их ногам знакомых собак, они устроились на бревнышках, сложенных у задней стены домика.

— Что делать-то будем? — достав из недр школьной сумки пачку сигарет и закуривая, хмуро спросил Вадик.

— Не знаю... — тоскливо отозвался Витька.

— Какой же гад этот Гогин! — сплюнул Саша.

— Лично я домой не пойду. Меня отец точно убьет, — вздохнул Витька.

— Куда ты денешься! — возразил Вадик.

— Куда, куда... Придумаю что-нибудь.

— А я что, приду домой и скажу: «Привет, предки, меня сегодня выгнали из школы»? — развил тему Саша.

— Влипpli!.. — буркнул Витька. — Знаете что... Есть идея! Не хотел я никому рассказывать, но раз уж все мы вместе так влипли, так и быть, поделюсь. Знаю я одно местечко, где можно пока перекантоваться. А там что-нибудь придумаем...

Заинтригованные, ребята не расспрашивая ни о чем, последовали за ним.

— Мы пришли, — сказал наконец Витька, когда они оказались у двери одного из подъездов ничем не приметной пятиэтажки. — Это здесь.

Он зачем-то таинственно огляделся по сторонам и открыл дверь.

— Идите за мной.

В подъезде было сумрачно. Одна лестница, как обычно, вела вверх, к квартирам первого этажа, а другая — вниз, в темноту подвала. Туда-то и повел их Витька, освещая дорогу карманным фонариком.

Когда лестница закончилась, они оказались перед тяже-

лой металлической дверью с двумя массивными вентилями и большим висячим замком.

— Это же бомбоубежище! — понял Саша. — Ты зачем нас сюда привел? Здесь же заперто.

— Тс-с-с! — приложил палец к губам Витька. — Не шурши.

Он достал из кармана ключ и, к удивлению ребят, открыл замок. Затем, приложив немалое усилие, повернул сначала один, потом другой вентиль. Дверь открылась, и Витька следом за лучом фонарика первым шагнул в темноту. Ребята несмело просочились за ним.

— Подержи фонарик, — толкнул он Сашу в бок. — А я дверь закрою.

Задрав изнутри входную дверь, Витька нашел на стене выключатель. Тусклая лампочка в зарешеченном плафоне осветила бетонный бункер — длинный, без видимого конца коридор, анфиладу комнат по обеим его сторонам. Открытые настежь стальные двери с резиновыми прокладками и такими же вентилями, как при входе.

— Это на случай атомной войны, — со знанием дела пояснил Витька товарищам.

— Но откуда у тебя ключ? — спросил Вадик.

— Я его целую неделю подбирал, — с гордостью ответил Витька. — Идем, что покажу, — и по-хозяйски прошел вперед.

— Смотрите... Это столовая... Это спальные места, я посчитал, на триста человек... Там вентиляционное оборудование, душ, водопровод, туалет... А это склад. Видите, здесь противопогазы, а вон там всякая посуда...

— И что же, никто все это не охраняет? — удивился Саша.

— Кому надо! — засмеялся Витька. — Заперли на замок и все. Идем, я вам еще кое-что покажу.

Они вернулись в одну из комнат, где от пола до потолка тянулись ряды нар. Прошли в ее глубину. Витька открыл створки одного из встроенных в стену шкафов.

— Вот! — с гордостью кивнул он на полки, уставленные какими-то консервными банками, пакетами, мешочками. Здесь же стояла старая закопченная керосиновая плита, стопка алюминиевой посуды. — Это все я натаскал. Вон и матрац, и одеяло...

— И... давно ты здесь хозяйничаешь? — пораженный, спросил Саша.

— Давно... Какая разница! Главное — все это в нашем распоряжении. И нас здесь не найдет ни одна живая душа. Только надо, конечно, еще жратвой запастись. Поживем здесь немножко, а там видно будет.

— А как же замок? Ведь увидят, что его нет — станут ломиться, шум поднимут, — обеспокоился Вадик.

— Не волнуйся, все продумано! Вот видишь этот люк, — он открыл железную створку. — Там ход, узкий, но пролезть можно. Он ведет к колодцу в дальнем конце двора, прямо у забора детского садика. Когда стемнеет, можно выбраться из него на улицу, навесить замок, как было, и тем же путем вернуться назад.

— Здорово! — восхищенно отозвался Саша.

— Так что, решено?

— А что нам еще остается делать? И вообще, здесь у тебя так здорово!

— Да плевали мы на все!

Два дня и две ночи пролетели незаметно. Днем слонялись по городу, крутились возле школы, чтоб выспросить у ребят последние новости, узнать, как развиваются события после их исчезновения. А новости, в общем-то, предсказуемые. В школу приходили родители, всполошившиеся после исчезновения сыновей. Конечно, тут же узнали все о причинах. Устроили Гогину скандал, обвинили в отсутствии педагогических способностей. Он — свое в ответ, мол, забросили родных детей, вырастили отщепенцев и хулиганов. В результате вызвали милицию. Так что их теперь уже ищут по всему городу.

Да... интересная сложилась ситуация. Что дальше делать — непонятно. Не сидеть же до бесконечности в этом подвале! И домой нельзя показаться. И в школе...

Ребята и девчонки из класса сочувствовали и помогали, как могли. Не только советами, но и едой, деньгами, даже одеждой. Все-таки холодновато в подвале-то.

— Куда бы нам податься! — вслух размышлял Витька.

— Может, на юг сиганем? Куда-нибудь в Сочи или Адлер. Там сейчас все-таки теплее... — мечтательно отозвался Вадик.

— А в Ташкенте вообще уже все цветет. Я по телеку видел, — оторвавшись от кружки с чаем, продолжил разговор Саша.

— Саш, а Саш! — окликнул из темноты Витька.

— Что?

— Я вот думаю, там родители наверно с ума сходят. Может, думают, что нас уж и в живых давно нет.

— Конечно, по-гадски все получилось. А что мы могли сделать! Гогин сейчас наверно волосенки на своей башке рвет — загубил живые души... Ну ничего, немного еще побудем здесь, пока все уляжется — и дома и в школе... И выйдем, не вечно же нам здесь сидеть! На работу устроимся, в вечерку пойдем. Там уж нам никто не будет мозги полоскать...

— Спи! Завтра будем думать. Вон Вадик уже давно спит.

Еще один день пролетел незаметно. Зима — не лето, вечер приходит еще днем. Узнали последние новости. Вадик даже домой ухитрился заскочить, пока родители на работе. Захватил кое-что поесть, так чтоб незаметно было.

Встретили Таню Сафиулину. Она рассказала, что в школе паника. Что они дураки. Что Гогин приходил в класс, сказал, если их кто-нибудь увидит, чтоб обязательно передал, что им лучше вернуться домой самим. Если их найдет милиция — будет хуже.

— Вот такие невеселые дела, мальчишки! Может, и правда, хватит вам дурака валять, а? — Она жалостливо по очереди заглядывала им в глаза. — Лучше сдавайтесь, хватит партизанить!

Они проводили Таню до самого дома.

Вадик спохватился:

— Что мы стоим? У нас пожрать почти ничего не осталось, а магазин вот-вот закроют!

До магазина далеко, целый квартал, они сорвались с места и бросились наперегонки. Не забывая избегать людных мест, дворами обогнули площадь, перед самым капотом автобуса перебежали улицу и...

Когда до магазина оставалась пара десятков шагов, Саша лицом к лицу столкнулся с отцом, чуть не сбил его с ног.

Отец неторопливо и чинно вышагивал по тротуару, ведя на поводке их старую, полуслепую спаниелиху Линду.

Встретившись с отцом глазами, Саша замер в растерянности, совершенно не зная, что делать, что сказать.

Ребята тоже остановились поодаль, оторопев от неожиданной встречи и ожидая, что будет дальше.

— Здравствуй, сынок! Здравствуйте, ребята, — совсем миролюбиво начал отец. — И долго вы так собираетесь бегать? Неделю уж матери с ума сходят. Ну, побегае вы, попрячетесь, поиграете в беспризорников. А дальше-то что? Все равно домой придете. Так что чем раньше — тем лучше...

Саша молчал, опустив голову, не глядя на отца. Ребята, не видя опасности, подошли поближе.

— ...Были мы у директора, — продолжал отец, — и с ребятами из класса поговорили. Хорошие ребята, за вас заступаются. Говорят, несправедливо вас исключили... Ну, это не им, конечно, судить... А вообще-то чего в жизни не бывает! Так что идем-ка пока все вместе к нам, там, не спеша, потолкуем, все спокойненько обсудим и авось что-нибудь вместе придумаем. На-ка вот, возьми поводок, посмотри, как Линда по тебе соскучилась.

Саша машинально взял поводок. Собака радостно завиляла хвостом, заглядывая ему в глаза.

САМОСУД

РАССКАЗ

После очередной — на этот раз двухмесячной — командировки в «горячую точку» командир мотострелковой роты Игорь Кедров без единой царапины возвращался к семье, домой. Здесь не просыпались ночами от треска автоматных очередей на улицах; не опасались, что из неприметного авто, проезжающего мимо КПП воинской части, вдруг вылетит граната; не ждали пули или ножа в спину во время патрулирования по чужому городу. Здесь был мир привычный, пусть со своими проблемами и не всегда справедливый, но мир...

Супруга встретила Игоря так, как и должна была встретить офицера, вернувшегося из длительной командировки на войну, любящая жена: кинулась на шею, расцеловала под восклицания: «Ну, наконец-то! Слава Богу!» — и срочно погнала нареченного под душ, а затем переодеться, сама же захлопотала на кухне.

Но, сев за накрытый стол, который венчала запотевшая непорочная бутылка «Таможенной» водки, капитан быстро понял: не все спокойно в королевстве Кедровых. Это проглядывало и в напряженно нахмуренных бровях супруги, и в ее ответах на мужнины вопросы о житье-бытье (дважды не-

ПРОЗА

впопад), и в неловком движении, когда она размешивала кофе, нервно побрякивая ложечкой.

— Случилось что? — еще не допив забеленного сгущенкой любимого напитка, спросил Игорь.

— Представь, да, — моментально откликнулась жена.

— Серьезное?

— Серьезней не бывает, — с прорвавшейся ноткой злости ответила супруга.

— Так рассказывай, — и Кедров отставил кружку.

— Дочь твою одноклассник ни за что избил, — выпалила жена.

— И... сильно?

Перед глазами Игоря возник образ Иринки, тихони-восьмиклассницы.

— Да уж... Со всей дури полной папкой с книгами по голове! А бил подло, сзади... На перемене подскочи. Иринка чуть не упала, плачет, а все вокруг смеются и этот гаденыш громче остальных.

— Учителя знают?

— А толку? — вопросом на вопрос ответила супруга. — Ходила я к директрисе... Вся из себя: что костюм, что прическа, плюс на каждом пальце по бриллианту! И заявляет: а может, он нечаянно... Какое, говорю, если он Иринке прохода не дает! То лягушку в рюкзачок, то кнопку на стул... То подножку, то в спину кулаком... А директриса, на пару с классной руководительницей, хором: нет, Леша хороший! Папочка у этого хулигана преуспевающий коммерсант, он же главный школьный спонсор. Потому в классе и доска импортная, и мебель... Ремонт текущий — покраска-побелка — опять за счет фирмы... Да все учителя на этого нового русского, как на икону!

— Ну а ты сама с этим папой когда-нибудь встречалась?

— Представь, да. В середине зимы Леша этот у нашей безответной рюкзачок отобрал, полный снега напихал, а ей — за шиворот... Стала я папе после родительского собрания выговаривать — он на них лично ходит, любит, видно, что учителя ему задницу лижут... Так он от меня прямо открестился!

— Но хоть что-то он по этому поводу сказал?

— Сказал... Он-де, по образованию психолог. И глубоко убежден, что дети меж собой все проблемы сами решать должны, без взрослых. Тогда, значит, развитие свободнее... Вот, говорю, пусть впредь его сын с второгодником Мамоновым такие проблемы и решает... Есть там у них: в плечах — метр, рост — под два... А этот чертов новорусский, дуб со золотой

цепью на шее, только ухмыляется. Мол, если Алексею очень хочется с вашей дочкой общаться, не препятствуйте... Глядишь, в будущем и породнимся!

— Вот гад! — помимо воли вырвалось у Игоря. — Что конкретно от меня требуется?

— Как что? Ты — отец, вот и принимай меры...

— Слушай, а почему именно на Иринке отъезжают? — вслух задумался Игорь.

Супруга прекратила мыть тарелку.

— Не понял? Эх, ты... Забыл, когда в очередной раз переехали? Новенькая она, а класс тяжелый, сложный. Кстати, это именно благодаря твоей распрекрасной службе мы всю жизнь по чужим углам маемся, а дочь уже какую школу меняет...

— Что ж, диспозиция ясна, — и боевой капитан поднялся со стула. — Будем думать...

Тот день был субботним, и когда дочь вернулась из школы, Кедров, что было ему несвойственно, попытался вызвать на следницу на откровенный разговор.

— Он что, действительно только именно тебе прохода не дает? — спросил Игорь и поразился: глаза Иринки сразу заслезились, и в зрачках заплясали огоньки страха.

— Он меня... Каждый день... — всхлипывала девочка. — Сегодня за хвост ка-ак дернет! Будешь, говорит, ябедничать — по стенке размажу! А за ним и эти: Мокрицкий, Перегудов... Дави, кричат, ябеду-беду! Лешка еще и на свитер плюнул...

Игорь стиснул зубы...

Оставшуюся часть дня и все воскресенье офицер усиленно размышлял: искал достойный выход из — увы, вполне заурядной для сегодняшней российской школы — ситуации. Кедров прекрасно понимал: законный путь — жалобы, беседы с неуправляемым подростком, по-видимому, поощряемому отцом, и даже визит в отделение по предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних местного райотдела милиции — малоперспективен. Здесь требовалось активное контрнаступление, суметь поставить «преподобного» Лешу на место Иринки, на своей шкуре дать почувствовать унижение и боль.

После командировки Кедрову предоставили десятидневный отпуск. И в понедельник офицер, надев камуфляжную форму и берцы, ближе к обеду зашагал в школу, к дочери. У Иринки как раз подходил к концу последний, пятый урок, когда капитан осторожно постучался в класс. Через несколько секунд дверь приоткрылась, и в проеме обрисовалась ху-

досочная фигура пожилой женщины. Игорь уже знал, что это — учительница математики, она же — классный руководитель дочери, прозванная учениками Ожившей мумией.

— В чем дело? — буравила она жестким взглядом маленьких поросячьих глаз высокого рыжебородого (в «горячих точках» многие военные не бреются) мужчину.

— Я — отец Ирины Кедровой. Можно дочь на два слова?

— Хорошо. Кедрова, на выход...

Уточнив у дочери, на занятиях ли ее обидчик и за каким столом сидит, офицер дождался звонка и вошел в класс.

Иринка из-за спины упитанного подростка-здоровячка с тщательно расчесанными длинными волосами, указала на него пальцем. Длинноволосый собирал учебники в кожаную, размером с небольшой кейс, папку с золотым тиснением.

— Тебя, что ли, Алексеем зовут? — обратился к здоровячку Игорь.

— Ну, допустим, — отцедил тот, настороженно глядя на незнакомого бородача в камуфляже.

— Тогда давай знакомиться, — сказал и сел верхом на стул офицер. — Заодно и о делах наших грешных покалякаем... Я — отец Ирины, твоей одноклассницы.

Тем временем все ученики, кроме Кедровой и ее обидчика, покинули класс. Ожившая мумия, тоже было собиравшаяся уйти, выжидательно застыла на учительском месте.

— Нету у меня с вами никаких дел, — уткнувшись взглядом в пол, угрюмо пробурчал подросток. — И вообще: некогда мне, спешу.

— И чего это у вас в семье все такие занятые? — небрежно поинтересовался капитан. — Отцу, вишь, недосуг в школу заглянуть, даже если и вызывают; ты тоже, гляди, какой деловой...

— А вы, собственно, по какому вопросу? — вмешалась Ожившая мумия, быстро листавшая журнал, и Кедров понял, что именно искала учительница: его имя-отчество.

— Известно, по какому — вопросу методичной, изощренной травли моей дочери вот этим молодым человеком.

— О чем вы? Никакой травли нет и быть не может, — торопливо возразила преподавательница. — У нас показательное учебное заведение...

— Стало быть, портфелем по голове никто никого не бил? Врет моя дочь? И остальное: тычки, пинки, дерганье за волосы? Я уж не говорю о порче учебников, когда он ей снегом рюкзачок набил, да еще и за шиворот натолкал...

— Ну... — запнулась женщина, и ее и без того бледное лицо еще больше побледнело. — Мы же все эти эпизоды уже разбирали. А по поводу недавнего, вообще простая случайность...

— Разбирали, да не до конца, — жестко отпарировал Игорь. — Так что сейчас мой разбор будет. Итоговый...

— Вы... Вы не имеете права, — беспокойно завозражала Ожившая мумия и даже со стула привстала. — Убедительно прошу в кабинет директора.

— Что я там забыл? — спросил и пожал плечами капитан. — Записку отца-бизнесмена посмотреть, где он всех подальше посылает? А вот хватит, допустим, духу с этой отпиской к заму мэра города, что вопросами образования ведаешь, явиться? Да в нос ему, как моей жене, сей бумажкой ткнуть... Мол, мы руки умыли, а ты, если желаешь, разбирайся. Ну, я Сергея Петровича хорошо знаю. Вы даже не представляете, что он с вами сделает, когда узнает про все...

Кедров соврал. Не водил он знакомств в кругах городской элиты. Но про крутой нрав зам. главы администрации где-то слыхивал и решил слегка «наехать».

Под впечатлением сказанного классный руководитель — расчет оказался верен — вернулась на стул и замолчала, зябко поведя тощими плечами.

— Так за что ты недавно ударил мою дочь? — вновь обратился капитан к подростку.

— Я... нечаянно... — пробормотал тот, отводя теперь взгляд в сторону.

— Врешь, и неумно, — спокойно возразил офицер. — Иринку надо было догнать сзади, размахнуться, а уж потом только шархануть... Что есть силы... И почему-то ты мою дочь, допустим, с Мамоновым не перепутал. Или кишка тонка ему по башке врезать?

Длинноволосый затравленно молчал.

— Сумка у тебя в руках на перемене тоже «нечаянно» оказалась? Лягушку в портфель опять «по случаю» запихнул? Шпыняешь постоянно — все «невзначай»? За волосы в субботу кто дергал? На свитер кто плевал?

Незаметно для себя Кедров распалился, и последние обличения выкрикивал — как команды на строевом плацу. Подросток от хлестких слов, будто от пощечин, стал вздрагивать и съезился.

— Как вы смеете! — подала голос Ожившая мумия. — Он же ребенок!

— Смею! — рявкнул офицер. — Я на войне, под пулями, страну от нелюдей защищал! А сейчас здесь, где не стреляют, родную дочь защищать вынужден! Любимая школа-то ее за подачки продала и предала!.. Иринка, делай, как говорили! Ну! — и, увидев, что девочка колеблется, вскочил на ноги — крупный, страшный в гневе — и отчеканил: — Иначе всю жизнь битой будешь!

Тресь! — огрела Иринка обидчика своим рюкзачком по голове. Классный руководитель судорожно вцепилась в журнал побелевшими пальцами. Увидев, что женщина уже открыла рот, капитан внушительно остановил ее.

— Я твою работу делаю! Или предпочитаешь десяток журналистов? Они падкие на скандалы! Живо вашу показушную школу в дерьмо опустят! А ты — места потом трудоустроиться не найдешь! Директор-то все грехи на себя точно не возьмет, коли жареный петух в темечко... Козлом отпущения будешь ты! Именно ты!

Ожившая мумия превратилась в застывшую мумию. Игорь же тихо, с ноткой фальшивой ласки, поинтересовался у подростка:

— Что ж ты, Лешенька, не радуешься? Ведь вон как ржал, когда Иринке со всей дури врезал и она слезами заливалась! Дочь, а ну, добавь! Слабо бьешь — не плачет! Ну, Лешенька, ты и туп... Не доходит, что колотить тебя будут, пока не заревешь?

В нестойкой тишине, за дверью класса послышалось приглушенное хихиканье, и видимо от обиды подросток отчаянно заревел, размазывая слезы по сытому лицу.

— Вы в милиции за свои действия ответите! — пообещала классный руководитель.

— Неужели? А вы за свое бездействие! На пару с директором! Я ведь не только в мэрию пойду! В прокуратуру тоже! И в Министерство образования подробнее напишу!

Кедров переключился на голосащего сына нового русского:

— Рыдаешь? Что и требовалось доказать! Тот же, кто сейчас подглядывает, по всей школе разнесет, как жидок ты. Авторитет-то тю-тю! Но это не все! Дочь, давай!

— О-ой! — взвыл обидчик, когда Иринка что было сил дернула его за разлохматившиеся волосы.

— Стригись короче, — с издевкой посоветовал капитан. — А теперь — быстро сел! Ну!

— Вы! Вы — садист! — глотала воздух широко открытым ртом Ожившая мумия, наконец-то разлепившая губы.

— Неужели? А он тогда кто? — ткнул подростку в грудь пальцем офицер. — Между прочим, сам лично я его не трогал, так? Но вот когда он всячески издевался над Иринкой, вы лично с директором где были? Боялись богатого папочку прогневить? И напоследок, — не унимался капитан, — снега на дворе нет, апрель, а вот лужа под окном имеется. Швыряй туда его папку! Тебе мать новые учебники покупала — пусть и его папаша раскошелится!

С выпученными глазами Ожившая мумия наблюдала, как самая тихая ее ученица выкидывает через форточку пожитки хулиганистого одноклассника, и они с брызгами шлепаются в грязноватую воду.

— Мы уходим, — пояснил Кедров подростку. — Ты же внимай, Леша. Иринка с тобой сделала лишь часть того, что ты с ней вытворял раньше. Расскажешь папе — станешь ябедой. А таких, как ты сам говорил, надо «давить и размазывать по стенке». Тронешь же мою дочь еще раз — еще раз приду я. И уж тогда возьмусь за тебя всерьез, сегодня были только цветочки. Что тут поделаешь, коль учителя-дармоеды ни на что не способны... Ну, разве милостыню из рук твоего отца хапать... Дружков своих — Перегудова, Мокрицкого — тоже просвети...

— Мокрицкий за дверью и подслушивал, — неожиданно подала голос Иринка.

— Тем лучше... А вы, многоуважаемая, — саркастически заявил офицер классному руководителю, — так директору и разобьясните: и я — человек занятой. В том плане, что по записке в школу тоже не приду, и одного раза за глаза хватит. Ум есть — будете молчать. Нет — бейте в барабаны, бумерангом по голове получите.

Офицер взял дочь за руку, вышел из класса и хлопнул дверью.

— Чокнутый! Дурак! Идиот форменный! — честила вечером мужа Кедрова. — Представь себе: теперь ее точно забьют! И нам беды...

— Как сказать... — философски изрек Игорь. — Пока в отпуске, провожать буду в школу. И со школы... Но сыночку я точно рога пообломал. Он по натуре трус — сразу видно...

— Куда там! — не успокаивалась жена. — Голову Иринке прошибет, будешь тогда на лекарства в своих «горячих точках» зарабатывать!

— Не-е, я эту породу знаю... И близко не подойдет. Другое дело — возможно, папочка пообщаться захочет. Всегда милости прошу..

Записку с требованием прибыть к директору через Иринку все-таки передали. Игорь, как и обещал, сослался на занятость. В конце ответа приписал: «Рекомендую педколлективу гораздо глубже вникать в климат взаимоотношений школьников, пока в «показательном учебном заведении» дело не дошло до преступления».

В пятницу Кедров, по недавней традиции, отвел дочь на учебу. Некоторое время подефелировал под школьными ок-

нами — одетый в неизменный камуфляж. Со слов дочери педагога про самосуд не вспоминали. Обидчики Иринку обходили стороной. Остальные одноклассники если и обсуждали происшедшее, то в отсутствие Кедровой. И лишь однажды она на перемене уловила обрывок разговора Мамонова и двух парней классом постарше: «...солидно Рокфеллера (прозвище сына нового русского) опустили. Только пахану Иркиному все равно в это дело вступать было не резон»...

А возвращаясь домой мимо пивной, приютившейся на полпути меж его квартирой и школой, боевой офицер шестым чувством понял: его «пасут»...

Остановившись — вроде как высморкаться, он быстрым взглядом назад зафиксировал двух мордovorотов в фирменных спортивных костюмах, массивных кроссовках и с короткими ежиками причесок. Отставив в сторону недопитые кружки, мордovorоты нарочито лениво пристроились в кильватер капитана. Он же вспомнил, что на пути в школу видел рядом со «спортсменами», за столиками, еще двух качков — в свитере под горло и мощнейшего сложения, в темном костюме, но без галстука. Сейчас качки топали Кедрову навстречу, а мордovorоты приближались сзади. Место разборки было выбрано квалифицированно: справа — высокий забор детсада, слева — глухая стена гаражного кооператива. Улочка немногочлюдна, да и кому из случайных прохожих захочется нарываться на кулак или, чего хуже, на нож.

Игоря охватило тревожное возбуждение: как перед боем. По сути, капитан словно бы вновь очутился на войне. Особой. На которой ему запрещалось применять оружие и, кроме умения сражаться голыми руками, не было иных средств дать отпор превосходящим силам противника. И все-таки: до чего точно удалось просчитать ситуацию! Иринку-то по утрам провожал умышленно — ждал, что папаша-бизнесмен клюнет на удочку и пришлет телохранителей либо наемников, за сатисфакцией... Дождался!

Ускорив шаг, чтобы скорее встретиться с идущими на него и, одновременно увеличить разрыв меж собой и наступающими, Кедров двинулся прямо на атлета в костюме, оставляя его напарника правее.

— Ну, ты... — выкрикнул атлет, сблизившись до трех шагов.

И рванулся вперед, выбрасывая правую руку с кастетом, усаженным короткими металлическими шипами. Таким сработанным по особому заказу холодным оружием можно запросто разможжить переносицу или переломить челюсть. Владелец кастета, похоже, и рассчитывал на первый — эффектный — удар. Но перед ним-то находился мастер рукопашного боя...

Подшаг навстречу нападавшему — и офицер тут же развернул корпус по часовой стрелке. Летящий кулак со смертоносным железом просвистел мимо: враг провалился вперед. Перехват правой рукой его запястья, дабы продернуть противника чуть дальше, и — короткий, вполсилы, удар ребром ладони по кадыку. Сделано!

«Ударил бы мощнее — прямая дорога на кладбище», — подумал Кедров.

Продолжая движение, капитан с силой приподнял атлету подбородок и зажал шею противника под мышкой, в удушающих тисках. Правую руку врага на излом... Весь прием занял секунды три, так что качок в свитере не успел активизироваться. «Спортсмены» и вообще еще только подбегали к месту схватки — правда, с уже выщелкнутыми лезвиями ножей-выкидушек в руках. «Свитер» наконец-то сподобился выхватить электрошокер и газовый пистолет.

«Легко уделал — надо ситуацию дожимать», — оформилась новая мысль, и капитан дико заорал:

— Стоять, суки! Еще шаг — и он покойник! — и тут же с притворной вежливостью поинтересовался у атлета, одновременно стаскивая с его беспомощной руки кастет: — Слышь, братан, тебя как зовут?

— Ник...кита, — в два приема выговорил тот, судорожно цепляясь за удушающую горло руку левой кистью. Остальные противники в замешательстве топтались на месте.

— Ну что, Никишок... Жить-то хочешь? Не то... — Игорь на секунду сдавил кадык плененному, и тот глухо захрипел.

— Эти звуки ласкают слух, — с издевкой произнес офицер, продевая в кастет пальцы правой руки. — Приятелям-то разъясни: ежели кто дернется, первый труп — ты. Как минимум, и еще одного закопаю, а повезет — всех! Дурилики! — опять закричал Кедров. — Я Афган и пять горячих точек прошел! Сколько тварей лично на тот свет отправил — со счета сбился! Четырьмя меньше, больше — без разницы! — И чуть тише: — Я к смерти давно готов, а вот вы? — и внимательным взглядом обвел застывшие, меловые лица врагов.

— Чуешь, что одной ногой в могиле? — продолжил капитан беседу с Никишом. — Оглянуться не успеешь — только позвонки хрустнут! — и, после секундной паузы, заорал: — Бегом отсюда! Бегом!.. — А опять перейдя на обманчиво дружеский тон, как бы попросил: — Никишок, походатайствуй... — еще раз, на миг, придавив пленнику кадык.

— Уйдите... Прошу... Иначе эта падла... — атлет заперхал.

— Здесь точно четыре падлы, — уточнил капитан. — Ножи и остальной арсенал на землю! Ну! И свалили — больше не повторяю, ломаю ему шею!

— Уходите!!! — взвыл полужадушенный атлет. Дружки нехотя повиновались.

Дождавшись, пока обезоруженное трио удалилось метров на сто, Игорь одной рукой собрал с асфальта оружие, рассовал за пазуху и по карманам. Двигаясь то боком, то задом, протащил плененного шагов на тридцать в противоположную от друзей сторону. Двое случайных прохожих шараянулись вбок...

У валявшегося близ дороги обломка бревна Кедров отпустил сломленного врага, и тот мешком свалился на облизанный дождями комель, обеими руками массируя горло.

— Слышишь меня хорошо? — уточнил офицер. Не отнимая рук от шеи, атлет с усилием кивнул. — Тогда своему боссу — или кто он тебе — передай: за дочь любому глотку перегрызу! Усекаешь? А если хозяин твой не вникнет, сквозь всех телохранителей достану и через сотню пыток пропущу! В Афгане всякому научился... Уж там знают, как человека о собственной смерти умолять заставить!

Капитан и изрядно помятый атлет расходились в разные стороны. Игорь даже не оглядывался: настолько был уверен, что этот бой он выиграл... И вдруг остановился, взглядом упершись в новенький джип, припаркованный на противоположной стороне расширяющейся улицы. Через открытое окно с заднего сиденья престижного авто на офицера злобно смотрел холеный мужчина с тонкими усиками и цейсовским биноклем в руках.

«А вот и сам заказчик», — догадался мститель.

Через сутки, ближе к вечеру, в квартиру Кедровых поступался мужчина в милицейской форме.

— Участковый инспектор, лейтенант Суржиков, — представился он и предъявил красную «ксиву». — Тут на вас, товарищ капитан, заявление поступило. О групповом хулиганстве... Со стороны вас и, соответственно, дочери вашей, несовершеннолетней... Разобраться бы следует...

— Что ж, проходите, — нехотя пригласил Игорь в зал нежданного гостя. В принципе, капитан допускал и такой ход развития событий, так что был к нему готов.

Участковый инспектор неторопливо достал из папки-лентяйки стопочку бумага.

— Значит так: что мы имеем. Есть протокол заявления от гражданина Юрчилова Станислава Викторовича, по поводу

подстрекательства вами вашей дочери на избивание его сына. Что в дальнейшем на ваших глазах и имело место... Подтверждается свидетельскими показаниями педагога Кутовой Маргариты Оттовны — она же классный руководитель потерпевшего и подозреваемой... Вот выписка из журнала приемов и отказов от госпитализации амбулаторных больных горбольницы № 2, а также акт судмедосвидетельствования от 23 апреля сего года. Согласно ему, у Юрчилова-младшего зафиксированы телесные повреждения в виде гематомы мягких тканей головы. Со слов отца, подросток также жалуется на непрекращающиеся головные боли... Да и вообще: произошедшее не могло не повлиять на психическое состояние несовершеннолетнего... Он в своем объяснении подтверждает изложенные отцом факты. Что можете пояснить по этому поводу?

— На протяжении длительного времени Юрчилов-младший методично и изощренно травил мою дочь, — пояснил Кедров, — мучил ее и систематически избивал. Однако педагоги всегда покрывали маленького садиста.

— Ваши слова бездоказательны, — перебил лейтенант милиции. — У Алексея Юрчилова — прекрасная характеристика. Подписана классным руководителем и директором школы...

— Конечно, — усмехнулся Игорь. — Чего не сделаешь... в надежде на папино подаяние...

— Не понял...

— Ладно, проехали. Давайте тогда только о последнем эпизоде: учителя подтверждают, что недавно Юрчилов ударил мою дочь папкой с учебниками по голове?

— Про этот факт действительно упоминалось, — поморщившись, вынужден был согласиться участковый. — Но директор поясняет, что, во-первых, вы сильно преувеличиваете. А во-вторых, случая давалась принципиальная оценка. Мальчик в присутствии вашей супруги извинился, и инцидент считается исчерпанным.

— Ах, считается... А ну, иди-ка сюда, — позвал Игорь супругу из комнаты Иринки. — Разобъясни-ка товарищу начальнику по поводу принципиальной оценки...

Кедрова коршуникой налетела на участкового инспектора, с жаром перечисляя все случаи унижения дочери. Лейтенант милиции несколько минут молча слушал материнские претензии, а затем протестующе поднял руки вверх, как бы закрываясь от словесного потока, низвергавшегося на его голову:

— Хорошо, хорошо... — и опустил руки на стол. — Значит так: мы во всем тщательно разберемся, если неприязненные отношения между детьми действительно имели место.

— Представьте, имели! — выпалила Кедрова. — А вы тут устраиваете... Игру в одни ворота! Да моя Иринка и мухи не обидит!

— И все же: разве она не избивала Юрчилова рюкзаком?

— Слегка погладила, это точнее, — не согласился капитан. — Подтверждаю: в моем и учительницы присутствии. Только действовала по собственному почину... Поняла, что мой разговор с Алексеем ни к чему не приведет — подросток хамил, врал, вину признавать не собирался. Скажу больше: он и надо мной начал издеваться. Мне, мол, некогда по пустякам болтать, спешу, да и вообще — если что и произошло, то нечаянно, ненароком... Вы согласны, что шарахнуть сколько есть мочи сумкой по голове одноклассницы допустимо походя, даже этого как бы и не заметив?

— Мы разберемся, — повторился участковый инспектор. — Только это тоже не метод — устраивать самосуд. Необходимо было еще раз посетить директора, встретиться с отцом подростка, к нам, в конечном итоге, обратиться...

— Пардон, никакого самосуда, — уточнил Игорь. — С моей стороны... Ну, стукнула Иринка одноклассника — в отместку, несильно, девочка она хиленькая. Ну, за вихор дернула... От этого же не умирают, так? Напомню: все, что она сделала, неуправляемый мальчишка с ней творил раньше и больше... Давайте, тогда уж, обоюдно их действия разбирать...

— Сейчас мы больше о ваших действиях речь ведем, — гнул свою линию лейтенант милиции. — Кутова настаивает, что девочка действовала по вашей указке, и уверена, что у вас заранее сговор был.

— Хех! — усмехнулся Кедров. — Да ради куска хлеба, в смысле места в школе, она вам сейчас засвидетельствует, будто я каждую ночь в кабинете директора первоклассник насилую! Повторяю: мальчишка мне нахамил, дочь поняла, что из разговора толку не будет, ну и... Какой тут может быть сговор? Так и пишите...

— Ну, хорошо, — сказал и взял чистый лист участковый инспектор. — Теперь надо бы и от несовершеннолетней объяснение принять.

— Категорически возражаю, — отрезал капитан.

— Почему?

— Чтобы лишний раз ребенка не травмировать. Да и без педагога вы малолетних опрашивать не имеете права...

— Время тянете? Ладно... Значит, так, завтра в школе опросим.

— А я сегодня дочери строго-настрого запрещаю с любым на эту тему разговаривать, — предупредил Игорь. — И посмейте только на девочку давить — по судам затаскаю!

...И этот бой был выигран. Правда, после ухода милиционера офицеру пришлось выслушать критическое мнение жены о сложившейся ситуации. Но теперь и супруга, и дочь, в любом случае должны были действовать заодно с главой семьи, как бы ни складывались обстоятельства.

Через несколько дней, когда Кедров уже вышел на службу, его вызвали в военную прокуратуру: все собранные по факту «Группового хулиганства с предварительным сговором» материалы были переданы туда из милиции.

В деле появились новые документы: рапорт участкового инспектора об отказе несовершеннолетней Кедровой давать объяснение по факту случившегося, школьная характеристика на нее — на одно достоинство три недостатка, а также положительная характеристика на самого офицера. Плюс — свидетельские показания несовершеннолетнего Антона Мокрицкого, якобы подглядывавшего за ходом конфликта. В свою очередь, Игорь настоял на принятии подробного объяснения от своей супруги; уточнил, что согласно статье 51 Конституции РФ никто не обязан давать показания против себя и близких родственников, и, значит, молчание дочери закону не противоречит; а еще — направил жену с Иринкой к судмедэксперту. В документы подшили второй акт медосвидетельствования — теперь уже несовершеннолетней Кедровой, «давно и часто жалуемой на аналогичные головные боли». Опрошенная в прокуратуре Ожившая мумия свою роль в затыжном ЧП поясняла неубедительно...

Военный прокурор, в прошлом сам «афганец», взял на заметку рассказ Игоря о попытке расправы над ним четырьмя неизвестными гражданами, впрочем, заявление об этом капитан пока давать воздержался. И в итоге гарнизонная военная прокуратура в возбуждении уголовного дела в отношении гражданина Кедрова И.Д. отказала, о чем и был официально поставлен в известность командир мотострелкового полка.

Можно было считать, что выигран главный бой... Однако жизнь внесла свои коррективы...

Вскоре Игоря вызвал к себе в кабинет заместитель командира полка по воспитательной работе. Пасмурное лицо подполковника задушевной беседы явно не обещало.

— Мало мне, товарищ капитан, было запросов из военной прокуратуры, так теперь ваша фамилия еще и у зам. командующего по тылу на слуху! — официально, на «вы», начал старший офицер, хотя обычно бесцеремонно «тыкал» младшим по званию.

— В каком смысле? — насторожился Кедров.

— В отрицательном, — уточнил подполковник и перешел на «ты». — Генералу поступил сигнал, что ты человека нужного обидел. Так и сказал: очень нужного. И фамилию назвал. Догадываешься, о ком идет речь?

— Само собой...

— Так вот: генерал требует, чтобы ты прилюдно, в школе, извинился перед одноклассником твоей дочери и его отцом, и вообще уладил как-то этот вопрос. Можешь считать такое мое приказом.

— Мне лично извиняться не за что, — отрубил Игорь. — А вопрос... Что ж, если «как-то», то он уже улажен.

— Это тебе лишь кажется, — наклонился к нему главный воспитатель полка. — Не забывай: я тоже материалы несостоявшегося уголовного дела читал. И склонен думать, даже уверен, что на деле все происходило именно так, как учительница пишет. Был в твоих действиях криминал! Был! Только тебе подвезло: испугом отделался. Впрочем, и к лучшему: пятна еще на всю часть не хватало...

— А в действиях подрастающего садиста вы криминала не находите? — возмутился Кедров. — И что учителя все знали, да молчали?

— Такие оценки давать неправомерны, — сразу отмежевался от ответа подполковник. — Моя обязанность — отследить твое поведение и, если требуется, наказать по всей строгости!

— Интересно, за что? В возбуждении-то отказано...

— А за то самое! Например, за ненадлежащее воспитание дочери — в духе рукоприкладства! За нежелание в конфликтной ситуации общаться с руководством школы! За оказание психологического давления на несовершеннолетних своими прогулками в форменной одежде под окнами учебного заведения! Вам что, товарищ капитан, для этого форма дана? — вновь перешел на «вы» и поднялся с кресла подполковник.

Игорь тоже встал — субординация — и заявил:

— Будь на месте моей дочери ваша — вы б наверняка рассуждали иначе! — и осекся, поняв, что наступил на большую мозоль старшему офицеру: детей у него не было.

— Я попрошу, товарищ капитан... — побагровел и, прищурив глаза, повысил голос подполковник, — не проводить неумные параллели! Хорошенько подумайте над предложением генерала — иначе я не гарантирую вам прохождения дальнейшей службы в нашей части!

— Артиллерия бьет по своим? Тогда мне только и остается, что самому к генералу на прием записаться!

— Это если мы позволим, — процедил подполковник, — а для начала еще командир полка имеется. Так что главный разговор впереди. Свободны!

...Вечером того же дня капитана поджидал второй неприятный сюрприз: жена со слезами сообщила, что ее уволили с работы — а трудилась Кедрова инспектором социальной защиты райотдела.

— Сказали, что меня и держали раньше только из жалости, — жаловалась супруга. — У меня же строительный техникум — не по профилю. Я уже и у юриста была — по КЗОТу, мол, нарушения нет...

— Ничего-ничего... Устроишься где-нибудь по специальности, — пытался утешить Игорь.

— Ты в своем уме? — напустилась она на мужа. — Это где и кто нынче хоть что-нибудь строит? И какой из меня прораб, если с нашими переездами я вообще проработала года полтора, а потом прочно в домохозяйки...

— Будем что-то подыскивать... Через биржу, через газеты... — только и смог ответить Кедров.

На том сюрпризы не закончились. Назавтра Иринка принесла из школы сразу две двойки. Потом они пошли сплошным потоком: по три-четыре в день. Преподаватели спрашивали девочку на каждом уроке, вопросы задавали самые каверзные, ловили на всякой мелочи и постоянно выговаривали ни за что. А уже через две недели — за это время жена Игоря так и не нашла себе новой работы, а у офицера в части стали готовить документы на его перевод в другую часть — классный руководитель принесла супругам на дом официальное уведомление... Решением специальной комиссии из ведущих педагогов школы, возглавляемой представителем горотдела образования, ученица восьмого класса Кедрова была признана неспособной обучаться в показательной школе с математическим уклоном, куда принимаются лишь особо одаренные дети.

— Это что мне теперь, за пять остановок ездить? — всхлипывала Иринка. — В сто раз хуже меня отвечают — тройки... Мамонов, так вообще молчит...

Супруга кричала на Игоря. Офицер угрюмо молчал, понимая, откуда дует ветер.

Прошло еще несколько дней... Получив законный выходной после воскресного наряда, капитан решил на отчаянные действия. Собственно, а что ему еще оставалось? Иринку так довели в школе, что позавчера она попыталась покончить с собой. Наглоталась снотворного, которое иногда принимала на ночь мать девочки. И если бы она не вернулась

раньше времени домой, получив отказ в трудоустройстве в двух местах, неизвестно, удалось ли бы спасти решившуюся на суицид.

Сейчас жизнь девочки уже была вне опасности, но пока еще Иринка находилась в реанимации... В записке она сообщила родителям, что после уроков Юрчилов-младший вновь изо всех сил ударил ее папкой по голове, во дворе школы. И пообещал теперь избивать каждый день. Когда же Иринка закричала, зовя на помощь директора школы и классного руководителя, которые как раз в эту минуту вышли на порог учебного заведения, обе женщины, прекрасно видевшие действия сына нового русского, по-военному сделали поворот кругом и спрятались в здании, да так оттуда и не вышли, сколько Иринка ни плакала. А Юрчилов-младший важно уселся на переднее сиденье джипа, возле которого стояли охранники, и с комфортом отбыл домой...

...Собираясь на свою личную войну, офицер не стал одевать камуфляжной формы. Облачился в гражданский костюм, повязал галстук, обул начищенные туфли.

По широкому асфальтированному тротуару Кедров твердо шагал к офису фирмы Юрчилова-старшего, поглаживая в кармане гладкие бока гранат-«эргедешек». Слегка нагретый металл успокаивал, вселял дополнительную уверенность в своих силах.

А вокруг шелестели зеленой, слегка запылившейся — не было дождей — листвой дерева, и цвиркали в этой зелени птицы... Солнечные лучи, еще не очень жаркие, спускались с безоблачного неба. И не верилось боевому капитану-мотострелку, что сегодня, через считанные минуты, в одно мгновение, осколки «эргэдешек» могут похоронить под собой весь этот привычный мир с его явными и тайными войнами. Но твердо знал решившийся на крайность офицер, одно: случись самый худший ход событий — и в мир иной он шагнет только вместе со своим главным врагом. Шагнет без колебаний.

РАСКАЗЫ

ВКУС ТЕРЕНТЬЕВКИ

Евгений Ремизов ехал из Москвы на встречу одноклассников с особым настроением: очень надеялся встретить Викторину, потому что тридцать лет не видел ее и почти ничего не знал о ней. Изредка бывая в родном Пронске, он, конечно, встречал знакомых, иногда в разговорах с ними вскользь упоминалась Виктория Китаева или Вика, но не более того. Закипала мысль самому что-либо разведать, но сделать это было непросто: мешала старая обида, родившаяся, казалось, из ничего. Они той весной неожиданно поссорились, когда она отказалась идти в кино, а он, в отместку, отправился в Дом культуры с ее подружкой. Вот, собственно, и вся измена. Но в тот же вечер, узнав о предательстве, Вика устроила истерику, нажаловалась матери, что Женя бросил, унизил, та, наверное, подумала бог знает что, а когда на следующий день Евгений пришел мириться с Викторией, вытолкала его взащей, сказав: «Чтобы вас, молодой человек, я более не видела в нашем доме!» Он по-настоящему обиделся, и более даже не на ее всегда сердитую мать, будто работавшую воспитателем не в детском садике, а в колонии строгого режима, а на саму Вику. Ведь она ничего не сделала, чтобы уладить конфликт, а Ремизову даже показав-

ПРОЗА

лось, что она сама прогнала, не захотела выслушать, вдруг превратившись в равнодушного и чужого человека. Будто они никогда не сидели в палисаднике под старинной терентьевской в пору ее цветения, будто не хрустели румяными яблочками с фиолетовым отливом, подбирая их с земли и вытирая руками. Ранние яблоки удивительно и неповторимо пахли, на вкус казались немного пресноватыми, но сочными, после них очень хотелось целоваться. И они целовались, чувствуя на губах этот вкус. Не смущало и то, что сидели под окнами, темневшими в ночи на фоне беленых стен, и Викина мать вполне могла наблюдать за ними, потому что на одном окне шторка всегда была сдвинута; Вика почему-то разрешала целовать себя только под окнами, словно выполняла чье-то указание.

Став по-настоящему взрослым, Ремизов все понял: и Викину мать, оберегавшую дочку, и саму Вику, не хотевшую расстраивать ее. А тогда очень обиделся. Сам держался на расстоянии от Вики, и других парней не подпускал.

Летом он подал документы в радиотехнический институт и успешно сдал вступительные экзамены. Годы учебы проскочили быстро, хотя иногда казалось, что они бесконечны, особенно если в карманах не оставалось ни копейки. Но из любой ситуации находился выход: то сам подрабатывал, то перепадало от родителей. И все это длилось до тех пор, когда он получил диплом и был распределен в один из военных городков Мордовии, как специалист по радиоэлектронике. Неожиданно хорошо начал *получать* (слова «зарабатывать» тогда почти не существовало). Пришел достаток, а вместе с ним и желание устроить жизнь. Ремизов женился, вскоре одна за другой появились дочки, в воспитании которых он почти не участвовал, так как пропадал на работе. Дела шли успешно, и через пять лет его перевели на головное предприятие, базировавшееся в Москве. Вскоре он купил трехкомнатную кооперативную квартиру и стал полноправным москвичом. Казалось бы, жить и жить, но тут началась перестройка, военно-промышленный комплекс начали разваливать, и Ремизов остался не у дел. Но не без знаний и опыта. Пошел работать в коммерческую структуру. Благодаря этому, квартира досталась ему почти даром: половинный остаток взносов заплатил с одной полочки, потому что зарабатывал уже по новым ценам, а выплачивал за квартиру по старым.

Все это происходило, казалось, недавно, но успело вырасти целое поколение, для которого тогдашние события, что Октябрьская революция для Ремизова. Все — история! В те годы, пока были живы родители, он раз в год заглядывал в

Пронск, а потом, после их смерти, они с братом продали дом, и Ремизов стал приезжать на родину одним днем: наведет порядок на могилках и назад. И в отпуск перестал навещаться, так как зачистил за границу. Да и жена вдруг начала подзуживать:

— Дочек выдали замуж? Выдали! Теперь надо о себе подумать! — говорила она, и Евгений легко поддавался уговорам, потому что и самому хотелось побывать там, куда долгое время было запрещено выезжать из-за государственных секретов, которыми когда-то владел.

Но теперь он далек от того, что и секретами-то перестало быть, — создавал программное обеспечение для фирм, — и в отпуске был волен ехать, куда захочет, хотя в последние годы все чаще вспоминался тихий Пронск. А когда месяц назад неожиданно позвонила одноклассница Зина Крупина, где-то раздобывшая его телефон, и пригласила на встречу выпускников, Ремизов тотчас согласился приехать, потому что сразу вспомнил Викторию и очень захотел увидеть ее. Ведь это такой замечательный и естественный повод, что лучшего и не придумать!

Поэтому и ехал Евгений с особенным чувством, пообещав жене вернуться на следующий день. Ехал ровно настолько, чтобы встретиться с одноклассниками, погулять, а потом, отоспавшись, отправиться назад. Обычно он замирал душой от вида, открывавшегося от поворота на Пронск, когда взгляд охватывал привычные очертания Покровского холма, на котором живописно прилепился этот древний городок, и убегал в неохватное пространство, в старину называемое Диким полем, открывавшееся за широкой долиной Прони.

Ремизов оставил машину во дворе дома школьных учителей, а Валентина Ивановна — добрая душа — пригласила на ночлег, если вдруг появится такая необходимость. Ремизов знал, что дом Ананьевых всегда открыт для учеников, и многие из них, при необходимости, принимали такое гостеприимство. Принял и он.

— Мы-то с Виктором Аркадьевичем все лето в доме уютимся, а тебе постелю в беседке... Как хорошо в саду, на свежем воздухе! — сказала Валентина Ивановна, потряхивая золотистой прической.

— *Beaucoup merci, mon professeur!* — ответил Ремизов по-французски, потому что когда-то она преподавала ему этот язык, и приветливо, благодарно улыбнулся.

Пока они болтали, из веранды показался Виктор Аркадьевич — чернобровый, строгий на вид даже и тогда, когда улыбался. Говорил с Ремизовым охотно, но от встречи с ученика-

ми отказался, стесненный радикулитом. Когда Валентина Ивановна собралась, он едва добрался до калитки и указал на мелькавших у школы нарядных людей:

— Ваши уж собираются...

Из трех классов их выпуска собралось человек двадцать пять. Кого-то Ремизов узнавал сразу — это более относилось к мужской половине, кого-то нет — особенно располневших одноклассниц, но все, в конце концов, распознали друг друга.

К началу встречи столы в вестибюле были накрыты, и, после вступительных слов Валентины Ивановны — казалось, что она совсем не изменилась, — все чинно расселись и начались тосты: за учителей, за старую школу, за родной Пронск!

В перерыве, когда Володя Агапов, блеснув матовой лысиной, взял баян, Ремизов отозвал в сторонку Крупину, жившую в Пронске и все обо всех знавшую, и тихо спросил:

— Зин, а что же Китаева не приехала?

Цветущая от хорошего настроения и внимания одноклассников, высокая Зина подозрительно улынулась, поллюбопытствовала:

— Что, старая любовь не ржавеет?!

— Да так просто спросил...

— Ладно уж — «так просто»... Болела она. А зимой мать похоронила — никак в себя не придет. Так что позвони, помоги отвлечься. Сейчас телефон дам...

Пока одноклассники, разбившись на пары, устроили танцы, Зина достала из сумки записную книжку, авторучку, записала и оторвала листок с номером мобильного телефона Виктории:

— Прямо сейчас и звони в Рязань! Узнай, где она? Может, задерживается?!

— Еще на мужа нарвусь...

— Они развелись, она теперь одна, не считая сына... Спроси, почему не приехала?! Да на чай наприсись... Тебя учить, что ли, надо?!

— Попозже позвоню, — отговорился Ремизов и понял, что смутился от подсказок суетливой Зинаиды, хотя внешне не выдал смущения.

Ему действительно захотелось тотчас позвонить Виктории, узнать, почему не приехала, и, быть может, рвануть к ней. И он поехал бы, но вспомнил, что пропустил несколько рюмок, и теперь машина недоступна до завтрашнего дня. «Это и к лучшему, — подумал Евгений, — нечего пороть горячку!» И чтобы забыться и более не угнетать себя печалью воспоминаний, ворвался в круг танцующих и крикнул баянисту:

— Цыганочку, маэстро!

— С выходцем! — поддержала Ремизова крепенькая, всегда улыбающаяся Татьяна Хоботкова.

И понеслось... Одноклассники плясали так, словно забыли о тридцати годах, прошедших после юности. Когда утомились, вышли на воздух. Мужчины закурили, а Ремизов неожиданно разговорился с Валентиной Ивановной, беседовал с ней будто с родной матушкой. Вопросы самые обычные, какие задают все матери: о семье, детях, работе. И Ремизов с легкостью рассказывал о себе и находил в этом радость.

Потом они не раз садились и выходили из-за столов, пели, танцевали. Только под вечер Валентина Ивановна оставила их, когда самые стойкие и общительные переместились в бар: запаслись вином, фруктами, конфетами и продолжили гулянье дотемна.

В какой-то момент Ремизов решил прогуляться, ему захотелось побыть одному, чтобы остыть от впечатлений, да и просто передохнуть. Сперва он даже и не понял, почему пошел к заводской окраине — получилось само собой, — но чем далее уходил от светившегося огнями бара, тем сильнее хотел посмотреть на дом Вики. Хотя бы издали. Редкие фонари освещали дорогу, и вскоре он остановился перед темными окнами, наполовину заслоненными разросшимися мальвами, от которых веяло горьковатым ароматом. За окнами угадывались занавески, но на одном окне, напротив сохранившейся скамьи, занавеска была сдвинута, как в прежние годы, словно в доме продолжал кто-то жить и теперь наблюдал за Евгением. Знобкую эту мысль он быстро отогнал, вспомнил, как когда-то здесь целовался с Викторией, вспомнил и скособочившуюся от старости терентьевку и даже увидел мелькнувшие в свете уличного фонаря яблоки. Сорвал одно, надкусил — она, терентьевка! Вкус ничуть не изменился, даже показался более ароматным, чем прежде. Он с необыкновенной остротой всколыхнул воспоминания, даже показалось, что Вика где-то совсем рядом... И неудержимо захотелось поговорить с ней. Он достал листок с телефоном и, несколько ни колеблясь, набрал номер, и после нескольких гудков услышал взволнованный голос, который, как показалось, совсем не изменился.

— Кто это? — осторожно спросила она.

Чтобы не спугнуть, Евгений сказал как можно спокойнее:

— Здравствуйте, Виктория! Вам звонят из Пронска. Моя фамилия Ремизов. Я вместе с вами учился! — И после паузы, в которую Виктория, видимо, что-то соображала, Евгений добавил мягче: — Вика, это я — Ремизов! Вспомнила?

— Ремизов... — повторила она его фамилию почти по слогам. — Вспомнила, Женя, вспомнила...

— Узнал сегодня твой телефон и решил позвонить. Не разбудил?

— Я еще не укладывалась...

— А мы гуляем... Тебя не хватает!

— Крупина звонила, но я не смогла приехать, очень занята...

— Жалко, так хотелось увидеться... Вот сейчас сижу на нашей лавочке, ем терентьевку и тебя вспоминаю... Помнишь терентьевку?

— Помню, все прекрасно помню... Ты, слышала, в Москве живешь? Женат?

— Да. Двое дочерей, обе замужем. Жду внучку.

— А у меня сын... Все в холостяках ходит. Мужа, как ты, наверное, знаешь, нет: был да сплыл... Вот сейчас говорю с тобой, а совсем не представляю, каким ты стал: перед глазами прежний вихрастый Женька.

— В чем же дело?! Завтра буду возвращаться в Москву, можно увидеться, поговорить.

Она задумалась, а когда молчание затянулось, порывисто спросила:

— Ты действительно хочешь увидеть меня?!

— Если бы не хотел — не звонил...

— Когда завтра приедешь?

— После обеда, надо сперва побывать у родителей на могилках.

— Как справишься и будешь выезжать, позвони.

— Договорились!

Он отключил телефон, какое-то время сидел на скамейке недвижно и вспоминал разговор, показавшийся сном и заставивший быть задумчивым, даже печальным. И все вокруг показалось печальным, даже бледно-розовые цветущие мальвы и одиноко скрипевший сверчок. Сорвав несколько яблок, Ремизов пошел назад, но в баре огней уж не было, и он отправился к Ананьевым, увидел, что Валентина Ивановна ждет его.

— Bonsoir! — заглянув на веранду, шутливо сказал Ремизов, настраиваясь на иной лад.

Учительница улыбнулась:

— Нагулялись?

— Да, Валентина Ивановна!

— Под душ пойдешь?

— Обязательно! — поспешно согласился упарившийся за день Ремизов.

— Тогда включу горячую воду.

— Спасибо, не надо, обольюсь холодной — это приятнее и полезнее!

Душ был летним, от дома к нему тянулись трубы через газовую колонку и, при желании, можно было окатиться теплой водой, но Ремизову захотелось по-настоящему остыть, привести мысли в порядок. Когда облился и, не вытираясь, вышел в сад, где находился гостевой дом-беседка, то было так знобко и радостно, словно родился заново. И появилась необыкновенная ясность в мыслях. А в мыслях только она, Вика. Даже звонок жене не отвлек.

Виктория же после разговора с Ремизовым не спала полночи. Ей вспоминалось, как по телу побежали мурашки, когда услышала голос Евгения, как чуть не задохнулась от нехватки воздуха... Сын в этот вечер отсутствовал, и она могла говорить спокойно, если можно говорить спокойно с человеком, который жил в душе с тех самых пор, как они расстались. И, главное, не виделись, хотя первые годы жизни в Рязани она знала, что он учится в радиотехническом. Сама она тогда пыталась поступить в медицинский, но не удалось. Устроилась санитаркой в больницу, надеясь, что характеристика с работы поможет. Но — тщетно. И она оставила мечту о медицине, отдала документы в техническое училище, а после училища попала на завод. Так с тех пор и работала в ремонтном цехе: сперва слесарем по ремонту приборов, а потом табельщицей. Там же познакомилась с будущим мужем. После свадьбы несколько лет снимали квартиру, а со временем им выделили комнату в общежитии для семейных на Вокзальной улице. Радовались тогда своему углу, в котором, как оказалось, они застряли на долгие годы. И ничего не получалось с квартирой. Одно время почти дождались, но муж попал в вытрезвитель, и их отодвинули в конец очереди. А потом и вовсе все переменилось в стране, об улучшении жилищных условий забыли, а когда вспомнили, пришло новое поветрие: ипотека. Начали строить дом для работников, но к тому времени Виктория жила без мужа, уставшего «гнить», как он говорил, в общаге, и стартовых денег на ипотеку не имелось. И от сына ждать помощи не приходилось, потому что тот с пятнадцати лет связался с какой-то компанией, и что бы ему ни говорила, как ни увещевала — ничего не помогало. Неделями где-то пропадал, а как появлялся, — денег ему давай! Ну и какая после этого ипотека?! А как бы хотелось пожить в отдельной квартирке. Э-х! А в последние годы не до нее стало. Другая мысль засела в голове — о собственной ноге, потому что с некоторых пор, походив по врачам, Вика узнала, что у нее артроз тазобедренного сустава. Болезнь прогресси-

рвала, и все шло к операции, хоть завтра могли послать. Правда, операция по замене сустава платная, стоит немалых денег. Виктория, конечно, понемногу копила, но в какой-то момент поняла, что ее накопления отстают от инфляции. Если три-четыре года назад эндопротез стоил полторы тысячи долларов, то теперь цена взлетела трижды. На импортный же вообще не замахнешься. В минуты отчаяния у нее возникала мысль все бросить, уехать в Пронск и жить в родительском доме. На ее век хватит! Но когда так думала, то невольно в мыслях возникал сын. Ведь без нее совсем пропадет. А взять с собой — там работы нет. Да и не поедет он, разве расстанется с друзьями?!

За мыслями и думами не заметила, как заснула, а проснулась — солнышко на деревьях играет.

— Ну, девушка, и хватила! — рассмеялась над собой.

Позавтракав, решила прибраться в комнате на тот случай, если вдруг придется пригласить Евгения. Начала с пустых пивных бутылок, оставленных сыном под столом, которые специально не выносила несколько дней, — ждала, когда сын догадается выбросить. Но теперь пришлось это сделать самой. Ведь не будешь показывать непотребство гостю, еще подумает, что она любительница пива. Потом заново застелила диван сына, аккуратно заправила свою кровать за тяжелой темно-вишневой ширмой, украшенной несколькими рядами целующихся голубей. Сделав влажную уборку, от которой линолеум заблестел как новый, решила пожарить курицу, чтобы угостить Евгения, если ему вдруг захочется перекусить. Пока жарилась курица, Виктория нарезала колбаску и сыр, помыла молодую картошку, чтобы отварить. В общем, все делала по уму, но в последний момент вдруг спохватилась: а может, ему и не надо ничего, может, он бывает в таких престижных клубах и ресторанах, что на ее еду и не взглянет?! Да и как поведешь мимо вахтерши?! Ведь со стыда сгоришь! От этой внезапно кольнувшей мысли Викторию даже в жар бросило, она задохнулась от обиды на свою неустроенную жизнь, из-за которой не может по-человечески принять гостя. На какое-то время отчаялась, а потом подумала: «Обойдется без приглашения! Приглашение-то заслужить надо! А что он сделал особенного? Когда-то вильнул хвостом и был таков! А теперь любовь вспомнил! Как мило!»

Она неожиданно быстро охладела к предстоящей встрече, а когда после полудня позвонил Ремизов — говорила без вчерашнего придыхания.

— Увидимся? — сразу спросил Евгений.

— Можно... — все-таки согласилась, но не особенно уверенно.

— Где?

— Например, у входа в вокзал... Когда тебя ждать?

— Буду через час, я на машине. Увидишь юношу в красной рубашке и синих джинсах, значит, это я... А тебя как узнать?

— Сама подойду..

Обычно в город Виктория выбиралась с тросточкой, особенно зимой, когда скользко, но сегодня, собравшись на свидание, отказалась от нее. Зато зачем-то взяла хозяйственную сумку. Вышла пораньше, чтобы понаблюдать, как Ремизов подъедет. Любопытно посмотреть на него сперва издали, сравнить теперешнего с тем, которого знала когда-то, а потом подойти, улыбнуться и сказать: «Ну, здравствуй, Ремизов Женья! Вот ты каким стал!» Она остановилась во дворе рядом с вокзалом, села на скамеечке. Со стороны и не догадаешься, что эта полноватая женщина в просторном сиреневом платье и с неровно накрашенными губами пришла на свидание.

Наблюдая за площадью, Виктория вскоре увидела высокого, с залысинами мужчину в красной тенниске и синих джинсах, выбравшегося из темно-зеленой иномарки, и поняла, что это и есть Ремизов. К тому же он был с цветами, что подтверждало ее догадку. Надо бы сразу подойти, но чувства в этот момент смешались, перескакивая от воспоминаний к сегодняшнему дню, к самому Ремизову, нетерпеливо прохаживавшемуся перед входом... Вот он достал телефон и позвонил, пытаясь, видимо, узнать, где она, а Виктория вспомнила, что забыла телефон. Она тотчас поднялась, чтобы более не заставлять себя ждать, но через несколько шагов, показавшихся необычно неуклюжими, — именно из-за своей неуклюжести не поехала на встречу с одноклассниками, — почувствовала, как от волнения заколотилось сердце... Нет, в таком состоянии она не могла идти, не могла говорить с Женей — не знала, о чем надо говорить. И почему-то сделалось нестерпимо стыдно за утиную походку, к которой сама привыкла, но которой сейчас ошарашит Ремизова. Ведь он ехал на встречу с юной и нежной Викой, какую помнил со школьных лет, а увидит перед собой расплывшуюся хромоногую тетку. И какое у него после этого будет настроение, какое потом впечатление увезет с собой?! Ведь будет ругать себя и проклинать ее за то, что осмелилась показаться в таком убогом виде! Зачем все это? Чтобы потом всю оставшуюся жизнь сниться ему в страшных снах?!

Она вернулась, осторожно уселась на скамеечку и, закрывшись сумкой, тихо заплакала. Рядом гудели электровозы, на-

доедливо зазывали пассажиров таксисты, шаркали прохожие; некоторые предлагали помощь, но она лишь вздыхала и мотала головой. Сколько так томилась — не помнила. А когда более или менее успокоилась, то вытерла платочком слезы, невольно посмотрела на вокзал и не увидела на ступеньках мужчину в красной тенниске... И, как ни странно, ей стало легче, словно успела спастись от смерча. А обида? На кого обижаться? На судьбу, что ли? Но ее не переделаешь, не развернешь вспять, как бы ни хотелось. Да и поздно поворачивать.

Виктория кое-как доплелась до общежития, молча прошла мимо вахтерши, о чем-то спросившей, но Виктория не поняла, о чем именно, и, держась за перила, тяжело поднялась на второй этаж, а в комнате упала на кровать. Здесь уж дала волю слезам.

Несколько раз металлически дребезжал на столе телефон, она знала, что это Ремизов, но трубку не брала — не было сил говорить с ним. Под вечер, когда он, видимо, вернулся к жене, сигналы прекратились. Правда, Евгений звонил в другие дни, Виктория хватала трубку, думая, что это сын, но, услышав голос Ремизова, отключала телефон, даже не пытаясь хоть что-то объяснить.

И он все понял и не стал более навязываться, все-таки печалась от несостоявшейся встречи и сожалел о том, что и Вику напрасно взбаламутил, и сам обжегся, желая вернуть то, что, наверное, вернуть невозможно. Да, похоже, и нечего было возвращать, если школьная привязанность окончательно зарубцевалась, не успев перерасти в нестерпимое чувство, способное заслонить все препятствия.

Какое-то время о поездке в Пронск ему напоминали лишь яблоки, которые возил с собой. Но вскоре они сморщились, усохли, как мало-помалу усохли и его воспоминания. Ремизов, наверное, навсегда забыл бы пустые переживания, но через неделю вернулся и неожиданно, словно весенний ветер, разволновал давний вкус терентьевок, сохранившийся с юности и совсем, оказывается, не изменившийся за все эти годы. Такие, казалось, долгие, но истекшие одним днем.

ПЛАЧ ПО ЗОЛОТОЙ ЕЖЕВИКЕ

Бывший военный, а теперь сотрудник охранной фирмы Алексей Логинов давно считал, что все интересное с ним происходило в сентябре, в бабье лето. То он познакомится с интересным человеком, то поругается с братом, то...

чаев скопилось предостаточно, и он всегда задавался вопросом: почему это происходило в начале осени? Что, другого времени нет? И однажды понял, почему: за лето, когда у людей на уме отпуска и дачи, — им не до выяснений отношений. Но вот съехались в город к началу занятий в школах, тут-то и начинались интрижки. Сразу вспоминались обиды, о которых забывали в течение лета, сразу хотелось выяснить отношения, и помощником в этом становился домашний телефон, потому что по мобильному с дачи не особенно поговоришь.

Да, с некоторых пор Алексей был на военной пенсии, отслужив прапорщиком двадцать пять лет, а уволился одновременно со старинным другом, тоже прапорщиком, только старшим, — Володей Молодцовым. Оба устроились в охрану и стали работать по схеме: сутки через трое (они многое делали вместе, даже внешне были похожи: оба невысокие, коренастые). Своего загородного дома — так уж получилось — у Алексея не имелось. В середине девяностых годов он с братьями продал родительский дом, продали не из прихоти, а по необходимости. В ту пору по пустующим домам нещадно лазили, выгребали все подчистую, не гнушаясь даже электрическими розетками. Надо бы, конечно, в домах жить, но связывала служба. Да и не наездишься за триста километров. А на природу, к деревенской жизни влекло. Поэтому в последние годы Логинов частенько гостил у Молодцова, строившего загородный дом. Строил он долго, поэтапно, а начал эту эпопею еще с началом перестройки. Служил он тогда на складах, и все, что предназначалось к списанию, частенько оказывалось на его дачном участке, который купил под Павловским Посадом. Кирпичи, старое кровельное железо, доски, бревна — ни от чего не отказывался, все б.у. тащил к себе. Через несколько лет почти весь участок загромодил стройматериалами. Но все лежало мертвым грузом — не хватало финансов, чтобы начать строительство. Тогда сам начал потихоньку ковыряться. А однажды позвонил Логинову и спросил:

— В выходные свободен?

— Так точно! — немного дурачась, ответил Алексей.

— Приезжай ко мне на дачу.. Позагораем, шашлычок вечером замутим! Можешь даже с женой, сына прихвати. Моя тоже будет. Чем не компания?!

— Можно, надо только с Люсей поговорить, — согласился Логинов.

А его Люся, как только услышала про шашлыки, сразу загорелась. В субботу с утра пораньше они и поехали. Езды-

то всего ничего: до Павловского Посада электричкой, а потом до поселка Игнатово на автобусе. Когда приехали, Молодцов тотчас всем нашел работу: кто копал землю, кто ровнял участок, а сам Молодцов с Логиновым и его сыном начали рыть траншею под фундамент будущего дома. В обед перекусили, и опять за работу, и жара им нипочем. Под вечер, когда все наломались, сходили на озеро, которое совсем рядом, искупались. Правда, Люся отказалась бултыхаться в таком болоте, как она сказала, хотя место оказалось живописным и вода вроде бы чистой, — рыба водится, даже, говорят, раки, — а потом вернулись на участок. Логиновы думали, что действительно вечером их ждут шашлыки, но Молодцовы устроили сюрприз, решили вспомнить деревенское детство и накормить печеной в костре картошкой. А что! Очень романтично. К картошке они открыли баночку-другую килек, нарезали огурчиков, лучка зеленого с грядки сорвали. Красота!

Мужчины были довольны, особенно когда выпили Володиной самогоночки, довольна и жена хозяина Тоня, на вид полноватая, но очень подвижная, даже шустрая, только худая и бледнолицая Люся загрустила, особенно когда начало темнеть и появились комары. К тому же выяснилось, что все должны ночевать под пологом, который одним боком крепился к штабелю бревен. Спали одетыми, в чем были. Логиновы проснулись чуть свет, а Молодцовы дрыхли и дрыхли и комары им нипочем. В общем, та поездка для жены Логинова оказалась первой и последней. Сам же Алексей продолжал ездить к Молодцову, даже завез к нему удочки и иногда часочек выгадывал, чтобы посидеть у озера. Хотелось, конечно, подольше побездельничать, но неудобно перед другом.

Так продолжалось год-другой, а потом жена Молодцова устроилась в какую-то финансовую структуру, а в какую — не говорила, потянула за собой дочь, и вскоре они обе начали очень прилично зарабатывать. И сразу, как рассказывал Володя, заставили его по-настоящему заняться загородным домом, даже решили построить его более просторным: двухэтажным, с мансардой и подвалом во весь дом, да с гаражом. Это хорошо, чего же не построить, когда появились возможности. Володя и сам вкалывал, и Логинова... нет, не заставлял, но почему-то так получалось, что тот считал своей обязанностью помочь другу, с которым связывало общее детство. Только жалел, что Молодцов строился не на родной тульской земле, а то и вовсе бы было отлично. Но что есть, то есть.

Понимая, что вдвоем они много не сделают, тем более что отвлекала работа в охране, Володя начал нанимать людей, в

основном, гастарбайтеров. Как-то Логинов приехал, а они уж фундамент залили. Приехал через неделю — кирпичная кладка на метр поднялась. Вот это скорость! В общем, они вывели в тот год стены, крышу накиннули и Молодцовы финансово выдохлись, приостановили строительство, решив подкопить за зиму денег. Хотя сам Володя без дела не сидел. В начале осени его Тоня вскопала грядки под клубнику, откуда-то принесла и посадила рассаду, потом натыкала зубчиков чеснока, а сам Володя насажал яблонь, груш, несколько корней смородины и малины, купив их на рынке «Садовод». Принес несколько кустов ежевики, доставшихся бесплатно, — в лесу накопал. Потом вдвоем с Логиновым за месяц они вырыли пруд на участке, накачали в него из озера воды. И когда однажды Логинов отправился на рыбалку, Володя сказал:

— Возьми ведерко... Если какой карасишко попадется, в пруд запустим, на племя.

Логинов отправился ловить карасей, а Молодцов начал крепить на столбах сетку-рабицу, которой решил опоясать участок взамен старого штакетника. Когда Логинов вернулся и принес десятка два карасей, плескавшихся в ведре, то Володя похвалил, выпустив их в пруд:

— Молодец, еще несколько раз сходишь и на следующий год рыбалка обеспечена! Вот таких лаптей будем таскать! — и показал на свою крупную ладонь.

Логинов, конечно, понимал стремление друга завести обширное хозяйство, но хотелось и домой привезти несколько карасиков: показать Люсе, что, мол, не зря пропадает у Молодцова, да и кошку хотелось побаловать свежей рыбой. Но нет, не удалось: Володя ни одного карася не оставил, даже для кошки. «Как-нибудь в следующий раз привезу!» — решил Логинов. Но когда через неделю позвонил Володя и вновь пригласил на рыбалку, то Логинову почему-то не захотелось ехать, и он сослался на неважное самочувствие, потому что знал: караси опять уйдут в Володин пруд. Все это, конечно, мелочи, но все равно после такой мелочи остается на душе осадок. Остался и в этот раз, почти на всю зиму. Поэтому зимой друзья редко звонили друг другу.

Зато, как пригрело солнце, Молодцов вспомнил о Логинове, и опять они начали мотаться в Игнатово, где всегда находилась работа. Всякий раз что-нибудь красили, строгали, копали. И так всю весну, все выходные. Даже о рыбалке забыли. Володя вспомнил о карасях, только когда те начали метать икру. Тогда он где-то раздобыл бредень, и вдвоем они наловили ведра два нерестившихся пузатых карасей, среди

которых попадалась уклеики и даже окуни. Окуней Молодцов в пруд запускать не стал.

— Хищники мне не нужны... — расчетливо сказал он. — Кошке отдам, их чистить тяжело.

К началу лета в доме стояла печка, настелили пол, пришили потолок, рабочие привезли и поставили пластиковые окна, двери из дуба. Выкопали колодец. Вскоре на берегу пруда появилась рубленая баня, в которой пока спали рабочие. Пока был в отпуске, Володя жил на даче постоянно, как охранник, боясь оставить дом беспризорным, потому что за рабочими нужен контроль, а то и материалы растащат, и клубнику с малиной обдерут. А как отпуск у него закончился, то по настоянию Тони, рассчитался и переселился на дачу основательно. Из дома привез матрасы с подушками, постели, но пока спал на полу, так как мебели не было. Решили с Тоней покупку мебели отложить до следующего года, потому что не хотелось покупать старье. Главное — есть стены, крыша и все остальное, чтобы жить. Даже установили электрическое отопление и тэн, чтобы была горячая вода для душа и кухни.

Когда более или менее обустроились, Тоня сказала мужу:

— Теперь, Вовчик, здесь надо жить круглый год!

— А ты, а дочь?

— Наша задача — деньги зарабатывать... Ты же сам всю жизнь стремился иметь дачу.

Ее слова не понравились Молодцову. Он, конечно, и сам любил пропадать в Игнатове, но одно дело, когда по собственной воле, а другое, когда принуждают.

— А как же пенсия?

— Не волнуйся, за тебя получу. С банковской карточкой умею обращаться.

Тоня теперь на даче появлялась редко, и Володя жил практически один, если не считать приехавшего Логинова. Но у того тоже семья, иной раз Люся нет-нет да спрашивала: «Ну и как у вас идут дела?» — «Все нормально, — отвечал Логинов, — потихоньку ковыряемся». Она, конечно, хотела бы приехать к ним на дачу, зная, что в доме можно ночевать, и побыть денек-другой на свежем воздухе. Но Володя никого более не приглашал, да и на Логинова смотрел косо, особенно, когда тот без спроса забрался за клубникой. Дело было так. Накануне Молодцов выгнал литра три самогонки для хозяйственной надобности, но они не удержались, пропустили по стаканчику первача, потом добавили. В общем, захошло. А на рассвете Логинов проснулся, чтобы прогуляться до будочки... Не удержавшись, сорвал ягодку-другую, что-

бы промочить пересохший от первача рот, а глаза поднял — на него из окна Володя смотрит, будто и не спал, и, наверное, считал, сколько его гость ягодок смахнул... Неприятно сделалось Логинову от такой бдительности, а скорее жадности. Он, конечно, и прежде замечал прижимистость Молодцова, но это, казалось ему, была хозяйская прижимистость, потому что, когда строишься, каждая копейка на счету. Все это так, но Логинову не понравилась слезка. С того дня он вдруг стал замечать, что Володя постоянно контролирует: сколько положил салата, сколько взял сахару. Логинов сперва думал, что ошибается в своем подозрении, что не может вести себя старый друг подобным образом, но однажды поверил самому себе. Как-то, оббивая вагонкой одну из стен, Логинов выглянул в окно и увидел, что Володя стоит у кустов малины и, не спеша обирая ее, бросает ягоды в рот. И Логинову тоже захотелось ягод. Он вышел к нему, будто что-то спросить, а, спросив, принялся за ягоды. И сразу Молодцов развернулся, уводя от малины:

— Пошли, посмотрим, что там у тебя!

Они вернулись в дом, и Логинов указал на бракованную доску: мол, что с ней делать?

— Только и звал за этим? Отложи ее!

Дав указание, Молодцов вернулся к малине и продолжил лакомиться ягодами. И так Алексею сделалось печально от всего этого, что расхотелось работать, потому что помощь должна идти от души, от желания. А будет ли и то и другое, после такого отношения. И это, вспомнил Логинов, не первая Володина выходка. Месяц назад произошло что-то подобное. Пока был отпуске, Молодцов подвозил Алексея до остановки автобуса на машине, и в тот раз собирался, но оказалось, что у машины спущено колесо. Тогда Логинов не придал этому значения, а теперь вспомнил, что часа за два до своего убытия случайно увидел, как Молодцов выкрутил золотник из колеса, дождался, когда оно спустится, и закрутил золотник. Позже, когда собрались к автобусу, неожиданно огорчился:

— Придется тебе, Лень, пешком бежать. Видишь — прокол, и запаска пустая!

Да, тогда Логинов ничего не понял, на автобус опоздал, а чтобы не опоздать на электричку остановил подвернувшееся такси. Сегодня же, когда не удалось полакомиться малиной, не стал дожидаться вечера, а, еще час поболтавшись по чужому дому и ничего не объясняя, собрался в Москву. Уехал и недели две не показывался. И не звонил Молодцову, и тот не соизволил. А через три недели как с цепи сорвался, звонками

замучил: приезжай да приезжай в ближайший выходной! Мол, машину вагонки привезли, будем второй этаж обшивать. А Логинову ехать не хотелось. Впервые не лежала душа. Душевная борьба в Логинове могла бы длиться не один день, но разве можно отвязаться от Молодцова?! К тому же Володя ускориł ее завершение, когда обронил фразу, сказав, словно для приманки: «Ежевика поспекает». Двух слов Алексею хватило, чтобы сам собой возник коварный план, после исполнения которого, возможно, совсем по-иному пришлось бы смотреть на отношения с другом.

Логинов поехал в Игнатово в следующий выходной, а как приехал, Володя сразу повел на второй этаж, начал объяснять, с какого угла шить вагонку. Объяснив, спросил:

— Все понятно?

— Так точно! — машинально согласился Алексей, потому что более думал о своей задумке, осуществить которую пока не знал как.

Но неожиданно сам Молодцов помог.

— Так что времени не теряй: переодевайся и вперед! — сказал он, как приказал. — А я в строительный магазин смотаю, надо лак посмотреть.

Молодцов завел «Ниву» и уехал, а Логинов и не думал приступать к работе. Его другое интересовало: ежевика! По-настоящему созрела или Володя для красного словца сказал?! Отправившись к разросшимся за лето зарослям, Логинов действительно обнаружил спелые ягоды, похожие на малину, темно-сизыми подвесками разукрасившие низкорослые, колючие кусты. Кусты чувствительно кусались, но Логинову спешить было некуда, да и не хотелось отступать, не завершив задуманного. Он терпеливо обирал сладкие ягоды, почти черные снаружи и кровавые внутри, и делал это, понятно, без разрешения. Но теперь оно ему было не нужно. Потому что его план именно в этом и заключался, именно для этого он и приехал сегодня к Молодцову, чтобы частично вернуть свой труд, хотя цена всех ягод не стоила и тысячной доли того, что он отдал другу. Но даже если ягоды были бы действительно золотыми, то и в том случае Логинов имел на них полное право. Поэтому он ел ягоды и ел. К тому же оказалось, что их не так уж много. Но радость копилась не от их количества, а от предвкушения ожидаемого эффекта.

Добрав последние ягоды, Логинов отправился к беседке, где между баней и березой болтался на ветру гамак. Забравшись в него, он выстругал из веточки зубочистку и начал чистить зубы от застрявших зернышек ежевики. Чистил не

спеша, рассматривая небо, которое, оказывается, в Игнатове такое высокое и голубое, и круживших в поднебесье стрижей, удивляясь их ловкости. Когда же на руку опустилась темно-бордовая бабочка в оранжевых пятнах, то Алексей застыл, боясь спугнуть ее, и долго наблюдал, как она шевелит изогнутыми усиками... Все-таки хорошо иметь дачу! Разве в городе это все увидишь?!

Пока он рассматривал бабочку, вернулся Молодцов и сразу направился в дом, но, не обнаружив Логинова, вышел, огляделся и заторопился к нему.

— Ты чего это развалился? — спросил чуть испуганно, не ожидая увидеть друга в гамаке.

— Да ничего... Зубы чищу от ежевики. Вкусна, зараза! Весь день ел бы и ел!

Молодцов молча развернулся и чуть ли не побежал к кустам. Взглянув на ежевику, вернулся к Логинову, едва не плача, будто ежевика была действительно золотой.

— Катись вон! Чтобы духом твоим тут более не сквозило! — поблбднв от злости, рывкнул он с такой ненавистью, что дай ему волю, растерзал бы Алексея.

Логинов же молча кинул за спину подготовленный рюкзак с Люсиными бутербродами и пошел к калитке. Думал, что Володя одумается, окликнет, но нет. Ничего похожего. И Алексей не стал оглядываться. Чем дальше уходил от дачи Молодцова, тем легче и спокойнее становилось у него на душе. Тем более что, судя по всему, начиналось бабье лето, а в эту пору с Логиновым всегда что-нибудь происходило. А хорошее или не очень — от него обычно не зависело.

Это уж когда какая масть ляжет!

РАЗВОД

Когда Лиза Парамонова надумала развестись, жители Стрелецкой слободы удивились и не могли понять, как это она решилась на такое: ведь до этого ее семье чуть ли не завидовали. А решилась Лиза, когда изо дня в день надоело терпеть пьяные выходки мужа. Последний случай только подстегнул и окончательно вывел из себя.

В пятницу, перед выходными, вымыла она пол в доме, а когда пришел с работы Михаил, попросила его разуться. Но тот оттолкнул ее и, ругаясь, нарочно протопал от стены до стены. Обстучал грязные кирзачи да еще сказал: «Твоя чис-

тота у меня вот где!» — и провел рукой по шее. И тут же у двери завалился. Уснул. Лиза от его хамства так оскорбилась, что на следующей неделе пошла в Пронск к судьбе.

Прослышав об этом, Михаил не поверил и тишил себя мыслью: «На испуг хочет взять!» Но когда почтальонка принесла повестку, то перестал сомневаться в серьезности Лизиних намерений. Одно не укладывалось в голове: как это Лиза, его послушная Лиза, осмелилась на такое?! «Чего ей не хватает? — думал Михаил. — Мужик я справный, зарабатываю нормально, а если и выпью, так на свои. Не занимаю. Из дома не тяну... Ладно бы хоть баба видная была, а то поглядеть не на что — стручок стручком... Может, она ненаглядного завела? Да только кто позарится на такую?» Поволновавшись несколько дней, Михаил обозлился и круто переменял отношение к предстоящему разводу. Теперь он ходил по травянистым слободским улицам гоголем, говорил каждому встречному мужику: «Слыхал, чего моя учудила?»

Чтобы отвести надвигающееся несчастье, в дом к Михаилу зачастила теща. Она жила через три двора, всегда на дню дважды приходила провожать и встречать внука из школы, теперь же так и торчала у дочери, только ночевать уходила к себе. Шуря подслеповатые глазки, теща как-то пыталась поговорить с Михаилом, но тот и слушать не стал, буркнул походя: «Не я на развод подавал!..» И ушел на Проню, просидел на берегу до тех пор, пока не увидел свет в оконцах тещиной избенки.

Окончательно утвердившись в своем решении, еще до суда, Лиза перебралась на старенький диван и мужа к себе не подпускала. Тот же приходил с работы трезвый, а спать укладывался с восьмилетним сыном. Перед сном Михаил подолгу, но не очень складно рассказывал ему о каких-нибудь клапанах или сцеплениях. Сережка засыпал от скучного рассказа, а Михаил долго ворочался, мечтая о предстоящем вольном житье, которого с каждым днем ждал все нетерпеливее.

В день суда Михаил вырядился во все новое. Надел костюм, купленный в прошлом году, и недавно подаренную Лизой сорочку. Вот только галстука подходящего не было: один совсем короткий — лопаткой, другой — узкий и весь перекрученный, словно на нем белье сушили, а третий и вовсе нелепый — из черной материи с изображением парящей над волной русалки. Но, вспомнив, что этот галстук был при жеманстве (лишь поэтому, наверное, и не выбросил), Михаил подумал: «Надену-ка я его. Второй и последний раз!» Собрав-

шись, заглянул в зеркало, усмехнулся: «Символично получается. Пусть Лизка полюбуется!»

Но той было не до любования. В стареньком выцветшем платье Лиза выглядела серо; глядя на ее страдающее лицо, нельзя было и подумать, что все это она затеяла сама.

После суда Парамонов недовольно подумал: «Стоило из-за пяти минут с работы отпрашиваться?!» Он надеялся, что жене раз и навсегда отобьют охоту таскаться по судам, но, к его огорчению, все вышло не так, как представлялось, а буднично, скучно, и закончился суд оскорбительно быстро. Едва выслушав Лизу, судья задал вопрос Парамонову: «Согласны ли вы на развод?» — «Я всегда пожалуйста, — ответил Михаил, победно взглянув на жену, и неожиданно для себя соврал: — Потому как имею другую женщину!» Шагая центральной улицей городка в слободу, Михаил ругал себя, оглядываясь, ища глазами Лизу, но среди редких прохожих ее видно не было, и он всякий раз подтрунивал над собой: «Чего это я? Она мне теперь никто!»

На полпути, зайдя в «Новинку», недавно построенный гастроном, Парамонов купил водку, консервы, хлеб. От городка дорога катилась под уклон, к Проне, шагалось легко и приятно. Пройдя овраг, Михаил радостно расстегнул галстук и, торопливо оглянувшись, забросил его в молодые лопухи. В слободе заглянул к школьному другу Виктору Фролову. Тот догуливал отпуск и томился в доме один.

— Где половина-то? — войдя, спросил Михаил.

— На работе, — позевывая, отозвался с дивана Фролов. — Присаживайся.

— Не за этим зашел...

— Тебя поздравить можно? — улыбнулся Фролов.

— Угадал. Начинаю новую жизнь... Короче, через полчаса встречаемся у мельницы.

— Годится...

Там, где к Проне выбегают крайние дома слободы, на месте бывшей запруды густо разросся ивняк и доживают век старые дуплистые ветлы. В их тени с давних пор покоится жернов — все, что осталось от бывшей мельницы. Никто ныне и не помнит, кому из слободских мужиков первому приглянулось место у жернова: издавна «мельница» — любимое место выпивок.

У ветел Михаил появился в выгоревшем и вытанутом на коленках трико, в такой же футболке. Дожидаясь приятеля, разложил на жернове консервы, хлеб, ворох зеленого, только с грядки лука. Вскоре и Виктор появился — ломоть ветчины принес.

— Ешь — не хочу, — шутил Михаил, открывая банку консервов.

Когда выпили и молча закусили, отряхивая с пальцев налипшую соль, Михаил торжественно произнес:

— Вот и началась моя холостяцкая жизнь...

— В тридцать лет это не страшно, — подцепляя кусок скумбрии, ухмыльнулся Фролов, — еще десять раз женишься.

— Нет, не буду, — мотнул головой Парамонов, — хочу вольно пожить... Вот мы в Стрелецкой слободе живем, и предки наши, значит, стрельцами были... Темнота, одним словом, а ведь тоже к воле стремились, бунты всяческие поднимали. А кто же ныне от воли и демократии откажется, теперь все только и стремятся к ней. Или Лизку возьми. От меня отделалась — лишнего человека обстирывать не надо: опять же шаг к личной свободе.

— Лизка еще ничего, старательная баба, а моя вообще стирать не хочет, платки носовые — и те через машину пропускает.

— Я б с тобой, Витек, мог запросто поменяться, — берясь за сигареты, усмехнулся Михаил, — да уж нечем. Это и к лучшему. Моя чистотой в могилу сведет, ты у нее в мокрых носках на работу бегать будешь!

Фролов удивленно посмотрел на приятеля, подумал: «Что-то быстро захмелел? Вот нанервничался-то!»

— Да, был такой случай, — продолжал Парамонов. — Както с утра пораньше Лизка все мои носки постирала, ну все подобрала, даже с рваными пятками где-то откопала. На улице зима, а мне на базу надо идти. Пришлось ноги газетой оборачивать, сырые носки натягивать.

— А Лизка чего говорила?

— Чего она скажет, чистюля... Грязь, говорит, первый враг здоровья.

За разговором не заметили, как стало припекать.

— Может, окунемся?! — предложил Фролов.

— Давай, чего смотреть, — согласился Михаил и первым зашагал к воде: кряжистый, тяжелый, с чуть кривыми, волосатыми ногами. Стремительно, с разбега Парамонов нырнул, и через секунду над Проней прокатилось его возбужденное гоготанье.

Виктор входил в воду медленно, с радостным замиранием втягивая живот и отдуваясь. Плавал же вверх и вниз по течению долго, фыркая и забавно пуская струйку воды изо рта. По-весеннему холодная вода быстро выгнала Михаила на берег.

— Вылезай! — крикнул он Фролову. — Иди, причастимся!..

И когда, наплававшись, тот выбрался на берег, до самого вечера сидели друзья на берегу, и все это время Михаила не покидало чувство новой, вольготной жизни, которой, оказывается, так не хватало в последнее время.

После суда Лиза перебралась жить к матери и выскоблила всю ее избенку, и без того чистую. Как и прежде, придя с завода, где работала контролером, она с тазиком бегала на Проню полоскать белье. Не могла отступить от привычки, не могла допустить, чтобы где-то валялась несвежая или, боже упаси, грязная тряпка.

К матери Лиза переселила и причитающуюся по разделу половину живности: овцу с двумя ягнятами. Но через день Михаил неожиданно привел к теще и свою овцу. Она упиралась, хрипела на веревке, звонко блял у ее ног перепуганный ягненок.

— Вот и эту заодно заберите, — загоняя овцу в катух, сказал Михаил. — Не хватало счастья из-за какой-то паршивой овцы вставать чуть свет!

Домой Парамонов вернулся довольный и стал жить почти беззаботно. Лишь недели через две, как закончился запас чистых сорочек, собрался в прачечную, но потом передумал: «Что это я, или неспособный какой?» В этот же день, награв на плите два ведра воды и укрывшись от посторонних глаз во дворе, начал стирку. Стирал долго, вспотел, ожесточенно тербя рубахи, и порошка стирального не жалел — пена аж бугрилась над корытом и хлопьями валилась через край. Покончив с сорочками, занялся майками, а под конец, уже в грязной воде, простирнул спецовку...

Сушить развесил тут же, во дворе. Утром, собирая высушенное белье, ужаснулся и вспомнил, что жена всегда майки кипятила — да кипятила-то всегда отдельно... Спецовка тоже выглядела непотребно и напоминала маскировочный халат. Лишь одни сорочки радовали. «Ничего, научусь», — думал он, унося белье в дом.

В начале июня приехал в отпуск старший брат Лизы Петр, подполковник интендантской службы. С его приездом приступили к разделу дома. Дом был старой кирпичной кладки, достался Михаилу от рано умерших родителей, и хотя ему не хотелось все ломать и крушить, тем не менее он настырно принялся за переустройство. Даже хотел вызвать из Рязани брата на помощь, но потом все-таки передумал, решив, что так будет спокойнее. Вместе с Петром они разобрали полы, печь, оставив лишь печной боров и трубу, решив сделать их общими для двух будущих печек-лежанок. Подполковник, прикупив кирпичей, начал сооружать поперек

избы стену, а Михаил взялся за боковое окно, приспособившая его под дверь. К концу месяца все сделали. Перед отъездом шурин зашел к Михаилу на его половину, с надеждой в голосе сказал:

— Буду рад, если на следующий год придется все сломать, что нагородили в этом!

— Нет уж, видно, не случится такого, — отозвался Парамонов не совсем уверенно и растерянно улыбнулся.

С отъездом подполковника Михаил перебрался из сарая, в котором жил, пока шел ремонт, и начал обживать в переделанном доме. Переселилась от матери и Лиза. По-прежнему она почти каждый день стирала, но теперь развешивала белье перед своими окнами. Михаил, к собственному удивлению, почти не выпивал, ну если только когда с Фроловым, да и то редко. По выходным Михаил старался заманить к себе сына и, набрав еды, уходил с ним на реку... Незаметно наступил август, дни укоротились. Сережка начал готовиться к школе, и он все чаще оставался один.

Как-то, вернувшись из Пронска с работы, Парамонов застал у своей веранды радостно и возбужденно улыбавшегося Виктора.

— Почти час жду тебя! — щелкнув по циферблату, укорил Фролов. — Дело есть... Давай-ка переодевайся — и ко мне. Забыл, что у моего сегодня день рождения? Представляешь, семь лет уж парню, через две недели в школу пойдет!

— Чего же раньше-то не напомнил? — нахмурился Михаил. — Как без подарка заявлюсь?

— Не из-за подарка приглашаю... У самого для тебя подарок есть... Приехала двоюродная сестра жены, девка что надо, правда, как и ты, разведенная, но детей нет. В общем, соберайся — и ко мне, а там только не теряйся.

Фролов ушел. Михаил, войдя в дом, опустился на стул, сидел минуту неподвижно, а потом вскочил и начал умываться. С особой тщательностью тер руки, смывая въевшееся машинное масло. Тиская пенную губку, силился представить неизвестную молодуху, и та виделась полногрудой, высокой — под стать ему, со светлой и пышной прической.

Надев праздничную сорочку, Михаил вдруг вспомнил, что нет приличного галстука. Не зная, что делать, Парамонов попробовал нацепить «лопатку», но она вызывающе топорщилась и, словно насмехаясь, норовила выскочить из-под широких, вразбег лацканов. Со злостью сорвав галстук, Михаил сделал воротник сорочки навывпуск, но показалось чудно и до стеснения перед самим собой непривычно. Тогда примерил второй галстук, долго и придирчиво рассматривал себя в зер-

кале и под конец, окончательно обозлившись, все покидал и, копя в груди обидную горечь, бросился на кровать...

Когда стемнело, Михаил выбрался на улицу, присел перед палисадником на новую, шероховатую скамью и курил сигарету за сигаретой, прислушиваясь к доносящейся от Фролова музыке. Колонки орала на полную мощь, и только в коротких перерывах было слышно, как рядом шуршит на ветру белье. Стрелецкая слобода постепенно заполнялась зеленым светом луны, иногда пропадавшей в быстрых облаках, и погружалась в сон. Умолкла вскоре и музыка у Фролова. Только Лизины постирушки не хотели успокаиваться. Слушая их неумолчное хлопанье, Михаил сидел настороженно, тихо, и в дом ему идти совсем не хотелось.

ДВА РАССКАЗА

НА ПЕПЕЛИЩЕ

Однажды после долгой, тяжелой и, что самое главное, неудачной экспедиции он ощутил в глубине своего существа: «Созрел!»

Так экспедиция в глухомань Уссурийской тайги готовилась кое-как, на скорую руку, из разного бродячего люда. Заказчики из «новых русских» по каким-то известным им источникам уверились, будто в верховьях таежной речушки золото лежит едва ли не на берегах, и срочно снарядили туда бригаду геологов-изыскателей — на разведку. Мужики подобрались тертые, без работы ставшие и вовсе отчаянными, а потому согласились с радостью: «Из-под земли достанем!»

Однако на многосуточном маршруте быстро одичали: дожди, духота, гнус, спирт и бесконтрольность превратили всех в зверей. Но до верховьев добрались, где, само собой разумеется, никакого золота не обнаружили: должно быть, конкуренты подбросили ложную информацию. Допили остатки спирта и жестоко передрались: дело дошло до поножовщины...

Вот тогда-то он и сказал себе: «Все, Федя! Пора мотать к родному порожку. Нагулялся, баста!»

Было ему к тому времени уже шестьдесят. Последние годы провел без работы, можно сказать, бомжом,

ПРОЗА

время от времени наведываясь в бывшую семью в Сквородино. Там его кормили, иногда из жалости совали бумажку другую денег на дорогу и спраживали: «С Богом!»

Денег на дорогу «в Россию», где жила мать, хоть и с трудом, но наскреб. И отправился в путь.

Судьба оказалась жестокой к нему, но, похоже, милостивой к матушке: та ждала горячо любимого сыночка-побродяжку лет двадцать — повидать! Он же не спешил, занятый тем, что прожигал жизнь как умел. В родном селе объявился, как раз в те дни, когда старая Анастасия готовилась отдать Богу душу...

Когда сын предстал перед ней, прямо с дороги, она радостно и слабо вздохнула, с тихой улыбкой промовила: «Слава тебе, Господи!» И закрыла глаза — навсегда...

Материнский дом с тех пор, когда он шагнул за порог — в сорокалетнюю дальнюю дорогу — ничуть, кажется, не изменился, только сильно обветшал да как-то старчески ссутулился. Кирпич стен побурел, серая шиферная крыша покрылась прозеленью, стропила прогнулись под тяжестью лет. Вымахали выше конька и успели состариться ветлы, которые он посадил перед отъездом, а вернее забил по весне несколько кольев по краю палисадника...

— Ничего, перезимую, а там возьмусь за починку, — решил он, похоронив мать. — Глядишь, и работенку найду...

Пенсию ему назначили самую маленькую, да и за эту повоевать пришлось. Подай чиновникам бумажки! Да где ж их взять, если всю жизнь как медведь-шатун по тайге бродил с геологическими партиями — богатства для страны искал.

Первые месяцы жил тем, что подсобили соседи: как раз убрали огороды. Поделались, кто чем мог — пару мешков картошки набрал, засолил переспелых огурцов, бурых незрелых помидоров, заквасил большую кастрюлю капусты. На луковом поле собрал, уже после уборки, полмешка мелкого луку. Зима совсем не пугала с такими-то запасами!

По осени, когда стали убирать свеклу, зачастил в простуженные туманные поля с мешком: запасался свеклой. Отчасти рассчитывал заменить ею сахарок, а более — гнать самогон.

Зажил Федор в свое удовольствие, да так, что, получив пенсию, всю тратил на «огненную воду». Брал в магазине дешевую бормотуху оптом — целым ящиком. Соседи, видя такое дело, рукой махнули: «Горбатого, видать, могила исправит!»

Так бы и жил он, в ус не дую, долго. Но беда пришла, однако, вскоре: аккурат к новому году материнский дом его сгорел, выгорел дотла. Одни опаленные пламенем кирпичные

стены остались. Вынести успел немного: кое-что из одежды, постель, ведро да чайник. Так и встретил новый год посреди пепелища, растерянный, трезвый. Благо зима в тот год стояла теплой!

Как выжил, один Господь знает. Спас старинный, еще делом выкопанный погреб. Там-то и устроил себе берлогу: сколотил топчан, отыскал во дворе чугунную печку, накопил дешевых свечей для освещения. Зимние месяцы промелькнули быстро. Может быть потому, что долгими вечерами грел душу мечтами — что предстояло сделать весной? Все продумывал до мелочей. Не раз и не два в воображении проделывал множество дел. И радовался, будто все сделал въяве: хибарку сколотил — об одно окошко с голубым наличником, комнатку обустроил со вкусом, с плитой-голландкой, столом, кроватью. И огород вскопал, засадил картошкой, табаком, капустой, свеклой, морковкой, луком. И пожарище в божий вид привел...

А уж мечты потекли дальше: хорошо бы заручиться поддержкой властей да помаленьку начать восстанавливать дом. Кто знает, сколько годков ему отпущено — в доме-то доживать куда легче. А то и бабенку, случись, судьба подарит хозяйкой...

Так и дожил до желанной весны...

На деле все оказалось не так просто, как мечталось в сырой подвальной духоте. Не из чего было возводить немудреное жилище — ни доски, ни гвоздя.

Поначалу было и руки опустились, да приказал себе строго: «Нет, брат, шалишь! Это твоя новая экспедиция...»

Подходили сердобольные соседки, вздыхали, сочувствовали: приносили кое-что из еды. Сосед заглядывал покурить, советовал — иногда дельное, иногда ради поддержки, совсем пустое, но и такое участие грело душу.

Перебрал все, что осталось на пожарище: в одну горку сложил обгорелые, но еще крепкие доски, стропила, в другую — покореженные листы железа, собрал и выпрямил на железной болванке несколько десятков ржавых гвоздей. И зачастил на бывшие колхозные фермы, к тому времени заброшенные: с перестройкой колхоз разорился, скот порезали, оборотистые мужики, ставшие в одночасье фермерами, растащили все, что можно было утащить. Но кое-что осталось и ему.

Вскоре во дворе мало-помалу появились стройматериалы: клетка более-менее целого кирпича, листы шифера, доски и бруски. Разжился двумя мешками цемента, уговорил соседа привезти машину песка.

Так в хлопотах подошел апрель — надо было заняться огородом. Вскопал три сотки, а затем, разделив их на делянки, посадил несколько грядок свеклы, большой участок картошки. Чуть позже съездил в район на базар — купил рассаду табака, помидоров...

Отделавшись с огородом, приступил к главному — постройке дома. И хотя домом назвать то, что предстояло слепить из подручного материала, можно лишь с большой фантазией, он не думал о том. Дом он и есть дом для одинокого человека: хоть собачья конура, хоть сарай! Главное — дом был в душе. Выложил небольшой фундамент, установил из подходящих стропил стойки, укрепил, обрешетил. Остов получился прочным. Трудность была в одном — чем утеплить дощатые стены? Выход подсказал сосед — пространство между ними можно засыпать шлаком. И даже подсказал, где под зарослями лебеды таится слежалая гора его. Повозиться пришлось немало: разбивал шлак кувалдой, засыпал крошку в мешок и на тачке возил на стройку.

К июню стены были готовы, возведена двухскатная крыша. Невысокая, правда, но все же защита от дождей и снегов. Нашлась старая рама. Окошко получилось всего одно, но оно и лучше — теплей будет. Навесил дверь. И уж совсем хорошо на душе стало, когда выложил в избушке плиту и вывел на крышу обломок асбестовой трубы.

За лето намеревался еще сколотить перед входом небольшой тамбурок — для тепла, дровяной сарай да заняться внутренней отделкой. Но эти заботы уже не тяготили, напротив, радовали каждой новой выдумкой, ловким каким-нибудь решением.

«Голь на выдумки хитра!» — весело подбадривал себя, когда, казалось бы, из ничего удавалось сделать то, что задумал.

А главное — пробудилось и ожило давно забытое чувство хозяина, желание делать дело. Вспомнилось детство — как играли, бывало, по осени, строили в укромном местечке шалаш из прутьев и веток полыни, в котором особенно уютно было прятаться от дождя, сидеть, прижавшись друг к другу и слушать стрекот струй, вздрагивая от ударов грома и блеска молний...

Когда основная работа была закончена, немного пофантазировал: изготовил резной наличник на оконце, украсил деревянным петушком козырек крыши, огородил небольшой палисадничек, рассчитывая осенью разбить несколько клубнями георгинов — чтоб уж дом был, как дом.

За все хлопотное лето забыл даже о спиртном — некогда было, да и не тянуло на это лекарство, каким привык зали-

вать в бродячей жизни невзгоды и обиды. Лишь однажды позволил себе расслабиться, когда появился над крышей первый дымок из трубы — опробовал плиту. Получилась она на славу, а, главное, тяга была в меру — экономная, значит, будет печь, топлива много не потребует...

Небо в августе словно приподнимается над землей, воспяряет. Воздух становится прозрачным и дали распахиваются: видно далеко-далеко, до самых далеких горизонтов. Особенно хороши становились тогда высокие окрестности села, что открывались взору с улицы. Изгиб речушки с лозинами по берегам повторял изгиб высокого холма, одна половина которого занята березовой рощей, а другая — пшеничным полем, плавно уходящим в лиловеющее на горизонте марево. Когда созревали хлеба, не было милей вот этой картины желтеющего поля, отороченного бело-зеленой стеной берез. И особенно тревожно и сладко щемило душу, когда над полем медленно вздымалась, наливаясь пороховой синевой, грозовая туча.

Как завороченный наблюдал он грозную картину, разворачивающуюся перед ним — эту переменчивую игру света и теней, мистерию соединения неба и земли. Тогда-то, в предгрозовом ожидании, в томлении природы, растворенном в густеющем воздухе, домишко казался ему спасительной крепостью, которой не страшны никакие бури, никакие стихии...

Солнечным, умиротворенно-ласковым августовским днем я и забрел однажды к Федору в гости. До отъезда в город оставалась пара часов, и не воспользоваться его приглашением было неудобно. А в подарок прихватил большую пачку хорошего цейлонского чая и банку растворимого кофе. Заодно прихватил старый заварной чайничек и чуть надтреснутую с краю пиалу — авось пригодится в хозяйстве!

Федор лежал под яблоней на раскинутой фуфайке и читал газеты. Аккуратная стопка их белела рядом. На печке-временке, сложенной посреди двора, исходил парком закопченный чугунок — пахло запахом кулеша. Тут же стояло ведро с водой, на куске фанеры — алюминиевая миска с ложкой и буханка хлеба.

— Ба-а, наконец-то! — Федор вскочил и радостно поспешил навстречу. — Я уж думал, что так и не наведаешься к отшельнику..

Он был рад гостю, видно наскучавшись без собеседника.

— Сейчас обедать будем, я только что похлебку соорудил, упаривается. Да вот прилег прессу почитать в охотку. Я ее, правда, задним числом читаю, беру у соседа, но это ничего: мир меняется хоть и быстро, да ведь в одном направлении...

Потом улыбнулся открытой улыбкой:

— Пойдем в горницу, поглядишь! — увлек он меня за собой.

Пройдя крохотный коридорчик с деревянной решеткой у порога, вошли. У окна стол, застеленный газетой, напротив выбеленная мелом плита-голландка, над ней полочка для посуды. Ближе к двери — крюк для одежды, где тяжелыми складками свисала военная плащ-палатка и стояли резиновые сапоги. В другом углу, вдоль стены — топчан с тощим матрасиком, застланный ватным стеганым одеялом. В изголовье — иконка Боголюбской Божией Матери с пучком сухого бессмертника перед ней...

— Жить можно, не правдали? — Он довольно улыбнулся и притопнул босой ногой о пол. — Пол-то, погляди, совсем как паркет!..

Глинобитный пол был хорошо утрамбован и чисто выметен. Перед топчаном лежал небольшой кусок войлока.

— Не замерзнешь зимой? — сочувственно спросил я.

— Что ты! — Федор махнул рукой. — Как в бане будет! Правда, — он нахмурился, — уголька вот не на что приобрести, придется дровишками топить. Но помаленьку готовлю... Мне б теперь еще свет подвести, да магарыч большой требуется — монтерам, пожарникам. Но ничего, свечи есть, семилинейку соседи обещали, керосина раздобуду...

Моему подарку обрадовался совсем по-детски, пряча смущенную улыбку:

— Я, почитай, лет пять хорошего чайку не пил. А уж кофия-то и вкус позабыл. И за посудину спасибо, я и впрямь ею не очень богат. Ну, а теперь изволь кулеша моего отведать, геологического. Мы таким в экспедициях, бывало, от голодной смерти спасались.

Он принес из хибарки еще одну миску, ложку. Есть мне не хотелось, но и обижать отказом хозяина неудобно было. Федор порезал на дощечке веточку августовского нежно-зеленого укропа, высыпал зелень в чугунок. Туда же плеснул из бутылки подсолнечного масла.

Кулеш пах дымком, укропом и сразу воскресил далекое деревенское детство: вспомнилась бабушка, ее летние гостинцы — то яблоко, то огурец, ее обеды с пшеничным супом...

После обеда мы расположились под яблоней. Федор скрутил самокрутку своего самосада и закурил.

— Я тут без телевизора да радио живу, но вижу далеко. Можно сказать, всю Россию. Не хвастаю, — он пристально взглянул на меня. — Ведь чтобы понять, что с нами произошло и происходит, достаточно в самих себе покопаться...

— Да вот и газеты у тебя, — кивнул я на стопку.

— И они тоже пишу для раздумий подбрасывают. Но это все — как бисер на нитку, главная истина не в газетах...

Я молча слушал, давая ему выговориться, поделиться заветными мыслями.

— Мы теперь в России, как я вот — на пепелище родного дома. Батя на фронте косточки за наше будущее положил, матушка жилы надорвала, нас троих подымая да это будущее приближая, тоже во сырой земле... А что мы, детки? Красивой да вольной жизни захотели. Особливо я покуролесил.

Он помолчал, словно перебирая в памяти годы, и продолжал:

— Пожар-то прошлогодний, я так думаю, совсем не случайный: это как воздаяние нам, блудным детям. И то, что именно мне оно досталось, тоже, считаю, закономерным...

Я так думаю, страна потому и развалилась, что сытыми да учеными все стали, гордыня одолела. Ты погляди, фронтовики еще не все померли, а уж заявления от подонков слышны: зачем, дескать, немца побеждали! Под немцем мы бы пиво с сосисками лопали.

Он глубоко вздохнул:

— Все с блудливого Никитушки началось, когда Сталина оклеветал. Тогда все и заварилось. Когда становой хребет советский цивилизации ломать начали. А ведь Сталин в России был не «культ», он, как я понимаю, был посланником с неба...

— Ну уж, так ли? — возразил я, внутренне согласный с ним, но с целью заострить мысль Федора. — Он, ведь, говорят, еще и душегубец был...

— Вот! И ты туда же! — взволнованно возразил он. — Да какой же душегубец, коль страну в считанные годы поднял из руин и пепла, достоинство русскому человеку вернул! Ты вспомни, что Троцкие да Ягоды творили в двадцатые—тридцатые над русским мужиком? Ты вспомни, как вероломно топили русское офицерство в волнах Черного моря! И кто — Бела Куны да Землячки!.. Не-ет, брат! Сталин государственную машину запустил на всю мощь — чтоб страну и народ русский спасти. И спас! Но и карал, конечно, кто мешал. Ты думаешь, ежели бы сегодня, пусть и демократические, законы исполнялись по духу и букве — меньше за решеткой сидело? Только теперь «свобода да права человека» — эти самые законы не исполнять...

А потом, скажу я тебе, Сталин кое-чему нас, дураков, научил. Прежде всего — на силу отвечать силой, а не дурью. Атомное оружие — его щит России, он и посейчас нас спаса-

ет! Не либеральное пустословие, не Козыревы да Лифшицы, а сталинский меч, вложенный им в руку русского народа!

Когда начали клеветать на Сталина, тогда все и пошло прахом. Да сам видишь — супротив нас идет ползучая война. Скоро из-под ног землю выбьют, а мы? Да все то же: Иван-дурак на печи бока мнет, да зенки заливает...

Вздохнул, нервно и глубоко затянулся самокруткой:

— Чем мы во все века спасались, а? Отвечу — русской дурью, бардаком. А не только нашим геройством. Наполеон шел — в дури нашей утоп! Гитлер шел — ею и обманулся, потому что у нас Сталин уже был. Кто войной шел на Русь, дурью и захлебывался, потому что ни учесть, ни расчесть ее невозможно. Но! — Он поднял палец вверх, словно обращая его к небу. — Сколько веревочке ни виться, конец будет обязательно! Все расчистили наши враги, в том числе и дурь кондовую, российскую. Теперь она не только понятна им, наша загадочная русская душа, но и управляема. Заметь — управляема! Поэтому-то Союз разрушен, чтобы ни говорили, нами самими — никем иным. Будь мы поумней, такой беды не накликали. Оттого и пепелище вокруг, да мародеры из конца в конец в кулак свищут!

Это ведь надо — как дети заморским сказкам поверили! «Тоталитарную систему разрушим, а потом заживем!» Зажили, как я вот: из каменного пятистенка да в дощатую хибару...

Он умолк, докурил сигарку и аккуратно вдавил окурки в землю.

— Эх, да что там! Теперь народ русский как слепец, без поводыря. Пытаются его на свою сторону сманить разного рода политические чирьи, да что толку. Вышла, видать, вся богатырская силушка...

— Ну, зачем так мрачно, Федор?! — возразил я. — Если твой пример взять, опять же ведь не пропал и на пепелище!

— Я не характерный пример! Я бродяга по жизни, мне много не требуется! А русскому народу смену готовить надежную надо, воинов да работников растить — тогда еще, может быть, и одолеем силу сатанинскую. Где ты видишь, что готовится она? На пиве, сигаретах, на порнухе и вседозволенности только поганый чертополох вырастет.

...Что я мог возразить ему, этому философу на пепелище? Что-нибудь ученое вывернуть, о Боге напомнить и Его спасительной деснице, распростертой над Россией? Об омофоре Божией Матери, защищающей ее?

Но кто спасет нас от самих же себя? Кто вместо яда самопредательства вошьет в наши жилы бурлящую, кипучую кровь воинов? Ту, что была у наших предков — ратоборцев, хлебопашцев, градостроителей, мореходов, Христовых ратников?

— Веришь ли, иной раз плакать хочется, — он поднялся и устремил печальный взгляд на далекие поля, уже зазолотившиеся в закатных лучах. — Плакать от бессилия... Одиноки мы, Господи! На своей земле, а в рассеянии. Оттого так скудна нынче русская нива на героев...

Он снова глубоко вздохнул:

— Вот чего особенно жаль, до слез! — Он повел рукой окрест: на поля, уходящие к синеющей кромке леса, на холмы за рекой, на высокое, сквозящее нежной зеленцой небо на востоке. — Не будет всего этого, когда уйдет в небеса Святая Русь. А под чужим небом — уже не русской жизни цвести...

Уходил я от него в тревожных и взволнованных чувствах. Что, в самом деле, за странный мы народ? Дом сгорел у человека, жизнь, как вода сквозь пальцы, неведомо когда проскочила, один, как в поле обсевок, а он о судьбах России печалится, болью невысказанной томится?

Да ведь как не согласиться с ним? Прав, прав он в самооценке русского человека: непутевый мы народ!

— Ну, еще увидимся, Федор, — обнял я его на прощанье.

— Как Бог даст! Покуда силы есть, буду тут. А там видно будет.

Он улыбнулся и крепко пожал руку своей заскорузлой ладонью...

До наступления темноты успел переделать немало дел: вымыл посуду, дратвой подшил совсем уже никуда не годные туфли со сбитыми каблуками, почистил их.

Сидел долго, за полночь. А потом побрел в каморку: только прилег на кровать, коснулся щекой прохладной подушки и как провалился в сладкое забытье.

Нерушимая тишина опустилась на улицу, все замерло окрест, даже неутомимые деревенские собаки и те притихли. Темные деревья стояли, как зачарованные — листочек не поколеблется...

А за селом серебрились высокие поля за рекой да зубчато чернела роща на холме. Там, за кромкой ее едва уловимо и зыбко играли тихие сполохи — заря ли занималась, иль где-то далеко-далеко озарили небеса падучие августовские звезды...

ГРЯЗЬ

Он почти физически ощущал эту боль: боль за Россию, которая представлялась все эти годы реформ обманутой, оболганной, изнасилованной. Казалось бы, такие чувства мож-

но испытывать по отношению к живому человеку, а не к огромной стране. Но... Именно так воспринимал Иван все то, что происходило вокруг на земле родины.

Откуда, когда, почему появилось, обрело силу и наглость это чудовищное племя, заселившее страну? Племя воров, насильников, предателей, убийц...

Сколько раз задавал он себе этот мучительный вопрос и не находил ответа. В былые годы ему порой не без гордости представлялось, что мы, русские, особые люди — сильные, красивые, мужественные, не способные на предательство.

Но то, как оказалось, были лишь прекраснодушные иллюзии...

— Да что ж это за народ! — не раз в сердцах ударял он кулаком о кулак. — Предки наши со стыда бы сгорели, видя, что вытворяем мы с Россией и самими собой... Поганый народ!

Ему и в голову не приходило — в его-то возрасте — что можно жить, не думая обо всем том, что не пощупаешь руками, не измеришь ни рублем, ни аршином — о родине, о народе, о национальной гордости. Всякого навидался, а вот поди ж ты...

— Это уж точно, по-русски ты и непутевый! — с ласковой укоризной гладила его по голове жена, успокаивая. Она понимала его боль. А верней — чувствовала своим женским чутьем, как это могут только русские, крестьянские бабы: не принимает душа мужика неправду мира, и все тут! Это ведь с молоком матери передается и не изживается ничем.

А потому не упрекала, не корила его, не ставила в пример других, более ловких и удачливых. Правда, порой и ее досада брала — поглядишь, одна извилина в мозгу у иного «нового русского», а как сыр в масле катается. И коттедж у него (непременно по-иностранному — коттедж!), и машин несколько, и денег мешок, и детки холеные...

Хотя грех Бога гневить: Иван крепко стоял на ногах. Но того, что добывался он тяжелым трудом, «новые» добывали ловкостью, умением пошарить там, где совесть не нужна. В основном, конечно, «наваривали» капитал на торговле, на перепродажах. На чем еще в нынешней России разбогатеть можно?

«Приватизаторов» — тех немного. И ни один из них не подавился дармовым куском. А те куски у нескольких поколений отняты: и тех, кто трудом создавал богатства, и тех, кому в жизнь «обновленную» входить, только уже нищими.

Но не то страшно, что в фантастически малые сроки огромный народ в лавочников и побирушек превратили: гадко,

скверно, да жить-то надо. Страшно, что хозяевами жизни именно лавочкики себя возомнили!

...В первые годы реформ, вначале понемногу, а затем толпами — и откуда только брались? — стала появляться молодежь особой породы. Откормленные, налитые «бешеным» молодым жиром, с плоскими, коротко стриженными затылками идиотов, с глазами, напрочь лишенными и блестинки мысли. Словно произошла невиданная доселе мутация человеческой породы — в скотов.

«Облученные вседозволенностью!» — назвал тогда их Иван.

А как развязно вели они себя!

Большой любитель позагорать, поплавать в реке, он перестал ходить на пляж. С позднего утра и до ночи берега реки тесно заполнялись рядами новеньких машин. Это наезжали бездельники — отдыхать. И из каждой тяжкими децибелами била по нервам чужая, дикая уху, «музыка» — для балдежа. «Оттягивались», нет, «оттопыривались», просто — пили, курили, играли в карты, сквернословили...

Он пытался было найти место потише, уходил подальше. Выходило еще хуже: в отдалении от пляжа, почти не таясь, юнцы занимались «любовью» со своими подружками. Под ту же дикую какофонию музыки, вырыгиваемую из нутра автомобилей...

Иван не то чтобы ненавидел и презирал новорусское жулье. Было мучительно трудно разобраться в самом себе, в обществе: как же мы позволили этой грязи взять верх? Ведь они, дай срок, всю Россию в зону превратят, навяжут свои «права»...

Мучился, знал это точно, не он один. Стыдом, бессильной злобой и... собственной необъяснимой покорностью.

Как странно, в горах Афгана, в окружении моджахедов и тени трусости или безысходности не возникало. А ведь были ситуации, когда небо с овчинку казалось!

Но там были враги, было ясно — либо ты их, либо они тебя!

А тут кто-то словно вбил в голову, в чувства, в мозжечок одно: не рыпайся, дуб хером не перешибешь! Правда, мстительная мысль появлялась иногда: нет, не им, возомнившим себя барами, быть хозяевами: за этой русской накипью все более крепки, объединялись куда более зловещие силы — инородцев. Они, они диктовали свою волю, а эти — лишь мусор, который, придет срок, сдуют, как пену с пивной кружки!

Но мстительность и злоба уходили, появлялась горькая досада: да что же мы, русские — бараны? За себя постоять не

можем! А вот сцепиться друг с другом — это пожалуйста. Тут мы горазды — сосед соседу в ухо вlepить!

Эх, русачки, русачки! Знать, выродилась в нас русская порода, выветрился русский дух!..

Примерно такие мысли грызли его и в тот сумеречный декабрьский вечер, когда шел к внуку: с игрушечным пистолетом за пазухой и большим пакетом бананового сока, особенно полюбившегося шестилетнему Даниле.

Рос тот русоволосым, живым и крепким мальчиком. А главное — у него были голубые глаза. В роду Ивана все были карглазые, а тут чистый славянин растет — думал он радостно.

— Дед, подари мне пистолет! — попросил внук на днях. — Мне в войну играть надо.

— А с кем же воевать будешь? — поинтересовался Иван.

— Да, знаешь, бандитов во дворе развелось! — внук огорченно махнул ладошкой. — А у меня старый пистолет косо́й стал, мимо стреляет.

Иван улыбнулся:

— Ну ладно, будет тебе пистолет! Надежный и не косо́й...

...Он долго копался, выбирая подходящее в китайском, тайваньском и прочем рыночном ширпотребе — хрупком и страшно дорогом арсенале убийства.

«Тоже мне товар! — думал огорченно. — И на этом деньги делают, с измальства растлевают детей! Кто знает, не убийц ли себе готовят?..»

Но пистолет нашел — немецкий. Хороший, крепкий, и по виду как настоящий, не отличишь. Чем-то напоминал он привычный, макаровский, только поменьше — как раз для детской ладошки. Правда пружина была туговата, передергивать затвор приходилось с усилием. Но ничего, решил, авось и так внук «постреляет»...

Стояла оттепель совсем не декабрьская. Снег давно сошел и вот уже несколько дней сеял и сеял мелкий, холодный дождь. Земля, чуть схваченная морозами, отволгла сверху, раскисла под дождем. И повсюду сверкали мутные лужи, наводя уныние на без того нерадостные городские пейзажи.

При подходе к дому надо было пройти метров тридцать небольшим пустырем, по обочине которого строители микрорайона проложили узкую проезжую дорогу.

Она была временной, неудобной, а потому автомобили вынуждены захватывать и часть пустыря — иначе не разъехаться.

Неровный, кое-как уложенный асфальт был мокрым, а обочь его не просыхали лужи, вернее жидкая грязь. Хуже всего

было пешеходам: пробираться к дому приходилось бочком, от встречной машины деться было некуда — или в грязь, или вытгиваться по стойке «смирно» на асфальтовой кромке.

Вот и на этот раз не повезло: водитель заляпанной грязью белой «Ауди» и не думал притормаживать — грязное крыло воды плеснуло из-под колес на Ивана.

— Ты что ж это делаешь, идиот! — только и успел он крикнуть в окно с приспущенным стеклом, из-за которого доносились громкая музыка. Промчавшись метров пять, автомобиль неожиданно приостановился, резво пошел назад, ноя мотором, и стал как раз напротив Ивана.

Дверь распахнулась, и парень лет двадцати высунулся на полкорпуса к нему. Музыка внутри чуть поутихла. Сощурившись и брезгливо выпятив нижнюю губу, произнес зловеще:

— Ты что-то сказал, лох?

Нет, Иван не испугался, не вскипел яростью в ответ. Лишь холодком пахнуло в груди. «Ну, подонок, погоди!» — подумал совершенно спокойно. А потом, резко отбросив пакет сока, мощным рывком выдернул парня из автомобиля.

Действовал привычно, по-спецназовски. Упругой силой налились мышцы. И так желанно, будто после долгого напряженного ожидания, в нем самом распрямилась какая-то пружина.

Вздернул руку парня чуть вверх, а другую, крепко сжимавшую покрасневшую шею, резко опустил вниз. Тот рухнул лицом в грязь, в колею полную густой и темной воды.

— Теперь слышишь, подонок! — произнес негромко Иван и, как утюгом, поводит головой парня в луже, туда-сюда.

Опасность почувствовал спиной. Из нутра «Ауди» вывалилось еще двое бугаев — но с противоположной стороны. Это спасло, дало ему выигрыш во времени.

— Так, сука, сейчас мочить тебя будем! — в руках одного из них, черного, плосколицего, медленно приближавшегося со стороны капота, хищной стружкой выплеснулось лезвие ножа.

«Спокойно, спокойно!» — подумал Иван и резко ткнул ногой в голову лежащего, попытавшегося было подняться:

— Лежать!

А потом неожиданно для самого себя выхватил из-за пазухи игрушечный пистолет и передернул затвор. Все произошло совсем бессознательно. Должно быть включился, отработанный еще в учебке и Афгане, рефлекс: «К бою! Рядом враг!»

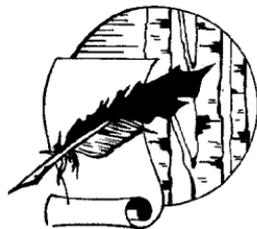
Наступавшие словно в стену лбами ткнулись и так застыли — в неудобных позах.

— Нож сюда! Быстро! — приказал бугаю. Тот вздрогнул и поспешно бросил нож к ногам Ивана. Он отбросил его в сторону. — Стоять три минуты! Кто пошевелится, схлопочет «маслинку»! Ясно?..

Спокойно повернулся, подобрал грязный нож, спрятал лезвие в рукоятку. Троица продолжала пребывать в неподвижности — скульптурной группой, скованной страхом.

Только из салона «Ауди» лилось и лилось разухабистое: «О, рашен бой! О, рашен бой...»

В этот вечер Иван вновь почувствовал себя сильным мужиком, живущим на своей земле, в России. В его России. И пусть завтра ему снова все покажется осточертевшим, мерзким, погрязшим в дерьме и лжи, это светлое чувство уже не выветришь из сердца. Теперь он знал это твердо!..

СТИХИ ПОЭТОВ РОССИИ

Валентин УСТИНОВ

БОЛЬШАК

Всю ночь мы уходили большаком.
Горел июль.
Навстречу шла пехота.
Дымились паром Мстинские болота.
Дымил большак растоптанным песком...

Всю ночь мы уходили в тишину —
мальчишки и девчонки из детдома.
И слушали огромную войну.
И путали ее с протяжным громом.

Мы только начинали жить тогда.
И первые мои воспоминанья:
в помятый чайник бьющая вода
на маленьком разъезде без названья.

Там, над холмом, на семь ветров страны
расправив сучьев крепкие суставы,
вздыхался дуб,
от грозной вышины
укрыв собой обозы и составы.

Внезапный свист.

И вмиг (как смерть нага!)
земля распалась в рыжем смерче взрыва.
И рядом в небе, вздыбленная криво,
качалась вехой конская нога.

Как выростали в мраке тайны,
Как стадо мамонтов сопя,
Самоуверенные танки,
Тремя глазницами слепя.

Как в бликах мертвенного света,
Не зная ни добра, ни зла,
Изящно двигались ракеты,
По-рыбы вытянув тела.

Как проходили ряд за рядом
Машины, полные солдат, —
Как ты, и я, и все, кто рядом,
Мы в этот миг дышали в лад.

Как мы смотрели в сумрак стылый,
До боли стиснув кулаки,
Когда со сдержанною силой
Пред нами двигались полки.

.....

Так я писал тому уж боле
Лет двадцати. Но понял вдруг,
Что прославляю поневоле
Коммунистический недуг.

Весь бред интернационала,
Души растлившейся грехи! —
И омерзительно мне стало:
Я эти выбросил стихи.

Но вот сегодня на рассвете
Открыл глаза и в тот же миг
Нежданно вспомнил строки эти
И вновь записываю их.

Нет, не в порыве жалкой лести
Они мной были сложены.
Я пел о доблести и чести
Моей любви, моей страны.

Я пел о прежней громкой славе —
И были помыслы чисты! —
Стараясь сквозь гримасы яви
Прозреть бессмертные черты.

И ныне, ставя к старым строфам
Строфу за новою строфой,
К Америкам или Европам
Я обращаю голос свой.

Да, вы сейчас нам не грозите, —
Но с похвалою на устах
Вы к нам по-прежнему таите
Все те же ненависть и страх.

Я знаю цену вашим дружбам
И миротворческим словам.
О, как — бессильным и недужным! —
Вы аплодируете нам.

О, как сияют ваши лица,
Как размягчаются черты,
Когда сползаем мы к границам
Времен Ивана Калиты.

Когда Россию рвут на части,
Как штуку красного сукна,
Народы, кои в час несчастья
Спасла от гибели она.

За веком век, за сыном сына
Она за них бросала в бой!

.....

Еще застонет Украина
Под католической пятой.

Среди удушливого дыма,
Под грохот польских батарей —
Лазурь захваченного Крыма
Еще предстанет перед ней.

Еще балтийские народы
Свой перед Русью вспомнят долг,
Когда раздавит их свободы
Тевтонца кованый сапог.

Еще с вождей грузинских чары
Слетят, как ржавые листья,
Когда обрушат янычары
С церковей поруганных кресты.

Да, долгих семь десятилетий
Мы все несли проклятья груз.
Так что ж на брезжащем рассвете
Вы рвете нити кровных уз?

Как будто бы безгрешны сами,
На нас одних взвалили грех!

.....

Иль тем виновны мы пред вами,
Что пострадали больше всех?

Иль, может быть, в азарте мнится
Вам всем, что из небытия
Уже вовек не возродится,
Не встанет Родина моя?

Напрасны эти обольщенья!
Распад, сумятицу, разброд,
И нищету, и униженья —
Все русский вынесет народ.

Я говорю кавказским звездам,
Я говорю якутским льдам,
Что снова — рано или поздно! —
Но мы еще вернемся к вам.

Не в ярости, не мести ради,
А лишь на ваш призывный глас.
Ибо не в силе Бог, а в правде,
А правда Божия у нас!

И что мечтания Китая,
Европ, Америк ли возня, —
Когда воскреснет Русь Святая,
Как птица Феникс из огня.

Все будет так, а не иначе.
Мы вновь пойдем, коль грянет срок,
На Запад умственный — и алчный,
Жестокий, женственный Восток.

Снесем все беды, как сносили,
Единым пламенем горя,
За нашу веру, за Россию
И православного царя!..

г. Москва

Валерий ИВАНОВ

«СТУДЕБЕКЕР»

Я машину любил, ту, что гнал мой отец
Сквозь чужой обжигающий ветер.
Мир оттаял, и я ощутил, наконец,
Что такое в пурге «студебекер».
Что такое погоны, страна и война,
Страх и русский мальчишка в Берлине...
Мир оттаял, смешав на земле времена
Так, что в них я не верю отныне.
Нет давно той машины и времени нет,
По которому мы прокатили.
Но решетчатых фар неопознанный свет
Разглядел я в космической пыли.
Кто же наше свидание предвосхитил?
Кто о будущем боль напророчил?
О, какая машина спешит меж светил
По безмолвной, как прошлое, ночи.
И, мне кажется, лучшее в жизни сейчас —
Не бояться беды и разлада.
Может, эта машина и вынесет нас
Из столетнего нашего ада.

г. Москва

Иван ТЕРТЫЧНЫЙ

РАНЕНый

Среди душного поля
В колючей пшенице
Сила крови моей
Оставляет меня...
Вижу — черная птица,
Молчащая птица
Так упорно,
Упорно
Над полем кружится,
Словно был
Древнерусская,
Горькая
Снится.

Слышу топот коней,
Слышу ржанье коня...
Но открыл я
Глаза —
Только черное солнце...
И дохнули в лицо
Неземные края!
Неземные края,
Неземные высоты...
И один на один
С ними
Совість моя...

МИННОЕ ПОЛЕ

Глаза устанут на него смотреть
Прозрачной ночью перед новым боем.
Раскинувшись, там затаилась смерть,
И черный гром, и пламя адских болей.
Но ты сапер; и первому ползти
Тебе — туда, на гибельное поле,
Чтобы открыть товарищам пути,
Открыть пути народной, гневной воле,
И на знобящем доказать краю
Все уваженье к близким и отчизне.
И может быть, дополнит жизнь твою
То поле смерти, а отныне — жизни.

г. Москва

Александр ЖУКОВ

НА ГОРБАТОМ МОСТУ

Ветеран продает ордена,
Чтоб не кланяться ради Христа.
Что ж молчишь ты, родная страна?
Или совесть твоя нечиста.

Этот орден его — за Москву,
А другой — за рейхстаг, за Берлин.
Он стоит на Горбатом мосту
Без друзей боевых, сам-один.

Этот друг его пал под Москвой,
И упал у рейхстага другой.
И стоит ветеран сам не свой,
Вечный пленник Второй Мировой.

Он сберег тебя, Родина-мать.
А друзей не сумел уберечь.
Сколько минуло лет и опять
Он услышал немецкую речь.

Он стоит на Горбатом мосту,
Перед Богом и Родиной чист.
Этот орден его, за Москву,
Покупает седой интурист.

Гладколищый, сухой господин,
Как и он, ветеран по годам.
— Если хочешь, бери «За Берлин».
А Москву я тебе не отдам.

г. Москва

Георгий СТЕПАНЕНКО

СВЯТАЯ РУСЬ

Святая Русь! Великая Россия!
Два возгласа, два выклика в ночи.
Святая Русь... Но с вервием на вые.
Великая... Но мертвая почти.

За что тебя так бешено терзали?
За что тебя гноили в лагерях?
Не за твои ли пажити и дали,
Не за твои ль сокровища в ларях?

Все подожгли, все выжгли, все спалили.
Повсюду смерч столпом взвывает прах.
Горячей кровью углеще залили,
И пировать уселись на костях.

Но белые снега тебя укрыли,
Но чистой влагой вымыли дожди,
Живой водой поэты напоили —
И в прах земной осыпались вожди.

Еще глухой пожар под спудом тлеет,
Еще кричат: «Вяжи ее! Вяжи!» —
Но тихий ветер, сладкий ветер веет,
И пахарь начинает от межи.

г. Ржев, Московская обл.

Владимир ХОМЯКОВ

РУССКИЙ СНЕГ

...И, удивляясь, остановилась тьма.
И свет в высоком воздухе кружится.
И праздником для сердца и ума
на русские поля зима ложится.

Зима ложится на Бородино.
Мерцает снег на поле Куликовом.
И все поля сливаются в одно,
небесным осененные покровом.

АЛФАВИТ

Шесть вёсен мне.
Победы полдень светлый.
Земля в защитной зелени травы.
И молодой полынью пахнут ветры.
И одинок, и горек взгляд вдовы.

И я, впервые встретившись с печалью
У мраморных мемориальных плит,
По именам героев изучаю
Спасённый ими русский алфавит.

г. Сасово, Рязанская обл.

Игорь ЛУКЪЯНОВ

* * *

Послевоенный бедный дворик.
Под безмятежной синевой.
Резвятся мухи на заборе,

И пахнет глиной и травой.
Плетень. Высокая береза.
В картошке белый огород.
И светлый выкрик паровоза —
Сюда во двор
Для тех, кто ждет..
Под вечер, сдвинув табуретки,
Судачат вдовушки-соседки.
И над сиротскостью двора —
Сиянье веры и добра.

г. Борисоглебск, Воронежская обл.

Валерий САВОСТЬЯНОВ

ГОГОЛЮ

Мы потеряли не в бою
Страну великую свою —
Державы вековые скрепы
Рубили росчерком пера
Предавшие дела Петра
Три новоявленных Мазепы.

Не помогли тома твои,
Замешанные на любви,
На братской нежности славянства,
Найти надежные пути
И нашу Родину спасти
От подлости, от окаянства.

Боюсь, великий Ревизор,
Увидеть беспощадный взор
И услышать укор суровый,
Когда ты спросишь нас:
«Не вы ль
Виновны, что лютует Вий,
Как Змей-Горыныч, трехголовый?»

А что ответить?
Как не мы:
Давно ль Днепра, Москвы, Невы
И Свислочи струи кипели —
Но и фашистский бомбовоз

Не смог поставить под вопрос
Величье киевской купели.

Одной водою крещены,
Победной славой взращены —
Одной судьбой неустрашимой,
Росс, малоросс и белорус,
Обречены мы на Союз,
Навек святой и нерушимый!

Не зря ведь, Гоголь, твой Тарас
Опять, заблудших, учит нас
Тому, как лечится измена!
И мы отстрочим топором
Всё, что разрублено пером
Ополоумевшего Змея!..

г. Тула

Валерий ФОКИН

СТАЯ

Философия простая:
кто не с нами — против нас!..
Эта стая, эта стая
одному взлететь не даст.

Как я долго был частицей,
что лишь часть из тысяч лиц —
серой птицей, серой птицей
в черной стае серых птиц.

Все мы преданны и стойки,
бой готовы дать чужим:
наши свалки и помойки
никому не отдадим.

Эта стая — просто стадо,
в этом сила, в этом власть, —
ничего уметь не надо,
надо только — не упасть.

Коли крылья не в почете,
хором пой, что тут поют,

а не то тебя затопчут
или просто заключают.

Что им Ваньша, что им Мойша:
там под ребра, тут под дых.
Я такой же, сам такой же
и для тех, и для других.

Но зато я твердо знаю,
кто нам друг и кто нам враг.
Налетающую стаю
не покинешь просто так.

Не последний я, не первый...
Но летят, летят, кружась,
окровавленные перья,
не затоптанные в грязь.

Неужели в самом деле
наконец-то повезло:
разгибаю на пределе
перебитое крыло...

г. Киров

Олег ХОМЯКОВ

ВОЖДИ

Нагнетается пестрое крошево
Информации снова и снова:
Они делали много хорошего,
Они делали много плохого.

При участии кадра и слова
Маски сорваны, мифы отброшены:
На их совести много плохого,
Но при них было много хорошего.

Потому совершится и сбудется,
Что в мольбах и проклятиях слышится:
Всё хорошее им не забудется,
Всё плохое за ними запишется.

Власть — земного порядка основа.
Не уйти тут от смысла расхожего:
Она делает много плохого,
Она делает много хорошего.

г. Шарья

Владимир БЕЛОВ

РУССКИЕ БЕРЕЗЫ

В стволах предрассветных
Высоких берез
Какая-то странная
Тайна хранится:
Как будто ногами
Ступили со звезд
На землю большие
И добрые птицы.

Когда-то спустились
Они с небеси,
Чтоб их отразили
Озера и реки.
Да так и остались
Стоять на Руси,
Пустив в нее звездные
Корни навеки.

г. Рязань

Юрий МАНАКОВ

* * *

Густая синь по-августовски пряна,
И зелень вперемешку с золотым.
Я без вина лишь здесь бываю пьяным
И необыкновенно молодым.

Мои лога, отроги и утесы.
Мои ручьи-поэты отчих гор!

Ах, как умеют слушать вас березы,
Взбежавши на обрывистый простор!

Да ведь и я заслушаюсь порою,
И за искристым говором ручья
Такое вдруг в душе своей открою!
Как будто крылья обретаю я!

Я чувствую, что здесь я жданный, званный,
Весь мир во мне, и я в него пролит.
Густая синь по-августовски пряна.
Она мое Отечество хранит!

г. Риддер

Сергей СОКОЛКИН

РУССКИЙ ФЛАГ

Русский флаг, что русское оружие,
как улыбка Ваньки-дурака,
что с лица не сходит,
птицей кружит
вдоль по сердцу — в тучах-облаках.

...Оба войска пали над обрывом,
прокричал стервятник вдалеке,
звезд лучи скрестились над заливом,
ангелы поплыли по реке...

Умирает Ванька, но счастливый,
древко сжав в недрогнувшей руке.

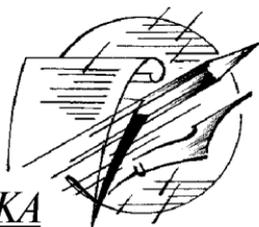
г. Москва

ТАЙНА 22 ИЮНЯ

История Великой Отечественной войны 1941—1945 годов, как принято считать, уже не хранит особых тайн, и работа в архивах вряд ли приведет к сенсационным находкам. Возможно, это и так, принимая во внимание то, что в бытность Н.С. Хрущева первым секретарем ЦК КПСС (1953—1964 гг.) архивные фонды в СССР были основательно «подчищены» и значительное число документов, способных бросить тень на тогдашнего советского лидера, уничтожено.

Тем не менее некоторые скрупулезные исследователи утверждают, что сенсации все же возможны. И речь идет не об остающихся в Великобритании засекреченными до 2017 года документах, касающихся переговоров британских официальных лиц с прилетевшим на остров заместителем Гитлера по нацистской партии Рудольфом Гессом в мае—июне 1941 года: официальный Лондон вряд ли когда-либо расскажет всю правду о миссии Гесса. Не исключено, что по-новому придется посмотреть на действия руководства СССР в последние предвоенные недели. Эта мысль проводится в публикациях отечественных СМИ и исторической литературе.

Дело в том, что Хрущев, взявший курс на «десталинизацию» СССР, был, естественно, заинтересован в подрыве авто-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ритета своего предшественника. И одним из «коньков» Никиты Сергеевича наряду с темой репрессий стало обвинение Сталина в том, что тот вопреки предостережениям советских разведслужб и военачальников до последнего не верил в возможность нападения Германии на СССР. Потому, якобы, он только поздним вечером 21 июня разрешил привести войска в полную боевую готовность, когда командование в западных военных округах уже мало что могло сделать для организации отпора агрессору.

Объективности ради надо признать, что эта же мысль в тех или иных вариациях прослеживается в некоторых мемуарах военачальников. У читателя невольно складывалось мнение, что если что и предпринималось накануне войны для повышения боеготовности войск и флота, то это делалось не по инициативе высшего государственного руководства, «маниакально» стремившегося оттянуть войну до весны-лета 1942 года. В послесталинский период в исторических исследованиях лейтмотивом звучало: в 1941 году военно-политическое руководство СССР лишь в 23 часа 30 минут 21 июня приняло решение, направленное на частичное приведение пяти приграничных военных округов в боевую готовность. Директива № 1 не давала разрешения на ввод в действие плана прикрытия в полном объеме, в ней предписывалось «не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения».

В июне 1956 года первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев вознамерился провести пленум ЦК, на котором намечалось рассмотреть задачи по улучшению идеологической работы в свете решений XX съезда партии, положившего начало кампании разоблачения «культы личности». На пленуме предполагалось выступление министра обороны Г.К. Жукова на тему «Состояние и задачи военно-идеологической работы», который в соответствии с тогдашней практикой заранее представил Хрущеву проект выступления с просьбой дать свои замечания. Пленум не состоялся, видимо, из-за сопротивления части членов Президиума ЦК курсу на «десталинизацию», но проект выступления полководца сохранился в архиве.

И для историков, пытающихся разобраться в загадках 22 июня, несомненно, интересна оценка военачальником причин проигрыша начального периода войны (конечно, при анализе надо делать поправку на то, что министр обороны обязан был размышлять в рамках «генеральной линии», определявшейся Хрущевым и его единомышленниками). *«Вследствие игнорирования со стороны Сталина явной угрозы*

нападения фашистской Германии на Советский Союз наши Вооруженные Силы не были своевременно приведены в боевую готовность, к моменту удара противника не были развернуты и им не ставилась задача быть готовыми отразить готовящийся удар противника, чтобы, как говорил Сталин, «не спровоцировать немцев на войну», — указывалось в проекте выступления.

В тексте далее отмечалось: «Неудачи первого периода войны Сталин объяснял тем, что фашистская Германия напала на Советский Союз внезапно. Это исторически неверно. Никакой внезапности нападения гитлеровских войск не было. О готовящемся нападении было известно, а внезапность была придумана Сталиным, чтобы оправдать свои просчеты в подготовке страны к обороне. <...>

Я не сомневаюсь в том, что, если бы наши войска в западной приграничной зоне были бы приведены в полную боевую готовность, имели бы правильное построение и четкие задачи по отражению удара противника немедленно с началом его нападения, — характер борьбы в первые часы и дни войны был бы иным, и это сказалось бы на всем ее последующем ходе. Соотношение сил на театре военных действий при надлежащей организации действий наших войск позволяло по меньшей мере надежно сдерживать наступление противника».

Соотношение сил на Западном театре военных действий действительно было достаточно благоприятным для ведения Красной Армией оборонительных действий. В проекте документа «Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками» от 15 мая 1941 года приводятся данные о численности РККА. Генштаб полагал целесообразным иметь на Северо-Западном фронте (Прибалтийского особого военного округа) — 17 стрелковых, 4 танковые, 2 моторизованные дивизии; на Западном фронте (Западный ОВО) — 31 стрелковую, 8 танковых, 4 моторизованные и 2 кавалерийских дивизии; на Юго-Западном (Киевский ОВО и Одесский ВО) — 74 стрелковые, 28 танковых, 15 моторизованных, 5 кавалерийских дивизий.

В современной исторической литературе можно встретить и такие данные о реальном соотношении сил (по состоянию на июнь 1941 г., без учета кавалерийских дивизий). Войскам Прибалтийского особого военного округа (31 дивизия) противостояло 29 немецких. Против 42 дивизий Западного особого военного округа немцы двинули 50 дивизий — именно на белорусском направлении вермахт нанес главный удар (вопреки нашим ожиданиям, что нацисты прежде всего уст-

ремятся на Украину). Киевский особый военный округ имел 56 дивизий, а немцы — 33; Одесский военный округ — 22, противник — 12. На стороне Германии были, правда, еще Венгрия (4 бригады) и Румыния (13 дивизий и 9 бригад). Но боевые качества венгров и особенно румын в комментариях не нуждаются. Вместе с тем надо учитывать, что вермахт имел в резерве против РККА еще 24 дивизии, да и штатная численность немецкой пехотной дивизии составляла почти 17 тыс. человек, а стрелковой дивизии РККА — 14,5 тыс. (к тому же значительная часть наших дивизий была укомплектована только наполовину).

В 1970-е годы маршал А.М. Василевский передал в Военно-научное управление Генерального штаба записку с оценками событий накануне и в начале Великой Отечественной войны. В частности, по вопросу внезапности он (перед войной — первый заместитель начальника Оперативного управления Генштаба) писал: *«Главное в том, что мы не смогли определить точно дату нападения врага, привести в полную боевую готовность войска приграничных военных округов. Получилось так, что хотя мы и знали, что гитлеровцы готовятся напасть на нашу Родину, но поскольку просчитались с определением его сроков, война для нас стала неожиданной...»*

Что касается даты начала войны, то маршал, бесспорно, прав. В редакции «Красной звезды» в июне 2001 года проводился «круглый стол», посвященный 60-летию начала войны, в ходе которого сотрудник пресс-бюро Службы внешней разведки РФ В.Н. Карпов, к сожалению, уже ушедший из жизни, признал: «Благодаря утечке информации распространялись слухи, они доходили до руководства в виде донесений о том, что Германия нападет на Советский Союз 15 апреля, 1, 15, 20 мая, 15 июня... Эти дни наступали, а война не начиналась. Ведь и Рихард Зорге называл несколько сроков, которые не подтвердились». Редактор отдела «Красной звезды» А.Ю. Бондаренко бросил реплику: «Разве так? Еще в 1960-е годы опубликована телеграмма «Рамзая» с предупреждением: война начнется 22 июня... После этого и писали: «Зорге точно назвал дату». Карпов парировал: «К сожалению, это фальшивка, появившаяся в хрущевские времена. Разведка не назвала точной даты, не сказали однозначно, что война начнется 22 июня...»

Факты, как принято говорить, упрямая вещь. Поэтому не вступая в полемику с противниками и сторонниками Хрущева, постараемся максимально объективно изложить хронологию событий мая—июня 1941 года. Каждый читатель пусть сам делает умозаключения, когда и какие решения

принимались высшим государственным руководством СССР и на фоне каких военно-политических событий в мире.

4 мая 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление об освобождении члена Политбюро В.М. Молотова от обязанностей председателя Совета народных комиссаров. На этот пост назначался член Политбюро, секретарь ЦК И.В. Сталин. Конечно, после чисток 1930-х годов Сталин обладал достаточной властью, чтобы самому решать, кому возглавлять правительство, и поэтому решение Политбюро было достаточно формальным, придававшим легитимность волеизъявлению вождя.

Тогда секретариат ЦК состоял из четырех человек: членов Политбюро Сталина, А.А. Андреева (одновременно являвшегося председателем Комиссии партийного контроля при ЦК) и А.А. Жданова (по совместительству первого секретаря Ленинградского обкома и горкома партии), а также кандидата в члены Политбюро Г.М. Маленкова (курировавшего в аппарате ЦК подбор кадров). Сталин вел заседания Политбюро и являлся де-факто лидером страны, но де-юре не был ни руководителем партии, ни главой правительства. Теперь же, в обстановке возрастания военной угрозы для СССР, он официально брал на себя всю полноту ответственности за деятельность государственного руководства СССР.

Сегодня в распоряжении историков имеется немало раскритиченных документов советских разведслужб, из которых следует, что в Кремль в 1940—1941 годах поступали донесения о подготовке Германии к войне против СССР. Чтобы не быть голословными, сошлемся на два документа. Но предварительно заметим, что в центральный аппарат внешней разведки Наркомата госбезопасности (НКГБ) и Разведуправление Генштаба РККА поступали самые противоречивые сведения из многих десятков источников, нередко это была дезинформация, распространяемая спецслужбами Германии и Великобритании (первая пыталась скрыть информацию о подготовке нападения на СССР, а вторая — предотвратить новые мирные договоренности Москвы и Берлина, подобные достигнутым между ними в 1939 году).

Все донесения от разведывательных источников поступали непосредственно Сталину. Во внешней разведке органов госбезопасности до 1943 года не было отдельной информационно-аналитической службы, предназначенной для критического анализа и обобщения поступающей в Москву информации. Вследствие этого **Сталин сам**, несмотря на огромную занятость и интенсивные интеллектуальные и психические нагрузки, анализировал огромный массив противоречивой информации.

Итак, документы советских разведслужб того периода. В-первых, для исследователей доступен календарь сообщений агентов берлинской резидентуры внешней разведки НКГБ «Корсиканца» (Арвида Харнака, сотрудника министерства сельского хозяйства) и «Старшины» (обер-лейтенанта Харро Шульце-Бойзена, офицера Генштаба ВВС) о подготовке Германии к войне за период с 6 сентября 1940-го по 16 июня 1941 года. Данный документ был подготовлен руководством внешней разведки 20 июня для доклада Сталину.

Вот некоторые сообщения советских агентов в 1941 году:

7 января — «В штабе авиации Германии дано распоряжение начать в широком масштабе разведывательные полеты над советской территорией с целью фотосъемки всей пограничной полосы. В сферу разведывательных полетов включается также и Ленинград» («Корсиканец»).

2 апреля — «Штаб германской авиации полностью разработал и подготовил план нападения на Советский Союз... Геринг на последней встрече с Антонеску потребовал 20 дивизий для участия в антисоветской акции. В Румынии немецкие войска сконцентрированы на советской границе» («Корсиканец»).

30 апреля — «Вопрос о выступлении Германии против Советского Союза решен окончательно, и начало его следует ожидать со дня на день. Риббентроп, который до сих пор не являлся сторонником выступления против СССР, зная решимость Гитлера в этом вопросе, занял позицию сторонников нападения на СССР» («Старшина» со слов офицера связи при Геринге).

11 июня — «В руководящих кругах германского министерства авиации и в штабе авиации утверждают, что вопрос о нападении на Советский Союз окончательно решен. Главная штаб-квартира Геринга переносится из Берлина предположительно в Румынию. 18 июня Геринг должен выехать на новую штаб-квартиру» («Старшина»).

В архиве хранится также перечень донесений о подготовке Германии к войне, составленный Разведуправлением Генштаба. Донесения военных разведчиков не менее конкретны, чем донесения «Корсиканца» и «Старшины», однако точной даты нападения, тщательно скрываемой немцами, они также не назвали.

9 марта — «От министра двора в Белграде известно, что германский генеральный штаб отказался от атаки английских островов. Ближайшей задачей поставлено — захват Украины и Баку» («Софокл» — военный атташе при посольстве СССР в Югославии А.Г. Самохин).

24 марта — «По непроверенным сведениям срок выступления против СССР 15 апреля» («Савва» — резидент военной разведки в Праге А.В. Яковлев).

25 марта — «Для обеспечения своей продовольственной базы и поддержания своего авторитета Гитлер выступит против СССР. Факты, подтверждающие это:

1. В Польше сконцентрировано 120 дивизий.

2. Западные аэродромы в Польше занимаются бомбардировочными эскадрильями...» («Альта» — журналистка Ильзе Штебе).

5 апреля — «Советник правительства Тоде из немецкого министерства хозяйства заявил, что в Берлине самые ответственные круги убеждены в предстоящей войне против СССР. Называются сроки 15 мая 1941 г., но в связи с событиями на Балканах срок выступления перенесен на 15 июня 1941 г.» (агент «Х»).

26 апреля — «На прошлой неделе в Праге был полковник немецкой разведки Berchtold, который своим друзьям сообщил:

а) Действия против нас начнутся 15 мая.

б) В середине июня немецкие войска должны быть в Москве» («Савва»).

7 мая — «Верховное командование отдало приказ закончить подготовку театра войны, сосредоточение войск к 2 июня» («Х»).

30 мая — «Берлин информировал своего посла в Японии Отта, что немецкое наступление против СССР начнется во второй половине июня. Наиболее сильный удар будет нанесен левым флангом германской армии» («Рамзай» — Рихард Зорге).

1 июня — «Ожидание начала германо-советской войны около 15 июня базируется исключительно на информации, которую подполковник Шолл привез с собой из Берлина...» («Рамзай»).

Итак, имеются десятки донесений советских разведчиков, предупреждавших руководство СССР о предстоящей агрессии Германии. Среди них и агент «Альта», позднее арестованная и казненная нацистами. Сошлемся еще на одно ее донесение, свидетельствующее о том, что Сталин уже в конце 1940 года был информирован о решении Гитлера напасть на СССР. 29 декабря 1940 года «Метеор» (помощник военного атташе по авиации в Берлине Н.Д. Скорняков) сообщил начальнику Разведуправления Генштаба: «Альта» сообщил, что «Ариец» (сотрудник МИД Германии Рудольф фон Шелия. — А.С.) от высокоинформированных военных кругов узнал о том, что **Гитлер отдал приказ о подготовке к войне против СССР**. Война бу-

дет объявлена в марте 1941 года». Гитлер, напомним, подписал директиву Верховного главного командования вооруженных сил Германии №21 (план «Барбаросса») 18 декабря 1940 года, а уже через 11 дней о планах немцев знала советская разведка (здесь и далее выделено мной. — А.С.)

Донесения разведслужб, пусть и противоречивые, относительно конкретного срока начала войны не могли не тревожить Сталина, подталкивая к концентрации власти в одних руках перед лицом ухудшения отношений с Германией и неясности намерений Японии и Великобритании. Лондон весной 1941 года вел себя довольно враждебно по отношению к Москве. Свидетельство тому памятная записка британского МИДа, переданная 18 апреля послом Стаффордом Криппсом первому заместителю наркома иностранных дел А.Я. Вышинскому. В ней довольно цинично утверждалось, что «сохранение неприкосновенности Советского Союза не представляет собой прямого интереса для правительства Великобритании». Правда, в то же время констатировалось, что в случае нападения Германии на СССР «правительство Великобритании, исходя из собственных интересов, стремилось бы... оказать содействие Советскому Союзу в его борьбе».

Такую же двусмысленную позицию занимали правящие круги США. В мае 1941 года на семинаре в Сан-Диего бывший командующий Тихоокеанским флотом адмирал Ричардсон, выступая с докладом о международном положении, заявил, что вне всякого сомнения, в ближайшее время начнется война между Сталиным и Гитлером. «Безусловно, — отметил адмирал, — крупного успеха достигнет тот, кто первым начнет наступление, поскольку и вермахт, и Красная Армия обучены на идее блицкрига... Что в большей степени отвечает нашим планам? Если Сталин неожиданно бросит на Гитлера свои 200 дивизий и 10 тысяч танков, то вермахт будет раздавлен и через пару месяцев сталинская армия будет стоять в Гибралтаре. Если же начнет Гитлер, то, где он окажется через два месяца, известно только Всевышнему, ибо он неизбежно завязнет на просторах России, и Сталину придется истратить уйму времени, чтобы выбить его оттуда. Подобный сценарий... передаст инициативу более свободной и динамичной силе, которая неизбежно возникнет, когда русские и немцы сцепятся между собой, отдавая на милость этой новой силе весь мир. Так что отдадим, господа, право первого хода Гитлеру».

Министр ВМС США Нокс, лицо официальное, солидаризировался с соображениями отставного адмирала: «Адмирал Ричардсон весьма точно сформулировал именно то, что

мы ожидаем от дальнейшего развития событий в мире». Это происходило, подчеркнем, за месяц до агрессии против СССР..

Понижение Молотова было своеобразным сигналом о «смене вех» — СССР брал курс на противостояние с нацистской Германией, войска которой неумолимо концентрировались в непосредственной близости от советских западных границ. Ведь Вячеслав Михайлович, один из «старожилов» Политбюро (был секретарем ЦК еще при Ленине), в 1939 году как председатель Совнаркома подписал договор о ненападении между СССР и Германией (23 августа), а затем договор о дружбе и границе с ней (28 сентября); он же вел переговоры с Гитлером в Берлине в ноябре 1940 года. Поэтому вольно или невольно он отождествлялся в глазах мировой общественности, да и советского населения, с внешнеполитической линией на сотрудничество с нацистской Германией.

Любопытны формулировки постановления Политбюро о смене предсовнаркома:

«2. Тов. Молотова В.М. назначить заместителем председателя СНК СССР и руководителем внешней политики СССР с оставлением на посту народного комиссара по иностранным делам.

3. Ввиду того, что тов. Сталин, оставаясь по настоянию Политбюро ЦК первым Секретарем ЦК ВКП(б), не сможет уделять достаточного времени работе по секретариату ЦК, назначить тов. Жданова А.А. заместителем тов. Сталина по Секретариату с освобождением его от обязанности наблюдения за Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)».

Постановление Политбюро обнародовано не было, и в советской прессе спустя три дня, 7 мая, опубликовали только лаконичный указ президиума Верховного совета СССР: Молотов освобожден, Сталин назначен. Уместно будет уточнить, что в марте—мае 1941 года в высших властных структурах происходили весьма сложные процессы, вызванные, видимо, столкновением мнений относительно оптимального стратегического курса перед лицом наметившегося ухудшения отношений с Германией («первым звонком» стали неудачные переговоры Молотов с Гитлером и другими нацистскими лидерами в Берлине в ноябре 1940 года).

Помимо укрепления личных позиций Сталина, происходил перенос центра принятия решений из аппарата ЦК в правительственные структуры (до конца, заметим, это не удалось сделать ни в 1936—1941 гг., ни в послевоенный период). Для реализации этого замысла вождю требовались новые союзники в Политбюро и Секретариате ЦК.

В феврале 1941 года на пленуме ЦК по инициативе Сталина в Политбюро была влита «свежая кровь». Сталин объяснил необходимость пополнения Политбюро так: *«Мы здесь совещались, члены Политбюро и некоторые члены ЦК пришли к такому выводу, что хорошо было бы расширить состав хотя бы кандидатов в члены Политбюро. Теперь в Политбюро стариков немало набралось, людей уходящих, а надо, чтобы кто-либо другой помоложе был бы подобран, чтобы они подучились и были, в случае чего, готовы занять их место. Речь идет к тому, что надо расширить круг людей, работающих в Политбюро»*. Членами Политбюро стали Н.А. Вознесенский (председатель Госплана СССР в ранге заместителя председателя правительства), Г.М. Маленков (секретарь ЦК) и А.С. Щербаков (первый секретарь Московского обкома и горкома партии).

21 марта состоялось постановление Политбюро, которое предписало реорганизацию работы правительства в интересах более оптимальной системы управления отраслями народного хозяйства. В Совете народных комиссаров образовали Бюро, облеченное всеми правами СНК. В его состав вошли Молотов, Вознесенский как его первый заместитель, а также заместители председателя СНК А.А. Андреев (по совместительству секретарь ЦК и председатель комиссии партконтроля при ЦК), Л.П. Берия (нарком внутренних дел), Н.А. Булганин (председатель правления Госбанка), Л.М. Каганович (нарком путей сообщения), А.И. Микоян (нарком внешней торговли). **Фактически Сталин приступил к формированию своего «военного кабинета», который он в мае возглавил.**

Полномочия в рамках Бюро СНК распределили так: Молотов руководил внешней политикой, Вознесенский — оборонной промышленностью, Андреев — сельским хозяйством, Булганин — тяжелой промышленностью, Берия — обеспечением госбезопасности, Каганович — транспортом, Микоян — снабжением.

9 апреля был утвержден состав Комитета обороны при СНК СССР в количестве пяти человек. В него вошли К.Е. Ворошилов (председатель в ранге заместителя председателя СНК), нарком обороны С.К. Тимошенко, нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов, секретари ЦК партии Сталин и Жданов.

Таким образом, возглавив 4 мая Совет народных комиссаров, Сталин закончил «конструирование» системы управления страной, с которой она и подошла к 22 июня. Но все же Сталин, как считает российский историк Юрий Жуков, не являлся всесильным диктатором, он был вынужден учитывать баланс сил в высшем руководстве и порой идти на ком-

промиссы. Так, уже 7 мая ему пришлось согласиться на расширение состава Бюро СНК, куда включили министра госконтроля Л.З. Мехлиса и В.М. Молотова, 15 мая — К.Е. Ворошилова и руководителя профсоюзов Н.М. Шверника, 30 мая — секретарей ЦК Жданова и Маленкова. Тем самым структура утратила способность к оперативному решению задач в экстремальной обстановке, для чего она, собственно говоря, изначально и создавалась.

Чтобы компенсировать расширение состава Бюро СНК (БСНК), Сталин пошел на бюрократическую хитрость: была создана Комиссия БСНК по текущим делам в составе Вознесенского (председатель), Андреева, Булганина, Кагановича и Микояна. Фактически это был тот же, первоначальный БСНК, замыкающийся непосредственно на Сталина как главу правительства.

30 мая Комитет обороны реорганизовали в комиссию по военным и военно-морским делам при БСНК. В ее состав вошли Сталин (председатель), Вознесенский (заместитель председателя), Ворошилов, Жданов, Маленков. Поначалу «за бортом» остались наркомы обороны и ВМФ, но первая же неделя работы комиссии показала абсурдность принятого решения. Поэтому 9 июня состав комиссии был дополнен Тимошенко и Кузнецовым.

Торопливая «настройка» работы государственного аппарата в последние предвоенные месяцы (на нее негативно влияло непрекращающееся закулисное соперничество за близость к вождю) с очевидностью показывает, что **Сталин спешно повышал эффективность работы вертикали управления.**

5 мая состоялось первое публичное выступление Сталина в качестве главы правительства (он стал четвертым по счету председателем СНК — вслед за Лениным, Рыковым и Молотовым). Поводом стал прием в Кремле по случаю выпуска слушателей военных академий. Правда, военные, как и вся страна, узнали о новой должности Сталина спустя два дня из газет, но это значимости выступления Сталина не умаляет.

По стечению обстоятельств неделей раньше, 29 апреля, перед немецкими офицерами-выпускниками учебных заведений выступил Гитлер. И как докладывал в Москву в начале мая агент советской внешней разведки «Старшина», в своей речи фюрер заявил, что «в ближайшее время произойдут события, которые многим покажутся непонятными. Однако мероприятия, которые мы намечаем, являются государственной необходимостью, так как красная чернь поднимает голову над Европой».

Для Сталина к этому времени было понятно, что момент

военной схватки с нацистской Германией приближается. Этим, возможно, объясняется довольно резкий тон его выступления в закрытой военной аудитории. Конечно, он вряд ли имел информацию о том, что на совещании у начальника отдела обороны страны штаба оперативного руководства верховного главнокомандования вермахта **1 мая 1941 года было сообщено о решении фюрера начать реализацию плана «Барбаросса» 22 июня и введении с 22 мая максимально уплотненного графика движения эшелонов.** Но и тех донесений, которые регулярно ложились вождю на стол, было достаточно для мрачных предчувствий.

Сталин в своем выступлении постарался развеять опасения военных кадров относительно непобедимости Германии. Говорил он, как всегда, просто и доступно: *«Действительно ли германская армия непобедима? Нет. В мире нет и не было непобедимых армий. Есть армии лучшие, хорошие и слабые. Германия начала войну и шла в первый период под лозунгом освобождения от гнета Версальского мира. Этот лозунг был популярен, встречал поддержку и сочувствие всех обиженных Версалем. Сейчас обстановка изменилась. Сейчас германская армия идет с другими лозунгами. Она сменила лозунги освобождения от Версаля на захватнические... Поскольку германская армия ведет войну под лозунгом покорения других стран, подчинения других народов Германии, такая перемена лозунга не приведет к победе.*

С точки зрения военной, в германской армии ничего особенного нет и в танках, и в артиллерии, и в авиации. Значительная часть германской армии теряет свой пыл, имевшийся в начале войны (Второй мировой. — А.С.). Кроме того, в германской армии появилось хвастовство, самодовольство, зазнайство. Военная мысль Германии не идет вперед, военная техника отстает не только от нашей, но Германию в отношении авиации начинает обгонять Америка».

В то же время боеспособности Красной Армии Сталин дал самые высокие оценки. Трудно сегодня сказать, насколько вождь был искренен. Не исключено, что он действительно был заморожен впечатляющими справочными данными о численном составе и возможностях вооружения РККА и оптимистическими докладами Наркомата обороны. А может быть, Сталин хотел лишь подбодрить собравшихся, внушить им уверенность в канун тяжелых военных испытаний. *«Мы перестроили нашу армию, вооружили ее современной военной техникой, — заявил он. — Но надо прежде всего сказать, что многие товарищи преувеличивают значение событий у озера Хасан и Халхин-Гол с точки зрения военного опыта. Здесь мы*

имели дело не с современной армией, а с армией устаревшей. Не сказать вам всего этого, значит, обмануть вас. Конечно, Хасан и Халхин-Гол сыграли свою положительную роль. Их положительная роль заключается в том, что в первом и во втором случае мы японцев победили. Но настоящий опыт в перестройке нашей армии мы извлекли из русско-финской войны и из современной войны на Западе.

Я говорил, что имеем современную армию, вооруженную новейшей техникой. Что представляет собой наша армия теперь? Раньше существовало 120 дивизий в Красной Армии. Теперь у нас в составе армии 300 дивизий. Сами дивизии стали несколько меньше, но более подвижны. Раньше насчитывалось 18—20 тысяч человек в дивизии. Теперь стало 15 тысяч человек.

Из общего числа дивизий третья часть — механизированные дивизии. Об этом не говорят, но это вы должны знать. Из 100 дивизий две трети — танковые, а одна треть — механизированные...» (Красная Армия встретила войну, имея в своем составе 198 стрелковых, 13 кавалерийских, 61 танковую и 31 моторизованную дивизии — всего 303 дивизии. Кроме того, имелось 16 воздушно-десантных бригад.)

После выступления Сталина по традиции в Кремле состоялся прием, на котором он произнес три тоста. Противоречивые оценки историков вызывает третий тост, его содержание трактуют по-разному. Сталин, скорее всего, не готовился к нему специально и был «спровоцирован» выступлением какого-то бойкого генерал-майора танковых войск, провозгласившего тост за мирную сталинскую внешнюю политику. Вряд ли это была импровизация генерала. В то время, как, впрочем, и сейчас, все было заформализовано, и здравица миролюбию СССР входила в сценарий приема.

Но его непосредственные организаторы не ожидали, что вождь воспримет тост как не соответствующий новому историческому моменту. Согласно сохранившемуся архивному документу Сталин, едва генерал закончил, сказал: «Разрешите внести поправку. Мирная политика обеспечивала мир нашей стране. Мирная политика дело хорошее. Мы до поры, до времени проводили линию на оборону — до тех пор, пока не перевооружили нашу армию, не снабдили армию современными средствами борьбы.

А теперь, когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильны — теперь надо перейти от обороны к наступлению. Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом. От обороны перейти к военной политике наступ-

пательных действий. Нам необходимо перестроить наше воспитание, нашу пропаганду, агитацию, нашу печать в наступательном духе. Красная Армия есть современная армия, а современная армия — армия наступательная».

Примечательно, что через несколько дней руководитель немецкой военной разведки адмирал Канарис (как предполагается, уже в то время взаимодействовавший с английской разведслужбой) доложил Гитлеру о выступлении Сталина в Кремле перед военными. Текст докладной, как утверждается в некоторых публикациях, был таким: *«Источник, работающий в штабе красной авиации, сообщает: 5 мая Сталин в речи, произнесенной в Кремле перед выпускниками военных академий, содержание которой в прессе опубликовано не было, заявил: «Немцы считают, что их армия — самая идеальная, самая хорошая, самая непобедимая. Это неверно. Любой политик, любой деятель, допускающий чувство самодовольства, может оказаться перед катастрофой», и произнес тост следующего содержания: «Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом. От обороны перейти к политике наступательных действий. Красная Армия есть современная армия, а современная армия — армия наступательная». По сведениям, полученным из нескольких источников, в произнесенном тосте были также слова: «Спаси нашу Родину может только война с фашистской Германией и победа в этой войне. Я предлагаю выпить за войну, за наступление в войне, за нашу победу в этой войне». Эти сведения получены источником от нескольких офицеров и абсолютно надежны».*

Для адмирала Канариса получение информации из Москвы о выступлении Сталина было двойной удачей. Он демонстрировал фюреру возможности руководимой им военной разведки и, кроме того, укреплял его в мысли, что со Сталиным нельзя договориться и война с ним неизбежна. Это отвечало планам англичан переключить внимание нацистской Германии на СССР и сравнить две сильнейшие континентальные державы в новой войне на взаимное истребление, так что Канарис, видимо, со скрытым удовольствием докладывал Гитлеру о намерении Кремля «перейти к военной политике наступательных действий». Связанный с англичанами адмирал в течение 1940-го — первой половины 1941 года целенаправленно внушал нацистскому лидеру мысль о военной слабости СССР, благо советско-финская война выявила немало недостатков в боевой подготовке и техническом оснащении РККА.

То, что Канарис много лет работал на англичан, сегодня отрицать нет оснований. Наш замечательный разведчик Джордж Блейк, работавший в годы Второй мировой войны в британской разведке, сказал не так давно в интервью журналисту «Красной звезды» Александру Бондаренко: *«У нас, в английской разведке, было известно, ну так, неофициально, конечно, и, разумеется, не во время войны, что английским агентом был руководитель абвера, гитлеровской военной разведки и контрразведки адмирал Канарис. Когда начальник английской разведки (Стюарт Мензис. — А.С.) узнал, что Канарис повешен, то он в своем клубе, где обедал, сказал: «Я сегодня потерял моего лучшего друга».*

10 мая в Великобританию прилетел наци номер два Рудольф Гесс. Для Сталина это была неприятная неожиданность. Подлинные обстоятельства полета Гесса на истребителе до сих пор неизвестны историкам, и непонятно, была ли это его «самодеятельность». Но не может не вызывать интереса тот факт, что Гитлер отверг все попытки своих ретивых приближенных привлечь семью Гесса к ответственности, равно как и их предложение не доставлять письма Гесса из Англии его жене.

Фюрер с начала своей политической карьеры отличался симпатиями к англосаксам, считая их родственным германцам народом, и стремился достичь взаимопонимания с ними. В июне 1940 года он приказал остановить наступление танковых дивизий вермахта, когда те находились всего в нескольких километрах от порта Дюнкерк (туда отошли части английского экспедиционного корпуса и остатки французской армии). Немецкая авиация не препятствовала особо эвакуации англичан через пролив Ла-Манш.

Официальный Лондон до сих пор хранит молчание относительно переговоров с Гессом, обещая раскрыть архивы только в 2017 году. Не обнародована и вся поступившая в Москву информация, касающаяся его переговоров с английскими официальными лицами (у советской «кембриджской пятерки» был доступ к материалам переговоров). Представители спецслужб США также не отличаются словоохотливостью.

Весной 1948 года перед сторонниками республиканской партии США выступил Ален Даллес, работавший в годы Второй мировой войны в американской разведке (вскоре он стал одним из руководителей Центрального разведывательного управления США). Он затронул тему перелета Гесса в Великобританию — то ли перед ним стояла задача вбросить дезинформацию, то ли «рыцарь плаща и кинжала» излишне разоткровенничался.

Так или иначе, но его версия выглядит так. *«После падения Франции в 1940 году Англия в одиночестве противостояла Германии, — сказал Даллес. — Черчилль знал, что, если Германия сконцентрирует свои силы на борьбе с Англией, последняя будет разбита. Все, что ему оставалось, — это затягивать время, искать союзников и создавать второй фронт. Он хотел, чтобы его союзниками стали две страны — Соединенные Штаты и Советы. Но для Советов, которые сотрудничали тогда с Германией, было бы слишком опасно идти на риск войны с Гитлером. Вот почему Черчилль оказался перед необходимостью сделать так, чтобы Гитлер сам объявил войну Советам... Британская разведка в Берлине установила контакт с Рудольфом Гессом и с его помощью нашла выход на самого Гитлера. Гессу было сказано, что, если Германия объявит войну Советам, Англия прекратит военные действия. Гесс убедил Гитлера, что всему этому можно верить...»*

Британская разведка сфабриковала приглашение за подписью Черчилля и переправила его Гессу. Гесс оказался в Шотландии после своего тайного перелета и получил возможность встретиться с английскими официальными лицами. Он заявил, что Гитлер нападет на Россию. Ему же в ответ было сказано, что Англия свою часть договоренности также выполнит. Были сделаны записи этой встречи, которые затем были направлены в Москву...»

Если Даллес не лукавил, то можно представить, как воспринял Сталин подобное сообщение в середине мая. **Становится также понятно, почему Черчилль до июня 1944 года противился высадке англо-американских войск в Северной Франции.** Боевые действия против вермахта англичане вели довольно пассивно, во всяком случае, до лета 1943 года Гитлер имел шанс без особых помех с Запада нанести поражение СССР.

12 мая Германия начала вторую фазу дезинформационной операции (первая фаза началась на основании директивы штаба оперативного руководства верховного командования вермахта от 15 февраля 1941 г.). Начальник штаба оперативного руководства подписал распоряжение относительно сохранения скрытности сосредоточения войск против Красной Армии. Немцы стремились заставить Кремль поверить, что сосредоточение войск у советских границ — это «широко задуманный маневр с целью ввести в заблуждение западного противника».

13 мая Генеральный штаб РККА по согласованию с Кремлем дал директиву на выдвижение войск из внутренних округов на запад. Из Забайкалья на Украину (в район Шепе-

товки) передислоцировалась 16-я армия, из Северо-Кавказского округа в район Белой Церкви — 19-я армия, из Приволжского военного округа в район Гомеля — 21-я армия, с Урала в район Великих Лук — 22-я армия. Из Восточной Украины на рубеж Западной Двины выдвигался один стрелковый корпус. Всего ближе к западным границам СССР перебрасывалось 28 стрелковых дивизий.

14 мая командующий войсками Западного особого военного округа генерал армии Д.Г. Павлов получил из Генштаба указания, написанные от руки первым заместителем начальника Оперативного управления генерал-майором А.М. Василевским. В них нарком обороны и начальник Генштаба приказывали Павлову «с целью прикрытия от мобилизации, сосредоточения и развертывания войск округа к 20 мая 1941 г. ...разработать: а) детальный план обороны государственной границы от Капчмяместис до иск. оз. Свитязь; б) детальный план противовоздушной обороны...» Павлов план разработал с опозданием — только в июне, и многого из того, что ему предписывалось из Москвы, реально так и не было сделано.

В тот же день в рамках немецкой операции по стратегической маскировке подготовки нападения на СССР Гитлер направил Сталину ответ на его личное письмо, в котором советский лидер сообщал фюреру, что у него сложилось впечатление о подготовке Германии к нападению на СССР. (Письмо Сталина до сих пор не обнародовано, но отрывки из ответа Гитлера опубликованы после распада СССР.) Как следует из послания фюрера, нацисты пытались целенаправленно дезинформировать руководство СССР относительно своих истинных намерений, стремясь сыграть на давнем, еще с Гражданской войны, недоверии Сталина к британской элите, на его стремлении любой ценой отодвинуть начало советско-германской войны до завершения широкомасштабной программы укрепления Красной Армии.

Гитлер писал Сталину: *«При формировании войск вторжения (на территорию Англии. — А.С.) вдали от глаз и авиации противника, а также в связи с недавними операциями на Балканах вдоль границы с Советским Союзом скопилось большое количество моих войск, около 80 дивизий, что, возможно, и породило циркулирующие ныне слухи о вероятном военном конфликте между нами.*

Уверяю Вас честью главы государства, что это не так. Со своей стороны я тоже с пониманием отношусь к тому, что вы не можете полностью игнорировать эти слухи и также сосредоточили на границе достаточное количество своих войск.

Таким образом, без нашего желания, а исключительно в силу сложившихся обстоятельств на наших границах противостоят друг другу весьма крупные группировки войск. Они противостояют в обстановке усиливающейся напряженности слухов и домыслов, нагнетаемых английскими источниками.

В подобной обстановке я совсем не исключаю возможность случайного возникновения вооруженного конфликта, который в условиях такой концентрации войск может принять очень крупные размеры, когда трудно или просто невозможно будет определить, что явилось его первопричиной. Не менее сложно будет этот конфликт и остановить.

Я хочу быть с Вами предельно откровенным. Я опасаясь, что кто-нибудь из моих генералов сознательно пойдет на подобный конфликт, чтобы спасти Англию от ее судьбы и сорвать мои планы.

Речь идет всего об одном месяце. Примерно 15—20 июня я планирую начать массированную переброску войск на запад с вашей границы.

При этом убедительнейшим образом прошу Вас не поддаваться ни на какие провокации, которые могут иметь место со стороны моих забывших долг генералов. И, само собой разумеется, постараться не дать им никакого повода. Если же провокации со стороны какого-нибудь из моих генералов не удастся избежать, прошу Вас, проявите выдержку, не предпринимайте ответных действий и немедленно сообщите о случившемся мне по известному Вам каналу связи».

20 мая немецкие войска начали воздушно-десантную операцию по захвату Крита и 1 июня захватили остров, несмотря на упорное сопротивление английских частей. Операция вольно или невольно давала Кремлю надежду, что немцы еще какое-то время продолжат «разборки» с британцами на Ближнем Востоке и Восточном Средиземноморье.

6 июня англичане сообщили специальному представителю президента США Рузвельта генералу Уильяму Donovanу о намерении Германии напасть на СССР. Об этом, как утверждает историк Мартиросян, вскоре стало известно советской внешней разведке НКГБ.

В Лондоне же впервые узнали о дате нападения на СССР где-то в конце апреля 1941-го из донесения своего агента «Фила». Им был начальник оперативного управления Генштаба сухопутных войск генерал Адольф Эрнст Хойзингер, завербованный английской разведкой, видимо, еще в годы своего пребывания в плену во время Первой мировой войны.

9 июня к переговорам высокопоставленных английских представителей с Гессом подключился лорд-канцлер Вели-

кобритании Джон Саймон (тот самый, который в 1935 г. в бытность министром иностранных дел вел переговоры в Берлине с Гитлером, стремясь нацелить его против СССР). В период миссии Гесса немцы и англичане резко снизили интенсивность авиационных ударов друг по другу.

В Кремле были в курсе содержания тайных англо-германских переговоров благодаря советскому разведчику Киму Филби, входившему в «кембриджскую пятерку». Известно было о привезенном Гессом меморандуме, названном «Основы соглашения». Нацисты предлагали англичанам разграничить сферы интересов между Великобританией и странами оси (Германия — Италия — Япония): **«Сферой интересов стран оси должна быть Европа, сферой интересов Англии — ее империя».**

10 июня, за 12 дней до войны, было подписано распоряжение главнокомандующего сухопутными войсками Германии о назначении срока начала наступления на Советский Союз, в котором впервые немецкое руководство письменно фиксирует конкретную дату нападения на СССР (дата 22 июня была впервые названа в ставке Гитлера на совещании у начальника отдела обороны страны штаба Верховного командования вермахта 1 мая 1941 года): *«1. Днем «Д» операции «Барбаросса» предлагается считать 22 июня. 2. В случае переноса этого срока соответствующее решение будет принято не позднее 18 июня. 3. В 13.00 21 июня в войска будет передан один из двух следующих сигналов: а) сигнал «Дортмунд». Он означает, что наступление, как и запланировано, начнется 22 июня и что можно приступать к открытому выполнению приказов; б) сигнал «Альтона». Он означает, что наступление переносится на другой срок...»*

12 июня в адрес командующих войсковыми группировками вермахта, сосредоточенными на границе с СССР, уходит шифротелеграмма, в которой доводится содержание распоряжения главнокомандующего сухопутными войсками Германии от 10 июня **о назначении срока начала наступления на 22 июня. Она перехватывается и расшифровывается английской службой радиоперехвата, и через несколько дней Сталин узнает о ее содержании из донесения по линии «кембриджской пятерки».**

В тот же день, 12 июня, Сталин разрешил дополнительное выдвижение значительного числа соединений сухопутных войск ближе к государственной границе. Решение было оформлено директивой за подписью наркома обороны Тимошенко и начальника Генштаба Жукова.

13 июня разведка погранвойск зафиксировала начало выд-

вижения германских войск на исходные для наступления позиции, но в тот же день выдвижение было приостановлено. Некоторые исследователи связывают это с тем, что, возможно, Гитлер еще не получил от англичан неких гарантий. Хотя, заметим, королевская армия, не пришедшая в себя после Дюнкерка, не представляла для вермахта угрозы в Европе ни в 1941, ни в 1942 году.

13 июня Сталин распорядился распространить сообщение информационного агентства ТАСС, которое было оглашено в радиопередаче на границу в 18.00, а на следующий день опубликовано в советской печати. В сообщении, предназначенном не столько для своего населения, сколько для официального Берлина, опровергались слухи о «близости войны между СССР и Германией» и сосредоточении войск по обе стороны советско-германской границы. Утверждалось, что «происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям».

Относительно целесообразности этого сообщения среди историков единого мнения нет. Возможно, Сталин посылал Гитлеру еще один сигнал о желании СССР избежать войны. Одновременно сообщение ТАСС манифестировало для мирового общественного мнения миролюбие нашей страны, как бы опережая возможные обвинения со стороны Германии в подготовке Москвой агрессии. Не случайно в тексте сообщения ТАСС говорилось: «3) СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении...; 4) проводимые сейчас летние сборы запасных Красной Армии и предстоящие маневры имеют своей целью не что иное, как обучение запасных и проверку работы железнодорожного аппарата, осуществляемые, как известно, каждый год, ввиду чего изображать эти мероприятия Красной Армии как враждебные Германии по меньшей мере нелепо».

Это, кстати, было не первое сообщение ТАСС. Еще 9 мая ТАСС через газету «Известия» опровергал слухи о сосредоточении советских войск на западной границе (в СССР в апреле — мае для пополнения соединений западных военных округов из запаса было призвано почти 800 тыс. человек).

Сталин, принимая меры для укрепления западной границы СССР, вместе с тем пытался втянуть Берлин в новые перемены (как в ноябре 1940 года во время поездки Молотова в Берлин), чтобы дотянуть до осенней распутицы.

Обнародование позиции СССР в отношении Германии за 8 дней до войны, видимо, было необходимым, но сама реализация замысла не была удачной. Быть может, разумнее было организовать публикацию ответа Сталина или Молотова на вопрос иностранного информационного агентства или западной газеты, но никак не печатать сообщение ТАСС в советской печати, что дезориентировало население и военнослужащих, не посвященных в тонкости «тайной дипломатии».

Сталин, кроме того, все еще не был, вероятно, до конца убежден в неизбежности войны, он не почувствовал того, что Гитлер уже не мог остановиться, будучи изначально настроенным на войну против СССР. Ведь именно для этого он был приведен к власти влиятельнейшими теневыми структурами, о существовании которых большинство населения планеты даже не подозревает. Военно-экономический потенциал агрессии создавался в Германии, что сегодня не секрет для историков, при участии американского бизнеса, формально считавшегося противником нацизма. В письме Муссолини от 21 июня 1941 года фюрер, сообщая о решении напасть на СССР, признается: *«Сотрудничество с Советским Союзом при всем искреннем стремлении добиться окончательной разрядки часто тяготило меня. Ибо это казалось мне разрывом со всем моим прошлым, моим мировоззрением и моими прежними обязательствами. Я счастлив, что освободился от этого морального бремени».*

Анализ нацистами тенденций развития военно-политической обстановки и соотношения сил показывал им, что время работает против Германии, затрудняя реализацию планов, ради которых и был создан нацистский режим. В том же письме Муссолини Гитлер сетует: *«Русские имеют громадные силы... Если и дальше терпеть эту опасность, придется, вероятно, потерять весь 1941 год, и при этом общая ситуация ничуть не изменится. Наоборот, Англия еще больше воспротивится заключению мира, так как она все еще будет надеяться на русского партнера. К тому же эта надежда, естественно, станет возрастать по мере усиления боеготовности русских вооруженных сил. А за всем этим еще стоят американские массовые поставки военных материалов, которые ожидаются с 1942 года».*

В июне 1941-го верхушку нацистской Германии явно страшило продолжающееся укрепление СССР. В сохранившейся записи застольной беседы Гитлера уже в военное время, в ночь с 5 на 6 января 1942 года, есть такое признание: *«Что утвердило меня в решении напасть без промедления, так это информация, которую доставила одна германская миссия, только что вернувшаяся из России. Мне было сообщено, что*

один русский завод производит больше танков, чем все наши заводы, вместе взятые. Я понял, что это — предел».

18 июня в 4.00 командование вермахта возобновило выдвижение войск на исходные позиции на германо-советской границе, что было выявлено разведкой погранвойск и о чем немедленно было доложено в Москву. В связи с ситуацией, чреватой нападением Германии, Сталин поручил Молотову связаться с Гитлером. В дневнике начальника генштаба сухопутных войск Германии генерала Франца Гальдера есть запись от 20 июня: «*г. Молотов хотел 18.06 говорить с фюрером*».

Судя по всему, обе стороны вели сложную дипломатическую игру до самого начала войны. В донесении источника «Х» разведуправления генштаба (сотрудника немецкого посольства в Москве Герхарда Кегеля) от 5 мая есть такая информация: «*Гитлер предложил Сталину приехать в Германию. Ответ должен быть дан до 12—12 июня 1941 г.* (видимо, до 12.00 12 июня. — А.С.) *Если Сталин не приедет в Берлин, то война неизбежна. Германия предъявила требования к СССР: а) дополнительные поставки 2,5 млн. тонн зерна; б) свободный транзит в Персию и военная оккупация советских зерновых складов на 4—5 млн. тонн. Последний срок принятия предложений — 23 июня 1941 г.*»

Под давлением ухудшавшейся обстановки на западной границе Сталин 18 июня отдал распоряжение Наркомату обороны о дополнительных предупредительных мерах. Некоторые исследователи утверждают, что с разрешения Кремля начальник Генерального штаба направил командованию пяти западных военных округов и трех флотов (Балтийского, Северного, Черноморского) телеграмму или директиву, касающуюся приведения войск и сил в боевую готовность. Текстом этого документа исследователи не располагают. Но имеются косвенные свидетельства, что какой-то документ в войска и на флоты ушел. Дабы не быть голословными, приведем конкретные факты.

В 2008 году в издательстве «Кучково поле» вышла книга Владимира Ямпольского «...Уничтожить Россию весной 1941 г.», в которую включены материалы по делу командующего Западным фронтом генерала армии Д.Г. Павлова. В протоколе закрытого судебного заседания Военной коллегии Верховного суда СССР от 22 июля 1941 года есть такой эпизод. Член суда А.М. Орлов оглашает показания подсудимого — бывшего начальника связи штаба Западного фронта генерал-майора А.Т. Григорьева на следствии: «...И после телеграммы начальника Генерального штаба от 18 июня войска

округа не были приведены в боевую готовность». Григорьев подтверждает: «Все это верно».

Уже упоминавшийся нами историк Арсен Мартиросян считает, что 18 июня 1941 года Сталин разрешил привести войска первого стратегического эшелона в полную боевую готовность, но санкционированная им директива Генерального штаба оказалась по каким-то обстоятельствам невыполненной командованием западных военных округов, и в первую очередь в Западном и Киевском. Действия командования ЗапОВО в те судьбоносные для СССР дни — это, конечно, отдельная тема для разговора.

Выскажем лишь мнение, что в судьбе Западного фронта и лично генерала Павлова трагическую роль сыграл комплекс факторов. Бесспорно, были допущены военно-профессиональные ошибки. К 22 июня группировка войск округа не была по сути ни оборонительной, ни наступательной. Главный рубеж обороны устанавливался фактически по государственной границе, а он должен был быть отнесен, по мнению ряда военных историков, километров на 50 в глубь советской территории. Авиаполки недопустимо было базировать на аэродромах у самой госграницы, когда до некоторых из них доставала немецкая артиллерия.

На управляемости войск не могла не сказаться и кадровая чехарда четырех предвоенных лет. Как бы ни относиться к командирам соединений и объединений, лишившихся в тот период своих постов, а то и жизни (независимо от их идейных взглядов, степени политической лояльности, нравственного облика), они в своем большинстве обладали навыками управления войсками, полученными в 1920—1930-е годы. Пришедшие на смену им командные кадры, которым доверили полки, дивизии, корпуса, армии, проделали всего за несколько лет головокружительную карьеру и, попав под удар имевших боевой опыт немецких генералов, в июне 1941-го растерялись.

В полосе войск Западного ОВО **вермахт нанес неожиданно для Наркомата обороны главный удар. Ждали же его в направлении Киева**, поэтому наиболее мощная группировка советских войск была сосредоточена на Украине. Какую-то субъективную роль в этом сыграло, возможно, то, что в 1941 году в Наркомате обороны доминировали «киевляне» — выходцы из Киевского ОВО (нарком обороны С.К. Тимошенко, начальник Генштаба Г.К. Жуков, его первый заместитель Н.Ф. Ватутин, начальник оперативного управления Генштаба генерал Г.К. Маландин).

Но в конечном счете ответственность за многие роковые промахи предвоенных месяцев лежала все же на политичес-

ком руководстве. Сталин, видимо, слишком увлекся закулисной борьбой на геополитическом уровне, считая, что сумеет переиграть и Берлин, и Лондон, и Вашингтон. Дали о себе знают и ошибки в кадровой политике. **Замена Б.М. Шапошникова на посту начальника Генштаба вначале К.А. Мерецковым, а затем Г.К. Жуковым, не склонным к штабной работе, была не лучшим решением. Напомним, что Шапошников на посту начальника Генштаба ожидал главного удара вермахта в Белоруссии.** Нарком Тимошенко считал же, что в оперативном плане, имевшемся в 1940 году в Генштабе, слишком большое значение придается группировке вермахта севернее Варшавы и в Восточной Пруссии. Сталин был также уверен, что Германия постарается прежде всего овладеть Украиной и Донецким бассейном, и недооценивал степени авантюризма Гитлера.

Руководство в Кремле успокаивала и «магия цифр». С вермахтом были готовы сразиться 2,9 млн. военнослужащих РККА. Это 170 дивизий, в том числе 40 танковых и 20 механизированных. Завораживала их огневая мощь: 49,3 тыс. орудий и минометов, 10 тыс. танков, 7,7 тыс. боевых самолетов (у немцев, как указано в книге генерал-полковника Ю.А. Горькова «Кремль. Ставка. Генштаб», было орудий и минометов — 31 тыс., танков — 3,5 тыс., боевых самолетов — 4 тыс.). Но на стороне вермахта были боевой опыт трех военных кампаний (польской, французской и балканской), отлаженная система управления войсками, хорошо подготовленный офицерский состав, костяк которого прозорливо сохранили после Первой мировой войны...

Но вернемся к последним предвоенным дням. Историк Мартиросян приводит интересный факт, оставшийся вне внимания многих исследователей. За несколько дней до начала войны Сталин вызвал к себе начальника ВВС Красной Армии П.Ф. Жигарева и Наркома внутренних дел Л.П. Берия, которому подчинялись пограничные войска, и приказал силами авиации Западного особого военного округа организовать тщательную воздушную разведку с целью выяснения реальной ситуации на советско-германской границе. Вождю требовалось убедиться, действительно ли немцы подтягивают войска непосредственно к госгранице. В журнале посещений кабинета Сталина в Кремле действительно имеется запись от 17 июня, согласно которой в тот день он принял двух посетителей: первого заместителя начальника Генштаба Н.Ф. Ватутина (22.00—22.30) и П.Ф. Жигарева (0.45—1.50 18 июня).

18 июня тихоходный самолет У-2, пилотируемый командиром 43-й истребительной авиадивизии полковником Г.Н. Захаровым, на низкой высоте пролетел вдоль всей линии гос-

границы с юга на север в полосе Западного ОВО. О том полете Нефедов, ставший в годы войны Героем Советского Союза, рассказал позднее в своих воспоминаниях «Я — истребитель». А тогда, 18 июня, он сажал самолет через каждые 30—50 километров и прямо на крыле вместе со своим штурманом майором Румянцевым писал срочные донесения, которые забирали пограничники и немедленно передавали в Москву. Нефедовым было зафиксировано повсеместное движение колонн немецких войск к границе. Возможно, **именно эти донесения способствовали решению Сталина направить в войска директиву от 18 июня**, о которой говорил на допросе и суде бывший начальник связи штаба Западного фронта генерал Григорьев.

Сохранился еще один документ, свидетельствующий о направлении 18 июня 1941 года в адрес командования западных военных округов телеграммы начальника Генштаба. Это — исследование, осуществленное в конце 1940-х — первой половине 1950-х годов военно-научным управлением Генерального штаба под руководством генерал-полковника А.П. Покровского. Тогда, еще при жизни Сталина, был обобщен опыт сосредоточения и развертывания войск западных военных округов по плану прикрытия государственной границы накануне Великой Отечественной войны. С этой целью было задано пять вопросов участникам тех трагических событий, занимавшим перед войной командные должности в войсках западных округов (фрагментарно ответы на некоторые вопросы были опубликованы в «Военно-историческом журнале» в 1989 г.).

Вопросы были сформулированы так: 1. Был ли доведен до войск в части, их касающейся, план обороны государственной границы; когда и что было сделано командованием и штабами по обеспечению выполнения этого плана? 2. С какого времени и на основании какого распоряжения войска прикрытия начали выход на государственную границу и какое количество из них было развернуто до начала боевых действий? 3. **Когда было получено распоряжение о приведении войск в боевую готовность в связи с ожидавшимся нападением фашистской Германии с утра 22 июня; какие и когда были отданы указания по выполнению этого распоряжения и что было сделано войсками?** 4. Почему большая часть артиллерии находилась в учебных центрах? 5. Насколько штабы были подготовлены к управлению войсками и в какой степени это отразилось на ходе ведения операций первых дней войны?

Редакция «Военно-исторического журнала» сумела опубликовать ответы на первые два вопроса, но когда подошла

очередь отвечать на третий вопрос: «**Когда было получено распоряжение о приведении войск в боевую готовность?**», кто-то свыше распорядился прекратить публикацию. Но уже из первых двух ответов следует, что телеграмма (или директива) начальника Генштаба, видимо, была.

Генерал-полковник танковых войск П.П. Полубояров (бывший начальник автобронетанковых войск Прибалтийского ОВО) вспоминал после войны: «16 июня в 23 часа командование 12-го механизированного корпуса получило директиву о приведении соединения в боевую готовность. Командиру корпуса генерал-майору Н.М. Шестопалову сообщили об этом в 23 часа 17 июня по его прибытии из 202-й моторизованной дивизии, где он проводил проверку мобилизационной готовности. 18 июня командир корпуса поднял соединения и части по боевой тревоге и приказал вывести их в запланированные районы. В течение 19 и 20 июня это было сделано. 16 июня распоряжением штаба округа приводился в боевую готовность и 3-й механизированный корпус (командир генерал-майор танковых войск А.В. Куркин), который в такие же сроки сосредоточился в указанном районе».

Генерал-майор И.И. Фадеев (бывший командир 10-й стрелковой дивизии 8-й армии ПриОВО): «19 июня 1941 года было получено распоряжение от командира 10-го стрелкового корпуса генерал-майора И.Ф. Николаева о приведении дивизии в боевую готовность. Все части были немедленно выведены в район обороны, заняли дзоты и огневые позиции артиллерии».

Генерал-майор П.И. Абрамидзе (бывший командир 72-й горно-стрелковой дивизии 26-й армии Киевского ОВО): «20 июня 1941 года я получил такую шифровку Генерального штаба: «Все подразделения и части Вашего соединения, расположенные на самой границе, отвести назад на несколько километров, то есть на рубеж подготовленных позиций... Все части дивизии должны быть приведены в боевую готовность. Исполнение донести к 24 часам 21 июня 1941 года»...

Имеются и некоторые другие архивные документы, свидетельствующие о том, что 16—20 июня 1941 года войска на западе СССР приводились в боевую готовность. В Сборнике боевых документов Великой Отечественной войны (выпуск 33), вышедшем в Воениздате в 1957 году, опубликовано донесение штаба 12-го механизированного корпуса ПриОВО о боевых действиях корпуса в период с 22 июня по 1 августа 1941 года. В нем говорится:

«18.06.41 г. На основании директивы Военного совета Прибалтийского особого военного округа по корпусу был отдан

приказ за № 0033 о приведении в боевую готовность частей корпуса, выступлении в новый район и сосредоточении...»

Вышеизложенное позволяет утверждать, что нападение Германии на Советский Союз не было внезапным для командования соединений и объединений западных военных округов.

Это в той или иной степени признают советские военачальники. Бывший начальник ГРУ Генерального штаба генерал армии П. И. Ивашутин в своей статье в «Военно-историческом журнале» (1990, №5) признавал, хотя и с оговорками, что **«ни в стратегическом, ни в тактическом плане нападение фашистской Германии на Советский Союз не было внезапным»**. Правда, далее он указывал, что «вторжение фашистских войск на нашу территорию застало советские войска врасплох, так как они не были заблаговременно приведены в полную боевую готовность». Не вступая в полемику, хотелось бы все же заметить, что на уровне командиров дивизий и выше употребляют понятие «врасплох» несколько необоснованно.

В связи с этим следует обратить внимание на размышления генерал-полковника в отставке Н. Ф. Червова, изложенные им в книге «Провокации против России»: «Если стратегия вступления государств и армии в войну изначально ошибочна, то ничто — ни искусство генерала на поле боя, ни доблесть солдат, ни отдельные одноразовые победы — не могли иметь того решающего эффекта, которого можно было ожидать в противном случае. Одной из важнейших причин поражения наших войск в начальный период войны явилась недооценка Наркоматом обороны и Генеральным штабом существа самого начального периода войны, условий развязывания войны и ее ведения в первые часы и дни».

Генерал Червов указывал, что **«внезапности нападения в обычном понимании не было» и эта формулировка была придумана после 1953 года «для того, чтобы взвалить вину за поражение в начале войны на Сталина»**.

Можно привести и высказывание очевидца трагических событий 22 июня — маршала артиллерии Н. Д. Яковлева (его не упрекнешь в подобострастности перед Сталиным, так как он, в 1948—1951 гг. заместитель министра Вооруженных Сил, в 1952-м был арестован и освобожден только после смерти вождя): «Когда мы беремся рассуждать о 22 июня 1941 года, черным крылом накрывшем весь наш народ, то нужно отвлечься от всего личного и следовать только правде, непозволительно пытаться взвалить всю вину за внезапность нападения фашистской Германии только на И. В. Сталина. В

бесконечных сетованиях наших военачальников о «внезапности» просматривается попытка снять с себя всю ответственность за промахи в боевой подготовке войск, в управлении ими в первый период войны. Они забывают главное: приняв присягу, командиры всех звеньев от командующих фронтами до командиров взводов обязаны держать войска в боевой готовности».

Эти мысли, не потерявшие, как представляется, своей актуальности и сегодня, важно учитывать, когда по прошествии 69 лет с июня 1941-го — мы пытаемся понять, почему события в начальный период войны сложились столь трагически для Красной Армии.

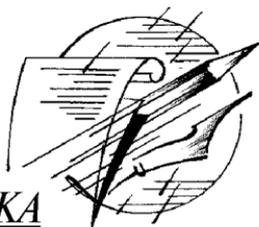
ДЕТИ ВОЙНЫ

К 65-летию Великой Победы

Люди живут не текущим днем, а чувство истории является одним из важнейших человеческих чувств, и глубже всего исторические события входят в сознание человека через его жизненный опыт и непосредственные впечатления. Историю войнами не удивишь. Войны случались в каждом столетии, но мировые произошли только в XX веке. Память о Великой Отечественной войне хранится не только на страницах учебников и научных монографий, но и в наших сердцах, в домашних альбомах и семейных преданиях. В первую очередь, благодаря этому не прерывается «времен связующая нить». И это очень важно.

В наше время на Западе запущен процесс ревизии итогов Великой Отечественной войны. Да и у нас в стране есть люди, которые иступленно повторяют слова В. Гроссмана: «Наше дело было неправое». Эта ложь приняла столь скандальный оборот, что при президенте РФ была создана комиссия по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России. Увы, среди членов комиссии оказались и некоторые активные фальсификаторы.

Конечно же, главное слово здесь принадлежит фронтовикам-ветеранам. Но их, к сожалению, с каждым годом ста-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

новится все меньше и меньше. Уходит последнее фронтовое поколение. А для молодежи «Война Отечественная уже сродни войне Троянской» (И.Губерман). Она не связана обетами с теми, кто строил и защищал СССР, и не несет в себе ярко очарования победы. Скоро о войне по праву памяти будут рассказывать только последние свидетели- «дети войны». С возрастом мы и сами все острее ощущаем потребность осмыслить то, что «проросло» из нашего военного детства.

«Дети и война» — словосочетание, вообще говоря, невысказанное. До XX века история подобного феномена практически не знала. Не нашел он отражение и в классической литературе. Боль и страдания, которые несли с собой войны, не подступали к детству столь близко, чтобы отчаянный детский крик раздался со страниц художественных произведений. Когда в романе Л.Тостого «Война и мир» во время пожара в Москве Пьер Безухов спасает из огня маленькую девочку, внимание автора концентрируется все же не на ребенке, а на Пьере. Ведь тогда считалось, что ребенок на войне — явление не типичное, из ряда вон выходящее. Увы, нашему поколению, тем, кто родился в 30-х и начале 40-х годов XX века, все военные тяготы пришлось испытать сполна.

Понятно, что воевали из нас единицы. Такие ребята действительно были. Некоторые из них даже носили на груди ордена и медали, а пионеры Леня Голиков, Марат Казей и Валя Котик за мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистским захватчиком, удостоены высшего звания Героя Советского Союза. Но все-таки это были исключительные случаи. Международная конвенция запрещает нахождение на фронте лиц моложе призывного возраста. Правда, сейчас в духе известного тезиса М.Швыдкого о том, что русский фашизм страшнее немецкого, определенные силы пытаются переосмыслить историю Великой Отечественной войны. И вот премию под названием «Кинонаграда MTV 2007» в номинации «лучший фильм» получает лента «Сволочи». Его действие разворачивается в некоем лагере в горах Казахстана, где по секретному приказу советского командования из малолетних преступников («сволочей») якобы готовят диверсантов для заброски в тыл к немцам. Возмущению национально-патриотической общественности тогда не было предела. Кинорежиссер В.Меньшов даже отказался вручать данный приз, демонстративно бросив конверт с результатами голосования на сцену. Но когда за дело взялись специалисты из ФСБ, то выяснилось, что подобные лагеря все же существовали, только не у нас, а у немцев.

Итак, наше поколение в целом не воевало. Воевали наши деды, отцы, наши сыновья, а кое у кого в Афганистане и Чечне повоевали уже и внуки. Нам воевать не пришлось, но мы были детьми самой страшной в истории человечества войны, которая каждый день делила людей на живых и мертвых. Горе пришло практически в каждую семью, не обошло ни старых, ни малых. Большое количество детей погибло от вражеских бомбардировок, от голода и холода на оккупированных территориях, некоторые остались на всю жизнь инвалидами.

Самый первый день войны по младенчеству лет совсем не отложился в моей памяти. На фотографии, датированной 1941 годом, я еще безмятежно улыбаюсь. Трагические впечатления от мозаики военного времени начали накапливаться позднее. Естественно, в наших детских воспоминаниях много общего: карта на стене с флажками, отмечавшими линии фронтов, голос диктора Левитана из черной тарелки репродуктора, при первых звуках которого все замирало вокруг, окаменевшие лица людей после получения «похоронок». Конечно, и войну все переживали по-разному. Одно дело дети блокадного Ленинграда и пылающего Сталинграда и совсем другое — дети тылового города Нижнего Новгорода (в ту пору Горького), где я родился и провел все военные и послевоенные годы. Естественно, мои воспоминания более скромны и совсем неприязнительны. Однако следует сказать, что в связи с массовым применением авиации и высокоманевренных танковых войск Вторая мировая война значительно изменила представления о тыле. Осенью 1941 года районы Верхнего Поволжья (Калинин, Ржев) были оккупированы фашистами, а Горьковская и ряд других областей попали в зону возможного продвижения вражеских армий. Так что приметы военного быта на каждом шагу проступали и в Горьком. Город заполнили беженцы с детьми. С ними делились всем, чем могли. Особым вниманием и заботой пользовались ленинградцы. На детей, прибывших из блокадного Ленинграда, страшно было смотреть: резко похудевшие с глубоко запавшими, полными боли глазами. Им требовалась срочная медицинская помощь. Нижегородская земля приютила и маленькую ленинградку Таню Савичеву, которая записала в своем, теперь всемирно известном, дневнике страшные слова: «Савичевых больше нет. Кроме меня, умерли все». К сожалению, не удалось спасти и Таню. Последствия дистрофии оказались необратимыми. Сейчас на Нижегородчине создан мемориал Тани Савичевой. Ее именем названа открытая астрономами планета 2127.

Как уже говорилось, наш город тоже не являлся глубоким тылом. В начале войны, когда оборонные заводы перебазировались с запада на восток, Горький стал главной кузницей, ковавшей вооружение для Красной Армии. Здесь были изготовлены каждый третий танк, каждая четвертая пушка. Гитлер постоянно требовал разбомбить эту «чертову кузницу». Нас действительно часто бомбили. Бывало, сидим в детском саду, обедаем, а по репродуктору объявляют воздушную тревогу. Бросаем вилки, ложки и бежим в бомбоубежище. Там, наверху, земля ходуном ходит, а здесь воспитатели нам сказки рассказывают, песни поют. А ведь это — женщины, у них у самих сердце разрывалось от страха. Бомбовые удары наносились главным образом по заречной части города, где производилось оружие для фронта. Наша нагорная часть, представлявшая собой культурно-административный центр, серьезного военного производства не имела. Однако одна бомба упала и здесь, совсем близко от моего дома. Поэтому говорили, что произошла случайность.

Здания в нашем районе были старой постройки, в основном одноэтажные и двухэтажные. Над ними, как небоскреб, возвышалась Спасская церковь, построенная в конце XIX века в честь чудесного спасения царской семьи во время железнодорожной катастрофы. И вот, на всякий форс-мажор, на вершину этой церкви затащили зенитный миномет. Боец открыл огонь по летевшему на Автозавод немецкому самолету, а он в ответ развернулся и сбросил бомбу. Ту ночь я запомнил на всю жизнь. Мать разбудила меня и сказала, что объявлена воздушная тревога. И почти сразу же раздался чудовищной силы взрыв. Обезумевшая от страха кошка прыгнула с русской печки бабушке на шею. Оторвать ее не смогли, так с кошкой на шею и спустились в бомбоубежище. У бабушки потом до самой смерти оставались на шее глубокие рубцы. В результате воздушного налета были разрушены дома, убиты и ранены люди. По малости лет меня до того места не допустили. Но когда я пошел учиться в школу, то увидел там ребят без руки и ноги. Они потеряли их той ночью.

Нынешние молодые чиновники уже забыли про рубцы и шрамы старших поколений. Поэтому мои сверстники, лишившиеся здоровья в тяжелейших условиях войны и послевоенной разрухи, сейчас безрезультатно стучатся в двери различных инстанций. Ответ один: медицина теперь в основном платная, вы не участники ВОВ и должны за все платить. Но, во-первых, мы давно уже за все заплатили, возродив после войны страну и превратив ее в Великую мировую державу. А во-вторых, позвоительно спросить, когда на

людей падают бомбы, они участники войны или нет? Мы не были участниками боевых действий, но участниками войны мы, безусловно, были.

Мы не играли в войну, как это обычно делают дети, мы в ней участвовали. Более того, мы последнее поколение, которое вправе сказать, что Победа в войне — это и наша Победа. Однако кому из чиновников это интересно? Даже малолетним узникам нацистских лагерей только сейчас начали что-то выплачивать в виде компенсации из немецких фондов. Это тем более удивительно, что на страну пролился буквально дождь нефтедолларов. Но тратятся они на погашение долгов Западу, неведомо кем взятых и неведомо на что потраченных. Несмотря на финансовый кризис, покупаются футбольные клубы и многомиллионные яхты. И только на ветеранов денег вечно не хватает. Неужели они не заслужили право на достойную жизнь? Ведь при теперешней инфляции даже повышение пенсий на 40% в 2010 году не решит их проблем. А правительство заявляет о своем намерении создать фонд для будущих поколений. Да пусть эти поколения сами хоть что-нибудь для себя сделают! А фундамент мы им уже заложили.

Но продолжим рассказ о жизни военной поры. Школа у нас была деревянная с шестью классными комнатами. Поэтому занятия шли в две, а то и в три смены. Отопление — печное. Зимой в сильные морозы в классе замерзали чернила, и занятия отменялись. Война ухудшила качественный состав преподавательских кадров. Учителя-мужчины ушли на фронт. Их место заняли люди, порой не имевшие достаточного педагогического опыта. А в военные и послевоенные годы возникала масса вопросов, с которыми и опытным учителям приходилось сталкиваться впервые. Подлинным бедствием того времени стала безотцовщина. Много, очень много наших отцов погибло на фронте. Вскоре после войны одну из советских школ посетила английская делегация.

— Кто твой отец? — спросили гости какого-то паренька.

— У меня нет отца, — ответил тот.

— А твой? — спросили другого.

— И у меня нет отца, — опять последовал ответ.

Тогда учитель сказал:

— Подождите. Встаньте те, у кого есть отцы.

Встало всего несколько человек. И так везде. В нашем классе, например, отцов имели лишь восемь ребят.

Вызванное войной ухудшение социально-экономического положения общества привело к тому, что в классах появились переростки-второгодники, они пытались устанавливать свои порядки. Тех, чьи родители побогаче, обложили обро-

ком. Например, сын директора магазина приносил им разные деликатесы. Тех, что победнее, заставляли отрабатывать барщину. Один дважды второгодник не только списывал у меня все домашние задания, но еще и требовал, чтобы я решал за него задачи на контрольных работах. В остальном он относился ко мне неплохо и даже, как сейчас говорят, «крышевал», то есть защищал от других переростков. Вскоре нам все это надоело, и класс восстал. Мы, как римские легионеры, встали друг к другу спинами и отбивались от «поработителей» до последнего. Из боя вышли с разбитыми носами, но с чувством выполненного долга. Инцидент стал предметом разбирательства на педсовете и на школьном собрании. Нас, конечно, здорово ругали, однако переростки из класса исчезли. Обстановка разрядилась.

Но вообще мы были трудными учениками. Знаю это по себе. Когда мои родители приходили в школу, к ним сразу выстраивалась очередь учителей, желающих на меня за что-нибудь пожаловаться. Однажды классная руководительница поручила мне составлять список учеников, которые плохо ведут себя на уроках и переменах. Не думаю, что она сознательно пыталась насаждать среди нас стукачество. Просто, видимо, решила применить известный педагогический прием, и дала проблемному ученику серьезное задание. В растерянности я обратился к маме. «Составляй такой список, — ответила она. — Но пусть в нем всегда будет твоя фамилия». На этом все и закончилось.

Известно, что учеба — это большой труд, требующий от человека значительного напряжения сил. Сегодня много говорят о том, что дети в школах перегружены, и это неблагоприятно сказывается на их здоровье. Не знаю. Наше отнюдь не закормленное и ослабленное войной поколение училось очень упорно. Начиная с четвертого класса, мы сдавали по 4—6 переводных экзаменов в год. А в десятом, выпускном классе было 10 экзаменов: два письменных (по математике и литературе) и восемь устных. От себя добавлю, что будучи одновременно учеником музыкальной школы я еще ежегодно сдавал там три экзамена по музыкальным дисциплинам. И ничего, справлялись. Теперь же экзамены сдают только в 9-х и 11-х классах, причем выбор предметов остается за школьниками. А чтобы особо не напрягать достигших совершеннолетия юношей и девушек, выпускное сочинение заменили изложением. Надо ли удивляться, что качество подготовки учеников с каждым годом ухудшается.

В мужской школе (тогда мальчики и девочки учились раздельно) коллектив учителей был сугубо женский. Из мужчин —

только директор Иван Андреевич, безногий инвалид еще Первой мировой войны. Жена его бросила, и он постепенно опустился, став пьющим человеком. Если у себя в кабинете он выпивал стакан портвейна, то решать математические задачи становилось трудновато. И тогда Иван Андреевич говорил нам: «Сегодня мы будем заниматься не математикой, а пением». И весь наш класс под его руководством запевал популярную в ту пору детскую песенку про чибиса: «У дороги чибис. У дороги чибис. Он кричит, волнуется, чудак...»

Жизнь у Ивана Андреевича протекала так. Днем он с нами возился в школе, а вечером стоял у винного магазина. Четвертинку покупал на свои кровные, а там, смотришь, еще кто-нибудь угостит инвалида. Картина тягостная. Но мы верили, что это последняя война, дальше будет только счастливая мирная жизнь. И вот «промчались зимы с веснами, давно мы стали взрослыми», давно уже нет на свете нашего Ивана Андреевича. И что же? Я иду по знакомой с детства улице, и почти на том же самом месте, где он когда-то стоял, маячит теперь на костылях молодой безногий парень с медалью на груди. «Из Чечни?» — «Из Чечни. Дай сколько можешь».

Круг замкнулся. Снова война, снова взрывы, снова убитые и раненые почти каждый день. И уж совсем новый феномен — в заложниках дети, и не только в переносном, но и в буквальном смысле слова. Один Беслан чего стоит! Словно какая-то неведомая сила гонит и гонит нас по этому кругу. Видно, не зря говорил мудрый В.О.Ключевский, что история не учительница, а надзирательница, что она никого и ничему не учит, а только наказывает за не выученные уроки.

Итак, воспитывали нас в основном женщины, заматаные войной и послевоенным лихолетьем. Никто из них не принадлежал к числу корифеев педагогической мысли. Но, как могли, они учили нас уму-разуму, старались сделать настоящими людьми. Надо сказать, что учиться мне пришлось довольно долго (десять лет школы, пять лет университета, три года аспирантуры), и у меня очень много учителей. Среди них есть и скромные школьные труженики, и люди, имена которых знает весь мир. Но я им всем, вне зависимости от их степеней и рангов, бесконечно благодарен за их умный прекрасный труд: «Учитель, пред именем твоим позволь смиренно преклонить колени». Кому еще, кроме родителей, мы обязаны больше всего в жизни?!

Материальное положение людей во время войны было, конечно, очень тяжелым. Чтобы избежать голода, горожане сажали картошку, выращивали на грядках огурцы и помидоры. Наш детский сад снимал на лето дачу в помещении

Плодово-овощного техникума, расположенного в поселке Работки под Горьким. Техникум обладал обширными плантациями плодово-ягодных деревьев. Урожай были хорошие и обеспечивали витаминами детские и медицинские учреждения, да и мы, дошколята, часто лакомились ягодами в густых зарослях малины и смородины. Очень тяжело обстояло дело с продуктами. Многие горожане выменивали их у сельских жителей на свои вещи.

Теперь часто говорят о погроме деревни в период коллективизации. Не берусь обсуждать проблему в целом, но, когда мы с матерью приходили на рынок, меня всегда поражали нескончаемые ряды бидонов и бидончиков с молоком, множество корзин с творогом и разнокалиберных емкостей со сметаной. К сожалению, далеко не всем это было доступно, но детям всегда отдавали лучший кусок. В то время не было широковещательных федеральных программ, на разработку которых кормятся тучи прожорливых чиновников. Многие решения принимались низовыми структурами и имели прямое действие. Уже после войны мать рассказывала мне, что партийное собрание их учреждения постановило: все члены ВКП(б) должны для помощи подшефному детскому дому отчислять из своей зарплаты столько, сколько они смогут. Мать у нас была беспартийной, но и она, и многие ее товарищи по работе поддерживали начин коммунистов. Комсомольцы Горьковского Автозавода обратились к молодежи города с призывом за счет средств от стахановских вахт создать специальный Детский фонд. Деньги в него отчисляли также хозяйственные и общественные организации. Детей погибших воинов Красной армии патронировали многие предприятия, и даже некоторые более или менее обеспеченные люди. Но делать это приходилось очень деликатно. Ребят из рабочих семей, даже если они голодны, отнюдь непросто усадить не за свой стол. Не так воспитаны. С детства знали: на чужой каравай рот не разевай. Очень много помогала школа. Все ученики получали бесплатные завтраки, нуждающиеся обеспечивались одеждой и обувью. У кого ботинки «просили каши», тот обычно получал новые. Однако учителя очень нервничали, когда на класс приходила одна какая-нибудь крупная вещь (например, зимнее пальто), распределить которую по справедливости не представлялось возможным. Так что лозунг «Спасибо Родине за наше счастливое детство», был, безусловно, пропагандистским. Во время войны и в первые послевоенные годы понятие «счастье» сужалось настолько, что им считалось отсутствие несчастий.

Впрочем, и на нашу долю выпадали простые человеческие радости. Самые светлые воспоминания остались о пионерских лагерях. Что такое пионерский лагерь? Это ранние пробудки, гомон и суета в умывальных комнатах. После завтрака вся дружина выстраивается на линейке. Под звуки горна ввысь по флаштоку взвивается алый стяг. «Дружина, смирно! Равнение на флаг!» Строй замирает, и начинается сдача отрядных рапортов старшей пионерской вожатой. Весь день расписан по часам, бездельничать некогда. «От безделья — скука, от скуки — злорада, от злорады — подлость» — так говорил великий наш писатель, окончив свои «университеты». Ну, а в день закрытия лагеря задушевные разговоры и песни у костра: «Взвейтесь кострами синие ночи. Мы пионеры — дети рабочих». Романтика лагерного братства до сих пор живет в моей памяти. Либерально-демократические публицисты называют теперь пионерские лагеря «детским Гулагом». Ну, как же: по свистку в воду, по свистку из воды. Конечно же, их дети, отдыхающие с бонами и гувернантками на международных курортах, ни в каких свистках не нуждаются. А когда купается целый отряд, без жестких требований не обойтись. Спору нет, элитный индивидуальный отдых во всех отношениях комфортнее массового. Но такая роскошь и теперь доступна лишь немногим. А путевку в пионерский лагерь практически бесплатно получал каждый советский школьник. Его ждали лес, река, общение со сверстниками, весьма приличное питание. У новых русских сейчас в моде медицинское голодание. А во время войны критерием успеха оздоровительной работы считалось увеличение веса детей. «Вы должны «поправиться», — говорили нам вожатые. Тот, кто жил в то время, может все это оценить.

Пионерскую и комсомольскую организации сейчас вообще смешали с грязью. Дошло до того, что Н.Сванидзе (кстати, член комиссии по борьбе с фальсификацией истории) назвал их «советским гитлерюгендом». Параллельно идет компания по развенчанию пионеров и комсомольцев-героев. Средства массовой информации сообщают, что Александр Матросов был беспризорником и хулиганом, а Зоя Космодемьянская наблюдалась в психоневрологическом диспансере. Из «Молодой гвардии» сделали комикс, где Олег Кошевой выступает в качестве терминатора, а Любовь Шевцова — в роли куклы Барби. Тем, кто это делает, не понять, что мученическая смерть совсем еще молодых людей явилась выражением того, что Лев Толстой назвал «народным чувством». И это чувство как нельзя лучше выражало Отечественный характер войны.

Безусловно, и пионерскую, и комсомольскую организации отличали чрезмерная идеологизированность, но их заслуги в деле воспитания детей и юношества не подлежат сомнению. Они воспитывали у подрастающего поколения чувства патриотизма, ответственности, уважения к труду, умение жить среди людей и для людей. Практически вся детвора была охвачена различными кружками и спортивными секциями. Никто не болтался по чердакам и подвалам, никто не наркоманил. И еще. Стать пионером и комсомольцем мог при желании практически каждый советский школьник, а вот до «гитлерюгенда» многих из теперешних «отвязанных» публицистов и близко бы не допустили — не прошли бы по расовым и национальным критериям.

Настоящим центром детства у нас в городе стал Дворец пионеров. Он существует и сейчас, но в духе времени его окрестили Домом творчества юных. До революции в этом здании размещался Поземельный банк, а в годы советской власти оно было передано детям. Мне на всю жизнь запомнился этот сказочный дворец с паркетными полами, мраморными лестницами и хрустальными люстрами. В просторных комнатах за массивными дубовыми дверями с медными ручкам размещались различные кружки. В кружке радиолюбителей имелась настоящая радиостанция. В кружке юных речников стоял настоящий капитанский мостик со всем положенным оборудованием. Разумеется, работали драматический и фото кружки. А каким уютом отличалась библиотека! В актовом зале регулярно проходили встречи с интересными людьми: писателями, композитрами и, конечно же, с героями войны. В ту пору мы зачитывались книгой Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке». По ней были поставлены спектакли, а выдающимся советским композитором Сергеем Прокофьевым написана даже опера. Героем всех этих произведений являлся Алексей Маресьев, в судьбе которого проявились самые лучшие черты советского народа и конкретно поколения, сражавшегося за свободу и независимость нашей Родины. Боевой летчик, тяжело раненный в воздушном бою, 18 суток ползком пробирался по вражеской территории к линии фронта. После ампутации голени обеих ног он вернулся в истребительную авиацию и сбил еще семь вражеских самолетов. И вот этот человек-легенда приехал к нам во Дворец пионеров. Он идет к трибуне неторопливой, совсем обычной походкой. Зал стоя, аплодирует ему. А мне по-мальчишески хочется крикнуть: ну, покажите протезы! Понятно, что такие встречи запомнились на всю жизнь.

Трудно поверить, но в «сороковые-роковые» у нас в Нижнем Новгороде уделялось большое внимание вопросам эстетического воспитания. Был открыт Дом одаренных детей, где собрали ребят-сирот, проявивших способности в области музыки, живописи и театрального искусства. Об этом доме поначалу писала местная пресса, но в целом он не оправдал своего претенциозного названия. Гораздо более удачным оказался другой проект. В одном из детских домов председатель горисполкома услышал пение мальчиков с красивыми голосами. Возникла идея создать в городе хоровую капеллу, специализированное учебно-музыкальное учреждение интернатного типа. И вот эта самая хоровая капелла почти в полном составе приехала в пионерский лагерь на реке Линде, где я проводил лето. Нужно сказать, что в ту пору я сам загорелся желанием учиться музыке. Проблема заключалась в отсутствии музыкального инструмента. Музыку у нас в семье, как впрочем, и в большинстве других семей, конечно, любили, но профессионально ею никто не занимался. Устойчивой семейной традиции не было, и мое внезапно вспыхнувшее увлечение не казалось матери серьезным. Влезать же в долги и покупать дорогостоящую вещь, которая потом будет никому не нужна, она не считала разумным. А в лагере я от своих новых друзей узнал, что в капелле они не только поют, но и занимаются игрой на фортепиано, изучают музыкально-теоретические дисциплины. Самое главное, обучение в интернате не предполагало наличие собственного инструмента. В общем, я решил, что капелла мне вполне подходит. Вопрос о том, подхожу ли капелле я, у меня как-то не возникал. Кое-какой певческий опыт я приобрел, участвуя в школьных хорах (тогда это было почти обязательное мероприятие). Пел я, конечно, не как Робертино Лоретти, но все-таки вполне прилично, и шансы стать капелланом у меня, вероятно, были. Но за несколько дней до конкурсного прослушивания я то ли простудился, то ли просто излишне накричался, бегая с ребятами по улице, и голос у меня заметно сел. Я, конечно, принял экстренные меры для исправления положения. Знакомая медсестра посоветовала мне пить сырые яйца, как это делала безголосая певица в фильме «Веселые ребята», а горло снаружи смазать йодом.

— А йод-то зачем? — изумился я, поскольку помнил, что этим снадобьем мать мне смазывала только мелкие ссадины и царапины.

— Радиоактивность — важно обронила медсестра.

Сраженный столь ученым ответом, я больше вопросов не задавал и так с желтым от йода горлом предстал перед взыс-

кательной комиссией. Мой необычный вид сразу же привлек всеобщее внимание. Когда разъяснилось, в чем дело, надо мной посмеялись и велели прийти еще раз, когда голое полностью восстановится. Но я обиделся и в конечном итоге учиться пошел не в капеллу, а в Центральную музыкальную школу при Нижегородской консерватории. Нижегородская же хоровая капелла давно уже стала высокопрофессиональным музыкальным коллективом, широко известным не только в России, но и за рубежом.

Военное детство заставляло нас рано взрослеть. Нам говорили: «Ваши отцы, сражающиеся с фашизмом, — герои. Будьте же их достойны!» Лозунг был один: «Все для фронта! Все для победы!» Остальное — потом. В советской педагогике трудовое воспитание традиционно занимало значительное место. К сожалению, оно сегодня вымывается из системы образования. Более того, в постсоветской России из обихода практически исчезло слово «труд». Попробуйте заговорить о нем с современными молодыми людьми. Скорее всего вас просто не поймут. Предел их мечтаний устроиться в какой-нибудь теплый офис и «висеть» часами на сайте «Одноклассники». А в военное время труд вышел за пределы простой воспитательной категории и превратился в стратегию выживания. Газета «Правда» обратилась к советским школьникам со специальным воззванием: «Весь наш тыл работает для фронта, борется с фашистскими захватчиками. Разве в борьбе нет места для подрастающего поколения? Мы можем прямо сказать нашим детям: «Юные граждане Советского Союза! Социалистическая Родина отдала и отдает вам все лучшее. Пришел час, когда и вы должны ей помочь, сослужить службу». И по мере возможности мы тоже втягивались в трудовой процесс, помогали стране, чем могли. Собирали лекарственные растения для раненых, металллом для танка «Горьковская пионерия». Юные горьковчане с гордостью узнали, что он стал головным в танковой колонне «Пионерия Советского Союза». Летом на колхозных полях зрел урожай, а рук для его уборки не хватало. Поэтому мы выезжали на сельхозработы. Особенно тяжело было собирать под палящим солнцем колоски. Работали наравне со взрослыми. Правда, взрослые практически все были женщинами.

Отдельно надо сказать о шефских концертах в госпиталях. Нагляделись мы там всякого. Столько физических и моральных страданий на крошечных пятачках земли. Как-то раз, когда мы спели свои пионерские песни в одном из госпиталей, меня к себе жестами подозвал тяжело раненный боец. С трудом приподнявшись на локтях, он спросил:

— А вы русские песни поете?

— Нет, — растерялся я, — не поем.

— Эх, жаль, — выдохнул раненый и откинулся на подушку.

Разговор слышала наша вожатая, и к следующему концерту положение было исправлено. А однажды около импровизированной сцены, на которой стоял наш хор, я увидел в инвалидной коляске совсем молодого парня без рук и ног. Он слушал нас и плакал, а медсестра все время вытирала ему слезы платком. Прощаясь, мы как стон услышали: «Живите!» Но выпадали и радостные мгновения. На концерте, посвященном очередной годовщине Красной армии, который проходил в Драматическом театре, мы изображали буденновцев. Нам долго аплодировали, а в конце военные взяли нас на руки и стали угощать разными вкусными вещами. А какую радость доставляли новогодние елки! Елочных игрушек тогда практически не было, и все приходилось мастерить самим: из бумаги вырезали снежинки, грецкие орехи обертывали фольгой. Получалось очень симпатично. Сейчас в магазинах можно найти елочные игрушки на любой вкус, но ведь это штамповка, не согретая теплом своих рук. Однако и новогодние праздники несли печать своего времени. На одной из елок военной поры мальчишку с соседнего двора, будущего поэта Ю. Адрианова попросили прочесть стихотворение. Он взобрался на стул и продекламировал: «Граждане! Внимание! Воздушная тревога! Граждане! Внимание! Воздушная тревога!»

Конечно, жизнь скрашивали сатира и юмор. От военных лет остался в памяти анекдот. В подземном бункере Гитлер стоит перед своим портретом и с тоской спрашивает, что же теперь будет? А портрет ему отвечает, что ничего особенного не произойдет: меня снимут, а тебя повесят». К сожалению, повесить Гитлера не успели, сам покончил с собой.

В конце войны в Горьком появились немецкие военнопленные. Ну и видок был у этих потомков нибелунгов: мрачные, землистые лица, обгерханные шинели, смешные пилотки с отпущенными отворотами и шеи, замотанные каким-то тряпьем. Все точь-в-точь, как на карикатурах Кукрыниксов. Еще гремели бои. Где-то в снегу под пулями лежал мой папа, а для этих война уже закончилась. На соседней с нами улице немцы строили дом. Поначалу их хорошо охраняли, но потом режим охраны был либерализован. Проходя мимо стройки, мы часто останавливались и глядели на поверженных противников. Молодой немец Эрик заметно выделял меня среди других ребят. Когда я появлялся, он сразу подходил ко мне, улыбался, пытался что-то рассказывать о своем

сыне, по-видимому, моем ровеснике, и даже подарил немецкую губную гармошку, сразу же ставшую предметом всеобщей зависти. Однажды он на ломанном русском языке попросил купить в коммерческом магазине килограмм сахара. Само собой, вручил определенную сумму денег. Но в бакалейном отделе глаза у меня разбежались, и вместо сахара я купил конфеты, причем сам же с ними и расправился. Однако сладости показались почему-то горькими, и меня начали терзать сомнения. С одной стороны, немцы, хотя и пленные, — наши враги, что с ними церемониться? С другой, как ни крути, получилось нездорово. Ведь подумают, что же это русские за народ, если у них дети такие. Промучившись весь день, вечером я разбил свою копилку. Копилка была шикарная в форме зайца с красным бантом и с прорезью для монет. Мать, наблюдая за мной, сказала: «Правильно, купи немцам сахара, раз обещал. Пусть о нас плохо не думают». Тогда мы чувствовали себя уже победителями.

Самым радостным и незабываемым стал, конечно, день 9 мая 1945 года. Вот уж его я точно запомнил на всю жизнь. Еще в первый день войны было сказано: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами». И вот из всех радиоприемников зазвучал ликующий голос Левитана: «Великая Отечественная война, которую вел советский народ против немецко-фашистских захватчиков, победоносно завершена. Германия полностью разгромлена!» Сталь русского характера переломала чужую сталь. Народ вышел на улицы. Зелень пробивающейся молодой травы, сияние боевых наград на гимнастерках фронтовиков, искры солнца в красном домашнем вине на вынесенных во дворы столах — все слилось в одном неповторимом радостном калейдоскопе. Все плакали и смеялись от счастья. Не хочу ни у кого выжимать ностальгическую слезу, но никогда я больше не видел столько счастливых, улыбающихся людей, такого настоящего человеческого братства. Сегодня россияне разделились на новых (меньшинство) и старых (большинство) русских, и на улицах видишь надменно-снисходительные лица одних и отрешенные лица других, но не улыбается никто. А тогда даже совсем незнакомые люди обнимались и поздравляли друг друга. Словно наступили евангельские времена: «На земле мир и в человецах благоволение». Жильцы нашего двухэтажного деревянного дома накрыли во дворе столы. Каждый принес что-то из своих небогатых запасов, и начался общий пир. Наверное, это был момент наивысшего единения всего народа. В памяти осталась такая деталь: матери как знамена поднимали вверх своих малышей. Ведь дети — это самое пре-

красное знамя жизни на земле. Но они же становятся самой легкой добычей любой войны. И отнюдь не случайно вскоре после победы над фашизмом был учрежден «Международный день защиты детей», который отмечается 1 июня каждого года. Ведь к словосочетанию «дети и война» действительно нельзя привыкнуть. Если это произойдет, то у человечества не будет никакой надежды остаться «планетой людей».

Война принесла одну беду на всех, да и первые послевоенные годы оказались нелегкими. Не хватало самого необходимого — жилья, одежды, продовольствия. Но почти каждый день приносил что-то хорошее. Из пепла возрождались города и промышленные предприятия. Горьковский автозавод восстановил разрушенные фашистами корпуса и начал выпуск новой машины с гордым названием «Победа». В парках и садах вновь заиграли духовые оркестры. Известный советский композитор М. Блантер даже написал песню «В городском саду играет духовой оркестр». В нашем городе было целых три оркестра. Оркестр Горьковского гарнизона, оркестр железнодорожников и оркестр пожарных. Позднее на Волжском откосе возобновились симфонические концерты. Здесь Волга, поэзия и музыка сливались воедино, создавая своеобразное триединство гармонического постижения мира. Словом, жизнь становилась лучше, жизнь становилась веселее. В 1947 году СССР первым из воевавших государств отменил карточную систему. И несмотря на невероятные тяготы военного и послевоенного времени, моральная атмосфера в обществе была много чище и здоровее, чем сейчас. Все понимали, что чужого горя не бывает. Мы не знали диких социальных контрастов и чудовищного расслоения общества. Расхожая ныне фраза «Если ты умный, то почему такой бедный» вообще воспринималась бы как нонсенс.

Сплоченность и взаимовыручка помогли преодолеть самые тяжелые испытания. Все, с кем я учился, стали достойными людьми. В определенном смысле наше поколение самое плодотворное и творческое в советской истории. Трудности военного детства закалили характер. Мы пришли на смену понесшему большие потери поколению фронтовиков. Многие позиции в экономике и культуре просто пустовали, так что возможности проявить себя имелись большие. Выросшие дети войны внесли весомый вклад во всех областях науки, техники и искусства. Среди нас есть ученые, врачи, инженеры, Заслуженные учителя и Заслуженные деятели науки. Вот какие у меня одноклассники! Мы всегда чувствовали, что за нами стоят мощь великой страны, вершинные дос-

тижения нашей цивилизации, героический подвиг наших предков. Сегодня героев военных лет осталось уже совсем мало.

Таких людей, как они, наверное, уже не будет, да и времени такого тоже. Все, что сделали мы, было уже потом. Главное сделали они. Я часто думаю, а что сделают те, кто идет нам на смену? Трудно однозначно оценить современное молодое поколение. Нам, детям войны, и в кошмарном сне не могло присниться, что в России появятся какие-то «нашисты» и начнут борьбу с «русским фашизмом», который, по словам их идеолога М.Швыдкого, «страшнее немецкого». Особый разговор опять-таки о детях. Давно замечено, что дети — самое непосредственное выражение характера эпохи. Неудивительно, что послевоенные поколения детей существенно отличаются от военного поколения. В конце 70-х годов газета «Комсомольская правда» опубликовала интервью с кинорежиссером Ларисой Шепитько, поставившей фильм «Восхождение» по одноименной повести В.Быкова «Сотников». И вот что интересно: и в повести, и в фильме действует немало персонажей, требующих талантливого актерского воплощения. Здесь и главный герой Сотников, хлипкий с виду человек, проявляющий в критический момент подлинное величие духа и восходящий к самым вершинам героизма, и лихо воюющий партизан Рыбак, на поверку оказавшийся все же мелким, малодушным человеком, и предатель Портнов, работающий у немцев следователем. Однако трудности все же возникли при подборе актеров не на эти роли. Есть в фильме такой эпизод. Сотников стоит на площади уже с петлей на шее. В последние мгновения жизни ему психологически важно найти какую-то точку опоры. Взгляд Сотникова останавливается на мальчишке лет двенадцати. Он все время смотрит на этого русского паренька, а тот, не отрываясь, глядит на него. Весь эпизод идет не более двух минут, но подобрать мальчишку на такую эпизодическую роль оказалось труднее всего. Перепробовали огромное количество ребят, и все было что-то не то: не тот взгляд, не та осанка. Перефразируя название известной книги С.Алексиевич, можно сказать, что у войны не детское лицо. Видимо, уже мальчишкам 70-х годов было непросто изображать «мальчишек неласковых лет».

А сегодняшние дети вообще совсем другие. Они живут не только при ином строе, но и в иной стране, располагающей совсем не теми возможностями, что имелись у Советского Союза. Уже сколько лет демократы обличают нас «слезой ребенка», взятой напрокат у Достоевского? И что же мы видим сегодня в демократической России? Дети олигархов ку-

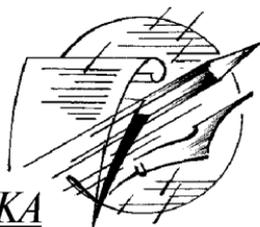
паются в роскоши, а детей из малообеспеченных слоев населения с утробного периода используют на плацентарную косметiku и донорские органы. Про педофилию уж и говорить не хочется. Молодежи навязывают иную идеологию, в значительной мере обесценивающую жизнь и деятельность старших поколений. Наше поколение входило в жизнь окрыленным верой в торжество добра и справедливости, знало, что после нас останется что-то существенное (город науки под Новосибирском, мост через Великую реку, книги, песни). Мы постигали грамоту со слов букваря «Рабы — не мы, мы — не рабы». С уст сегодняшних молодых слетают совсем другие слоганы: «Не дай себе засохнуть!», «Живи в свое удовольствие!», «Бери от жизни все!». Современные молодые люди представляют собой какое-то неестественное смешение внешней взрослости и внутреннего инфантилизма. Им предлагают грести обратно к «берегу капитализма», от которого в 1917 году отплыли их деды и прадеды. У них много своих проблем. Есть, конечно, и свои преимущества. Вместо стального перышка и чернил — компьютеры, мобильники, Интернет и другие чудеса современной цивилизации. Но мы им не завидуем. Ведь что ни говори, а мы были детьми не только войны, но и Великой Победы. У нас была Великая Эпоха!

ОНИ РАСПРОДАЮТ РОССИЮ

«Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока, Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики на 2009—2018 годы» является, пожалуй, беспрецедентным в мировой истории примером, когда формально великая держава, обладающая формально огромным военным потенциалом, просто сдает другой стране почти половину своей территории. А народ при этом безмолвствует.

Провидцем быть очень тяжело и неприятно. Просто мучительно. Свойство человеческой психики таково, что умом понимаешь, насколько всё будет плохо, а душа это отталкивает. И говорит о том, что, наверное, так плохо всё же не будет. Увы. Будет даже хуже.

Я несколько лет назад предсказывал, что наша нынешняя власть ликвидирует ВС РФ, превратив их остатки в придаток Внутренних войск (для решения внутренних же задач), а также в выставку вооружений для потенциальных импортеров. Душа говорила, что так всё-таки не может быть. Оказалось, что очень даже может. Нынешние «реформаторы» с ошеломляющей скоростью провели в жизнь именно этот вариант.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Про китайскую угрозу во всех ее аспектах я тоже пишу много лет. И здесь душа верить отказывалась, нашептывая, что не может же быть так плохо. И здесь, однако, разум победил. Именно так плохо всё и будет.

Национально-освободительная армия Китая (НОАК) стала делать «Большие шаги», совершенно откровенно репетируя агрессию против России. В условиях вышеупомянутой ликвидации наших собственных ВС и эфемерности ядерного сдерживания (по крайней мере, применительно к Китаю) Кремль, видимо, пришел к выводу, что лучше сдать сразу. А Китаю только того и надо, ведь еще Сунь-Цзы учил, что лучше победить, сохранив вражескую армию, чем уничтожить ее.

«Программа сотрудничества» между регионами Дальнего Востока, Восточной Сибири и Северо-Востока КНР, опубликованная на сайте «Ведомости», предполагает сдачу Китаю практически всех месторождений полезных ископаемых (кроме, пожалуй, якутских алмазов) во всех регионах к востоку от Красноярского края. Т.е. практически на половине территории страны. Включая Магаданскую область, Сахалин, Камчатку и Чукотку, куда китайцы пока проникли довольно ограниченно из-за отсутствия наземных коммуникаций. Чтобы устранить этот досадный недостаток, будет открыто прямое авиасообщение по маршруту Петропавловск-Камчатский — Далянь. А потом товарищи полетят к нам широким потоком по множеству направлений: будут организованы авиалинии из Хух-Хото, Хайлара, Маньчжурии (в данном случае речь идет о городе Маньчжурия), Харбина, Чаньчуня, Шэньяня, Даляня, Муданьцзяня, Цзямусы, Цицикара, Хэйхэ, Дацина во Владивосток, Магадан, Читу, Улан-Удэ, Иркутск, Красноярск, Новосибирск, Южно-Сахалинск, Якутск, Анадырь, Петропавловск-Камчатский, Томск. Можно обратить внимание, что здесь охвачена уже и Западная Сибирь.

Не надо думать, что стратегические союзники полетят к нам только по воздуху, гораздо больше их поедет по земле. Описание автомобильных и железных дорог, которые товарищи поведут со своей территории на нашу, занимает несколько страниц «Программы». Под это дело будут максимально расширяться пограничные пункты пропуска, чтобы не создавать «друзьям» неудобств (пока граница еще формально существует).

Часть «друзей» поедет к нам в качестве туристов, чему посвящен небольшой раздел «Программы». Но большинство их займется другим, гораздо более полезным для своей страны делом. Они приступят, наконец, к хозяйственному освоению Сибири и Дальнего Востока «по полной Программе».

От Иркутской области до Чукотки китайцы займутся освоением десятков месторождений золота, серебра, меди, молибдена, титана, ванадия, магнетитов, угля (в т.ч. содержащего редкоземельные металлы), апатитов, цеолитов. Они будут также заниматься вырубкой и переработкой нашей древесины, глубокой переработкой уловов водных биоресурсов, зверобойным промыслом, разливом байкальской воды. Кое-где они будут строить жилье — на Сахалине, в Петропавловске-Камчатском, в Улан-Удэ. Т.е. там, где пока еще китайцев относительно мало. Но когда их и там станет много, надо же им будет где-то жить. Вот и построят они себе доступное жилье. Под это дело там же построят кирпичные заводы. Потому что к освоению новых территорий китайцы подходят очень основательно. Они приходят навсегда. Ведь на всех этих многочисленных месторождениях и немногочисленных заводах будут работать именно китайцы.

Территория Северо-Востока Китая тоже будет охвачена «Программой». Там будут строиться перерабатывающие высокотехнологичные предприятия для освоения сырья, приходящего из регионов, которые Россия пока формально будет считать своими. Разделение труда абсолютно четкое — на территории как бы России в рамках «Программы» не появится ничего более «наукоемкого», чем кирпичные и цементные заводы. На территории же Китая будут исключительно предприятия высокой переработки, а также логистические и торговые комплексы (мы даже и этого не удостоились).

Причины такого разделения банальны — у нас нет ни людей, ни технологий. Технологий по большей части вообще нет, а людей нет на востоке страны. Возможность того, что их можно туда «заманить» экономически (хотя бы работой на добывающих и обрабатывающих предприятиях) в Москве, видимо, никому даже не приходит в голову. В Москве вообще никому никогда не приходит в голову, что какие-то негативные тенденции в развитии страны можно попытаться переломить.

Несколько лет назад одним из любимых лозунгов юных кремлевских штурмовиков была борьба с «пораженцами». Под коими подразумевались либералы, которые якобы не верили в наши светлые перспективы, в наш «подъем с колен». По этой концепции представители нынешней власти как раз числились «антипораженцами». Хотя, пожалуй, не то что в отечественной, но в мировой истории трудно найти больших пораженцев, чем та группа лиц, что руководит сегодня Россией. Она капитулирует перед любым противником (противником может быть не только «кто-то», но «что-то»), причем еще до того, как он потребует капитуляции. Случай с Китаем — самый яркий пример такой политики.

Да, разумеется, иностранный капитал и иностранные технологии были бы абсолютно необходимы для того, чтобы Россия смогла освоить свой собственный восток, закрепить его за собой. Было бы совершенно нормально, если бы вышеупомянутые десятки месторождений золота, серебра, меди, молибдена, титана, ванадия, магнетитов, угля (в т.ч. содержащего редкоземельные металлы), апатитов, цеолитов были бы примерно в равных пропорциях (по несколько штук) отданы для освоения компаниям из Китая, Тайваня, Южной Кореи, Японии, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Индии, «тигров» Юго-Восточной Азии, возможно, из стран ЕС. С условием строительства по соседству с месторождениями перерабатывающих предприятий по новейшим технологиям, на которых будет работать российский персонал (за исключением специалистов-инструкторов и части руководства). Это было ответственной политикой ответственной власти.

Если все месторождения сдаются одной стране, то это, мягко говоря, странно. Если эта страна — Китай, то все вопросы насчет нашего будущего снимаются. Поэтому китайцы уже не уйдут, они совершенно легально поглотят Восточную Сибирь и Дальний Восток, полностью привязав его к себе экономически и колонизировав демографически (т.е. полностью повторив ковровский вариант, только в других масштабах и гораздо быстрее). Отыграть ситуацию назад будет невозможно уже никаким способом. Даже если предположить, что в Кремле появится такая власть, которая попросит китайцев уйти, излишне объяснять, что сделано этого не будет. А сил для того, чтобы заставить их уйти, у Москвы не будет тем более.

Во-первых, как уже было сказано, экономика Сибири и Дальнего Востока станет частью экономики Китая.

Во-вторых, политическая и экономическая элита этих регионов будет на 100% скуплена Китаем и станет обслуживать его интересы.

В-третьих, китайцев в этих регионах станет больше, чем россиян. При этом значительная часть россиян уже тоже поневоле китаизируется (и в силу жизни в китайском окружении, и по соображениям экономического характера).

В-четвертых, от ВС РФ к тому времени, видимо, не останется практически ничего. Немногочисленные части в Сибири и на Дальнем Востоке будут сразу и намертво заблокированы китайцами, так же, как и транспортные коммуникации из европейской России. Зато из самого Китая в рамках «Программы» будут построены замечательные и очень удобные коммуникации, по которым части НОАК будут переброшены на российскую территорию практически мгновенно.

но. А китайские Стратегические ядерные силы (СЯС) к тому времени будут заведомо сильнее российских. Соответственно, ядерный фактор тоже не сработает.

После этого юридическое оформление принадлежности Восточной Сибири и Дальнего Востока Китаю станет чистой формальностью, не имеющей даже особого значения.

Если «Программа» будет проведена в жизнь, октябрь 2009 г. войдет в историю как месяц, когда была оформлена ликвидация России в ее нынешнем виде. При этом даже не очень понятно, а какую выгоду от этого получит остальная Россия. Впрочем, главное, что выгоду получит определенная группа лиц...

Комментарий

«Программа сотрудничества на 2009—2018 годы между регионами Дальнего Востока, Восточной Сибири России и северо-востока КНР», одобренная президентом РФ Дмитрием Медведевым и председателем КНР Ху Цзиньтао, о которой сообщили «Ведомости», означает, как минимум, **продажу нашим «китайским друзьям» оптом сырьевых ресурсов Восточной Сибири и Дальнего Востока, а как максимум — запуск постепенного (растянутого, возможно, на десятилетия) процесса передачи этих территорий Китаю.**

Я не собираюсь детально анализировать последствия этого шага российских властей — это блестяще сделал в своей статье Александр Храмчихин, добавить к его анализу нечего. Я же постараюсь ответить, зачем и почему российские власти сделали это.

Причин подобного решения может быть несколько. Первая, лежащая, можно сказать, на поверхности — это коррупция, причем на самом высшем уровне. Как ни дико это звучит, но высшие руководители Российской Федерации могли получить банальные «откаты» за сделку, заключенную на столь невыгодных для России условиях. (Один из недавних японских премьеров пару-тройку лет назад откровенно объяснил, что правительство этой страны намерено решить проблему Курил с помощью финансирования нужных людей в Москве. И процесс этот, как мы видим по результатам, определенно пошел.)

В государстве, где коррупция является не просто пороком системы государственного управления, а системообразующим фактором, подобное предположение выглядит отнюдь не фантастическим. Если оно верно, то суммы этих «откатов» должны быть поистине астрономическими.

Другой причиной могло быть желание нынешнего российского руководства получить дополнительные гарантии ус-

тойчивости своей власти. Китайские лидеры должны прекрасно понимать, что в случае смены власти в России **любое правительство, которое придет на смену нынешнему**, будь оно либеральным, коммунистическим, националистическим, красным, белым, зеленым или серо-буро-малиновым в крапинку, **немедленно поставит вопрос о пересмотре условий «сотрудничества»**, столь выгодного для Китая, но прямо **противоречащего национальным интересам России**. Таким образом, Китай становится субъектом, непосредственно заинтересованным в том, чтобы власть в России и далее оставалась в руках группы физических лиц, столь великодушно уступивших ему ресурсы Сибири и Дальнего Востока.

Когда во Владивостоке начались акции протеста против фактически запретительных ввозных таможенных пошлин на легковые автомобили, власти вынуждены были бросить на подавление этих акций московский ОМОН, поскольку местный ОМОН применять силу против своих сограждан отказался. Власти не могут не понимать, что в случае усугубления кризиса и возникновения массовых гражданских волнений по всей стране московского ОМОНа на всех не хватит. Не рассчитывают ли они в случае возникновения подобной ситуации на помощь со стороны Китая?

Высказанные предположения в известной мере отвечают на вопрос «зачем?», но хотелось бы еще получить вопрос на ответ «почему?». Если называть вещи своими именами, обсуждаемая «Программа сотрудничества» — **предательство национальных интересов России**. Если такое предательство становится возможным со стороны высших руководителей государства, это определенным образом характеризует не только персонально этих руководителей, но и правящий класс в целом.

Ключевой вопрос здесь такой: почему состояние российского правящего класса таково, что свершившееся стало возможным? Таковую элиту правильнее было бы называть антиэлитой. С приходом к власти Путина деградация антиэлиты только ускорила.

Сделка с Китаем есть признание современной российской антиэлитой факта собственной деградации. Речь в данном случае идет как о деградации нравственной, в силу которой подобное предательство становится возможным, так и профессиональной: они готовы продать оптом ресурсы Сибири и Дальнего Востока Китаю, так как сами просто не способны обеспечить нормальное освоение этих территорий.

Александр ЛУКЬЯНОВ

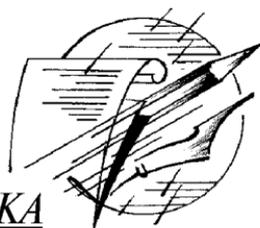
ЗОНА РУССКИХ ИНТЕРЕСОВ

2 процента людей думают, 3 процента думают, что они думают, а 95 процентов лучше умрут, чем будут думать.

Бернард Шоу

К написанию этой статьи меня подтолкнула дискуссия за «круглым столом» одного элитного клуба по теме «Зоны жизненно важных интересов современной России». Там выступали многие известные, авторитетные деятели государства и Вооруженных Сил. Были затронуты важные проблемные вопросы, вытекающие из грандиозных изменений, произошедших в Европе и мире за последние двадцать лет, и из того, как эти изменения отразились на самой России и, прежде всего, на её безопасности. В выступлении во время этой дискуссии я изложил свое видение дел, но ограничения во времени не позволяли более глубоко раскрыть некоторые детали данного вопроса — что я и попытаюсь сделать в этой статье.

Советский Союз потерпел сокрушительное поражение в «холодной войне», ибо не смог оказать сопротивления агрессии совершенно нового типа, которой он подвергся. В этой войне, а точнее, агрессии, использовались не общевойсковые и танковые дивизии и армии, не удары с воздуха и с моря, а непрерывная, внешне невидимая череда «ударов» по общественному сознанию. Это была информационно-психологическая война США в союзе с «пятой колонной» внутри СССР. Война про-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

тив СССР и его союзников. Исполнители отдельных этапов этой агрессии опирались на крупномасштабные научные разработки, детально изучали методы воздействия и характеристики общественного сознания, в то время как в СССР не было даже элементарного понимания сути происходящего. События этой агрессии, их истинный смысл не осознавались окружающими. Многие не поняли, что с ними произошло, все случилось как бы помимо их воли. В такой агрессии воздействие на сознание людей осуществляется как извне, так и изнутри страны, причем именно последнее имеет решающее значение на завершающем этапе. Во время Гражданской войны в Испании (1936—1939 гг.) агентура и сторонники генерала Франко, действующие в Мадриде и в тылу революционных войск, сыграли важную роль в захвате столицы и в поражении революции. С тех пор это явление получило название «пятая колонна» — в дополнение к четырем колоннам генерала Франко, наступавшим на Мадрид.

Основу «пятой колонны» в СССР в послевоенные годы составляли люди, работавшие и обслуживавшие, как правило, идеологическую сферу, которая непосредственно влияла на общественное сознание. Работая под прикрытием «марксизма-ленинизма», они наносили удары по собственной стране в координации с Западом, расшатывая устоявшиеся социально-экономические процессы и связи. Отсутствие достойного отпора и сопротивления со стороны государства порождало в народе деморализацию и неспособность к сопротивлению. Мало того, не понимая сути происходящего и пребывая в ложном информационном поле, навязанном Западом, власти СССР часто поступали во вред своей стране и своему народу, в угоду организаторам агрессии, порой не осознавая этого.

А теперь — немного из истории «пятой колонны» в СССР в предвоенные годы, истории, которая после XX съезда КПСС замалчивалась или искажалась.

«Пятая колонна» тайно начала создаваться в молодом СССР с началом решительного пересмотра основ внутренней и внешней политики государства, предпринятого Сталиным. Суть этого пересмотра заключалась в отказе от «пожара мировой пролетарской революции», где в качестве «дров» использовались бы народы России.

С таким разворотом в политике не захотела смириться часть политической системы СССР во главе с Троцким (Бронштейном). Потерпев поражение в открытых партийных дискуссиях и оказавшись в меньшинстве, сторонники Троцкого перешли к тайной, заговорщицкой, террористической, подрывной антигосударственной деятельности — с целью захвата власти

в сговоре с зарубежными спецслужбами. И это все — на фоне разгорающегося пожара новой войны в Европе и открытой военной угрозы СССР со стороны нацистской Германии.

Что было делать в такой ситуации Сталину и его сторонникам? Ответим на этот вопрос словами посла США в СССР Д.Дэвиса из его доклада Президенту Рузвельту летом 1941 года:

«В России в 1941 году не оказалось представителей «пятой колонны» — они были расстреляны. Чистка навела порядок в стране и избавила ее от измены».

Да, репрессии были, были жестокие законы, как и само жестокое время. Но почему были эти репрессии? Репрессии со стороны кого, по отношению к кому? К какой части руководителей и их сторонников они применялись?

Во всем мире жестко караются заговорщики, террористы, государственные изменники — кстати, как и в сегодняшней России. Правильно. Так и должно быть. Но все дело в том, что нынешние демократы называют «убийцами» представителей законной власти, защитивших страну, решительно наказавших изменников. Самих же изменников пытаются оправдать, и многих уже оправдали.

Скажу больше: если бы не было 1937 года — не было бы и 9 Мая 1945 года.

Лидеры послевоенной «пятой колонны» сделали из этого выводы, да и работали уже под контролем спецслужб, организаторов информационной агрессии против СССР, особенно после XX съезда КПСС. Результат — разгром и расчленение СССР и приход к власти вождей «пятой колонны».

А каковы стратегические намерения и планы Запада в отношении постсоветской России сегодня и на ближайшую перспективу? Чтобы не быть голословным, обращусь к малоизвестным заявлениям некоторых известных западных политиков.

Стратегия разрушения Советского государства была изложена в речи Тэтчер в ноябре 1991 года на заседании Американского нефтяного института. Цитирую:

«Советский Союз — это страна, представлявшая серьезную угрозу для Западного мира. Я говорю не о военной угрозе. Ее, в сущности, не было. Наши страны достаточно хорошо вооружены, в том числе ядерным оружием. Я имею в виду угрозу экономической.»

Благодаря плановой политике и своеобразному сочетанию моральных и материальных стимулов Советскому Союзу удалось достигнуть высоких экономических показателей. Процент прироста валового национального продукта у него был примерно в 2 раза выше, чем в наших странах. Если при этом учесть огромные природные ресурсы СССР, то при рациональном ве-

дени хозяйства у Советского Союза были вполне реальные возможности вытеснить нас с мировых рынков. Сложилась весьма трудная для нас ситуация.

Однако вскоре поступила информация о ближайшей смерти советского лидера и возможности прихода к власти, с нашей помощью, человека, благодаря которому мы сможем реализовать наши намерения.

Этим человеком был Горбачев, который характеризовался экспертами как человек неосторожный, внушаемый и весьма честолобивый. Он имел хорошие взаимоотношения с большинством советской политической элиты, и поэтому приход его к власти, с нашей помощью, был возможен.

Деятельность «Народного фронта» не потребовала больших средств: в основном это были расходы на множительную технику и финансовую поддержку функционеров. Однако весьма значительных средств потребовала поддержка длительных забастовок шахтеров.

Большие споры среди экспертов вызвал вопрос о выдвижении Ельцина в качестве лидера «Народного фронта» с перспективой дальнейшего избрания его в Верховный Совет Российской республики и далее руководителем Российской республики, в противовес лидеру СССР Горбачеву. Однако состоялись соответствующие контакты и договоренности и решение о проталкивании Ельцина было принято.

С большим трудом Ельцин был избран Председателем Верховного Совета России, и сразу же была принята декларация о суверенитете России. Вопрос: «от кого» — если Советский Союз был в свое время сформирован вокруг России? Это было действительно началом распада СССР.

Ельцину была оказана существенная помощь и во время событий августа 1991 года, когда руководящая верхушка СССР, блокировав Горбачева, попыталась восстановить систему, обеспечивающую целостность СССР. Сторонники Ельцина удержались, причем он обрел значительную реальную власть над силовыми структурами. Все союзные республики, воспользовавшись ситуацией, объявили о своем суверенитете. Таким образом, произошел распад Советского Союза».

После сказанного Тэтчер под аплодисменты прошествовала через зал, пожимая протянутые ладони.

Прежде чем предоставить слово следующему авторитету Запада, хочу напомнить читателям некоторые детали событий из истории первых съездов народных депутатов, на одном из которых Горбачев избирался президентом СССР. К этому моменту его репутация в стране была уже основательно подмочена демагогией, различными нежизненными «перестроечными»

экспериментами, многократными попытками уйти от ответственности за произошедшие негативные процессы в регионах, в том числе и с человеческими жертвами. И почти везде он якобы был не в курсе произошедшего, ничего не знал, все происходило без его ведома или по вине кого-то, но только не его и его ближайшего окружения. На этой почве в депутатском корпусе была создана активная и авторитетная депутатская группа «Союз» — с целью не допустить избрания Горбачева президентом. Для этого надо было определиться по второму авторитетному кандидату, чтобы голосование прошло на альтернативной основе. Таким кандидатом стал Н.И. Рыжков — председатель правительства, имевший в то время авторитет среди депутатов значительно выше, чем Горбачев.

Николай Иванович дал согласие, и в «Союзе» уже почти праздновали победу. Но вот дело дошло до обсуждения кандидатур для оформления избирательных бюллетеней. Кандидатов двое: Горбачев и Рыжков. Слово предоставляется Рыжкову. Выйдя на трибуну, он неожиданно что-то невнятно проговорил и... заявил о самоотводе. Мы (группа «Союз» и другие патриоты) были в шоке. Страна была в одном шаге от возможной победы на переломном историческом этапе, и — в один миг все рухнуло!.. Горбачев, оставшись один в избирательном бюллетене, набрал всего 50 с небольшим процентов голосов и стал президентом. Тогда мне — и не только мне, и в голову не могла прийти мысль об «участии» Тэтчер и ее компаньонов в выборе президента СССР.

Но предоставим слово другому политику Запада. В октябре 1995 года президент Клинтон на совещании Комитета начальников штабов подводит итог первого президентского срока правления Ельцина и десятилетия начала перестройки в СССР и России. Цитирую:

«Последние 10 лет политика в отношении СССР и их союзников доказала правильность взятого нами курса на устранение одной из сильнейших держав мира, а также сильнейшего военного блока. Используя промахи советской дипломатии, чрезвычайную самонадеянность Горбачева и его окружения, в том числе и тех, кто откровенно занял проамериканскую позицию, мы добились того, что собирался сделать президент Трумэн с Советским Союзом посредством атомной бомбы, с одним существенным отличием — мы получили сырьевой придаток, а не разрушенное атомом государство, которое было бы не легко создавать.

Да, мы затратили на это многие миллиарды долларов, но они уже сейчас близки к тому, что у русских называется самокупаемостью. За 4 года мы и наши союзники получили различ-

ного стратегического сырья на 15 млрд. долларов, сотни тысяч тонн золота, драгоценных камней и т.д., под несуществующие проекты нам переданы за ничтожно малые суммы свыше 20 тыс. тонн меди, почти 50 тыс. тонн алюминия, 2 тыс. тонн цезия, бериллия, стронция и т.д.

В годы так называемой перестройки в СССР многие наши военные и бизнесмены не верили в успех предстоящих операций. И напрасно. Расширав идеологические основы СССР, мы сумели бескровно вывести из войны за мировое господство государство, составляющее основную конкуренцию Америке.

Когда в начале 1991 года работники ЦРУ передали на восток для осуществления наших планов 50 млн. долларов, а затем еще такие же суммы, многие из политиков, военные так же не верили в успех дела. Теперь же по прошествии четырех лет видно — планы наши начали реализовываться.

Сегодня особое внимание надо уделять президентским выборам. Нынешнее руководство страны нас устраивает во всех отношениях. И потому нельзя скупиться на расходы. Обеспечив занятие Ельциным поста президента на второй срок, мы тем самым создадим полигон, с которого уже никогда не уйдем. Для решения этого важного политического момента необходимо сделать так, чтобы из президентского окружения Ельцина ушли те, кто скомпрометировал себя. Если нами будут решены эти задачи, то в ближайшие десятилетия предстоит решение следующих проблем:

Расчленение России на мелкие государства путем межрегиональных конфликтов, подобных тем, что были организованы в Югославии.

Окончательный развал ВПК России и армии.

Установление в оторвавшихся от России республиках режимов, нужных нам».

Далее — Мадам Олбрайт, октябрь 1998 г.:

«Наша задача состоит в том — поскольку это в наших интересах — чтобы управлять последствием распада Советской империи».

Вот так, четко и ясно! Как на фронте у толковых командиров. Остается только спланировать исполнение, определить ответственных, обеспечить финансирование и мероприятия по сокрытию реальных действий.

Если Тэтчер помогала становлению Горбачева во главе СССР и проталкиванию Ельцина на высший пост в России, то Клинтон сделал многое в его переизбрании на второй срок. А ведь народ большинством отдал свои голоса в 1996 году не Ельцину, а Зюганову, поскольку Ельцин за первый срок президентства так «подмочил» свою репутацию, что мало кто сомневался в его поражении.

Вот здесь и потребовались технологии информационной агрессии Запада в союзе с «пятой колонной», чтобы изменить выборную ситуацию в пользу Ельцина. Обеспечив занятие Ельциным поста президента на второй срок, Запад приступил к поискам надежной замены своему трудноуправляемому и «малопопьющему» протезе, так как убедился в том, что Ельцин по своей природе — непредсказуемый разрушитель, и полигон, о котором заявил Клинтон, мог быть потерян. Начались поиски трезвого и предсказуемого преемника. Нашли. И талантливо раскрутили его информационными технологиями за короткое время от нуля до президента.

Откуда эта коварная, наглая и циничная изощренность, это беспардонное вмешательство во внутренние дела суверенного государства?!

18 августа 1948 года Совет Национальной безопасности США принял директиву 20/1 — «Цели США в войне против России» (первые была опубликована в открытой печати в 1978 году).

Согласно этой директиве, России и СССР объявлялась тайная и коварная война нового типа, где оружием служит информация, а борьба ведется не за территорию, а за целенаправленное изменение общественного сознания — для того, чтобы, внедрив в него ложные представления об окружающем мире, манипулировать и правящей элитой, и населением страны.

В СССР, особенно после Сталина, этой «агрессии» не придали внимания и продолжали изнурять себя гонкой вооружений, тайно поощряемой теми же США, интернациональной помощью, в том числе и вооруженной, многим сомнительным режимам по всему миру, заявившим о своем антиамериканизме. Афганская кровавая авантюра явилась предлюдей всего «перестроечного» кошмара.

Директива реализуется и сегодня — уже против постсоветской России. Когда слышишь, особенно из уст государственных мужей, заявления о том, что СССР развалился в результате абсурдности и нежизнеспособности своей социально-экономической системы, понимаешь — это и есть результат информационно-психологической агрессии Запада. А отсутствие какой-либо информации о причастности США и Запада к событиям в СССР и России в конце 80-х и начале 90-х годов — это результат той же информационной агрессии.

Очень многие поверили и верят этому сегодня, в то время как агрессия продолжается — теперь уже с нанесением главного удара по экономике, а значит и по обороноспособности и безопасности в целом. И одновременно нанесением другого удара — по духовной силе нашего народа.

Результаты этой агрессии более катастрофичны, чем все издержки Великой Отечественной войны.

Разработчики директивы 20/1 взяли за основу «Искусство войны» — труд, написанный более двух тысяч лет назад таинственным китайским воином и философом Сунь Цзы. Это классическое руководство по стратегии поведения в конфликтах любого уровня — от психологического соперничества до военных действий. Это наука неуязвимости и победы без военных действий:

«...наиболее выдающийся из воителей расстраивает планы врага, следующий за ним разрушает вражеские союзы, предпоследний в мастерстве стремится атаковать военные силы, наименее искусный осаждаёт города...» — писал Сунь Цзы.

В плеяде стратегических талантов в годы «холодной войны» мы, к сожалению, относились к предпоследнему отряду готовящихся по приказу атаковать военные силы, в то время как наш противник расстраивал и разрушал наши планы и союзы. Сегодняшние же стратегические таланты России не готовы даже к осаде городов... Что же до директивы 20/1, то её особая циничность и опасность заключается в следующем:

«...наше дело — работать и добиться того, чтобы там (в СССР) свершались внутренние события. Как правительство мы не несем ответственности за внутренние условия в России... мы стремимся к созданию таких обстоятельств и обстановки, с которыми советские лидеры не смогут смириться и которые им не придется по вкусу.

Возможно, что, оказавшись в такой обстановке, они не смогут сохранить свою власть в России. Однако следует со всей силой подчеркнуть — то их, а не наше дело. Если действительно возникнет обстановка, к созданию которой мы направляем свои усилия в мирное время, и она окажется невыносимой для сохранения внутренней системы правления в СССР, что заставит Советское правительство исчезнуть со сцены, мы не должны сожалеть по поводу случившегося, однако мы не возьмем на себя ответственности за то, что добились или осуществили это» — и т.д.

Какими же методами необходимо было осуществить реализацию этих дьявольских замыслов, чтобы творить зло в другой стране и даже в целой социально-экономической и военно-политической системе, но при этом создавать видимость своей непричастности к происходящему?

Одной из ключевых задач директивы в достижении поставленных «мирных» целей являлись и являются поиск, изучение, подготовка и проталкивание на ключевые посты в государстве наших же граждан, прежде всего из состава «пятой колонны»,

обладающих определенными качествами, устраивающими авторов и координаторов задуманной агрессии, о чем откровенно поведает Тэтчер с Клинтоном, и избавлением от тех, кто скомпрометировал себя. Исполнители директивы настойчиво и талантливо раскручивали замену Ельцину, и как только раскрутили, — Ельцину приказали добровольно уйти в отставку.

Сегодняшнее руководство, само того не понимая, больше трудится на благо Запада, НАТО, доморожденных олигархов, разбогатевших на коррупции чиновниках, которых можно сравнить с **оккупационными силами мародеров осуществляемой агрессии**. При этом информационными средствами создается видимость их личной исключительности. Всячески выпячиваются «дутые» успехи и замалчиваются проблемы, многие из которых приобрели катастрофический характер.

В настоящее время информационно-психологическая агрессия продолжается. Речь идет уже о непосредственном существовании России, об окончательном захвате ее сырьевых и энергетических ресурсов, о полном развале обороноспособности.

Что же делать? Ответу словами известного немецкого философа Эрнеста Кассирера: «Чтобы победить врага, мы должны знать его. В этом заключается один из принципов правильной стратегии». Но у нас, к сожалению, всеми средствами информационно-психологического воздействия на общественное сознание создается видимость отсутствия настоящего врага, развязавшего информационную агрессию против нас еще с 1948 г., и подмену его неуловимым бен Ладеном во главе с такими же неуловимыми отрядами «мирового» терроризма, изобретенного Америкой для беспардонного вмешательства во внутренние дела любой страны, исходя из призыва бывшего президента Буша: «...кто не с нами — тот против нас». Россия откликнулась на этот призыв одной из первых.

Нежелание властей признать агрессию нового типа, определить ее источники, стратегию и тактику, нежелание или неумение соответственно этому выработать и осуществить активное и эффективное противодействие — в этом и заключается сегодня главная опасность для России и ее народа.

От редакции.

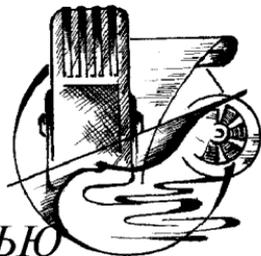
Как мы знаем, генералы чаще всего сильны задним умом. Интересно спросить: знал ли всё это генерал И. Родионов, когда был министром обороны при Ельцине? Но даже и сейчас он не называет конкретных фамилий из этой самой «пятой колонны». Неужели до сих пор чего-то побаивается?

КРАХ КУЛЬТУРЫ — КРАХ ДЕМОКРАТИИ

— Евгений Юрьевич, в первую очередь, вы — поэт, а с поэтом, естественно, хочется поговорить не о чем-нибудь, а именно о поэзии. Особенно в наши непоэтические дни, когда из жизни вытесняется все, что не имеет отношения к добыванию денег и других материальных благ. Какое время в прошлом нашей страны вам видится наиболее благоприятным для существования поэзии?

— Иностранцы узнают Россию по нашей истории, а влюбляются по нашей литературе. Поэтический бум 60-х годов открыл целую плеяду прекраснейших поэтов. Не случайно в те годы появились произведения, значимые и по сей день. Но читательский интерес пробудился не сам по себе, была мощнейшая пропаганда литературы со стороны государства, а творения, рожденные любовью к человеку, к России, укрепляли в людях и патриотизм, и моральные ценности, и нравственные устои. Что же пропагандируют СМИ сегодня? Литературу, поэзию? Нет. Жестокость, насилие, кровь, разврат. Когда воспитанное на этом поколение обретет свою зрелость, оно неминуемо будет нравственно большим.

— Сегодня часто приходится слышать, что поэзия в XXI веке умерла, и

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

если в те же 60-е годы очень многие читатели могли практически мгновенно назвать двадцатку лучших современных поэтов, то сейчас граждане России назовут навскидку от силы одного-двух авторов. Или скажут, что сейчас вообще не стало настоящих поэтов. Отчего это происходит?

— Из-за полного отсутствия должной пропаганды и серьезной литературной критики создается впечатление, что современной поэзии почти не существует. Писатели, рожденные в 50-х годах, хотя и были востребованы до перестройки, но в 70—80 годы еще не обрели творческой силы. Теперь, когда они вошли в пору зрелости, их перестали пропагандировать. А ведь какие замечательные поэты явились читающей России в этом поколении! Николай Дмитриев, Михаил Вишняков, Михаил Анищенко, Евгений Семичев...

— Я тоже могу добавить в этот ряд несколько заслуживающих внимания имен. Это такие поэты, как Евгений Чепурных, Дмитрий Кузнецов, Владимир Шемшученко, Андрей Расторгуев, Валерий Латынин, Геннадий Фролов, о. Леонид Сафонов, о. Владимир Гофман и многие, многие другие. Все это — люди, пришедшие в поэзию со своим новым, ни у кого не заимствованным словом, и мне очень жаль, что сегодняшняя Россия живет, почти не обогащая свою душу их прекрасными стихами. Ведь мы бы могли быть в духовном смысле намного богаче, если бы вернули поэзии ту роль, которую она играла в жизни общества в 1960—1970-е годы...

— Без государственной поддержки писателей, издания лучших книг *большими тиражами*, выступлений по телевидению нечего и думать о культуре и духовности нового поколения. Конечно, для современной демократии культура не нужна, потому и происходит стремительное оскотинивание человека. Кстати, среди молодежи уже никто не смотрит на литературу как на возможную профессию, никто не готов к самоотверженному труду на поэтической ниве. Да, пишут многие, но пишут на любительском, дилетантском уровне. За свой счет издают книги и мнят себя писателями. Литература не кормит. И потому молодые люди выбирают себе денежные профессии. Еще печальнее обстоят дела в песенном жанре.

— И это при том, что у нас была лучшая в мире песенно-поэтическая «школа»! Ведь лучшие советские песни были написаны не просто на чьи-то «тексты», а на стихи наших настоящих, больших поэтов. Была здоровая цензура, которая (и сегодня это признают даже ее вчерашние противники!) не столько мешала, сколько все-таки помогла развитию искусства, сохраняя его от проникновения в него гизии и пошлости.

— Увы, это так. Один знакомый композитор рассказывал мне, что не может устроить свою песню на радио лишь потому, что за ее трансляцию с него запросили весьма кругленькую сумму. Значит, плати и пой, что хочешь. Вот и процветает «зайка моя».

До тех пор, пока культура у нас подменяется массовой культурой (а, проще говоря, бескультурьем), общество не получит новых ярких поэтов. Оно просто не сможет оценить появление талантливого творения. Представьте на минуту, что Пушкин не писал романа «Евгений Онегин». И вот это произведение родилось сегодня, в наши дни, и его даже опубликовали. Заметило бы наше общество сегодня это гениальное произведение? Получил бы автор признание? Я сомневаюсь.

— **И это при том, что люди всех возрастов, в том числе и молодежь, не перестали писать стихи, повести, романы. Просто творчество, которое могло бы стать главным делом их жизни, для многих обесмысливается из-за невозможности состояться профессионально, ведь Союз писателей сегодня приравнен в нашем государстве к любой другой общественной организации, вплоть до Общества любителей пива. Катастрофически упал художественный уровень публикуемых произведений. Включай компьютер и вывешивай в Интернете все, что написала рука, даже не перечитывая...**

— Безответственность — это подлинный бич нашего времени. Даже талантливые писатели подчас пишут о вещах, к которым и прикасаться совестно: имею в виду смакование грязи, окружающей нас действительности. Оправдываясь желанием отразить многообразие жизни, иной творец смакует пошлые сцены, сорит ненормативной лексикой, а героем своего произведения выводит натурального психа, выдавая его за яркую индивидуальность и сложную натуру. Ну и какая же за этим правда жизни? Настоящий писатель — подобен пчеле. Он рассказывает, как летит от цветка к цветку, какую видит в пути красоту, как собирает сладкий нектар. А писатель безответственный — словно муха. И, соответственно, говорит нам в своих произведениях, как он летал по помойке, видел мусор, пищевые отходы. Тоже правда жизни, но такая ли правда напитывает душу читателя светом?

— **Какие пути вы видите для изменения ситуации к лучшему? И возможны ли они при сегодняшней власти и идеологии? Ведь это только кажется, что с отменой руководящей роли КПСС мы отменили в стране также и всякую идеологию, а на деле она существует и именно в отношении к культуре как раз себя и проявляет...**

— Если России нужен культурный, образованный человек, знающий родную историю, ценящий слово, понимаю-

ший природу, любящий близких, ценящий дружбу, почитающий предков и свое Отечество, то необходимо в корне, на государственном, подчеркиваю, *на государственном* уровне, изменить отношение к лучшим произведениям современной литературы, обеспечить им самую широкую пропаганду. Если же нам нужно не помнящее родства, равнодушное к людским чаяниям и судьбе России человекообразное существо, то все сегодня в государстве делается правильно. Да вот только смотреть на такую «правильность» все больней и больней.

— **Думаю, что, когда наконец будет принят многострадальный закон о творческих союзах, то многое в положении современных писателей должно измениться в лучшую сторону кардинальным образом. Вот только будет ли он когда-нибудь принят, как вы считаете?**

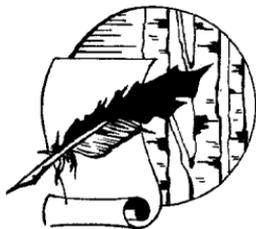
— Конечно, то, о чем я говорю, относится не только к писателям, но и ко всем людям искусства. Давно говорят о законе для творческих союзов, но закон этот никак не прорастает. Да и мало, наверное, сегодня только одного этого закона. Если всерьез думать о будущем, то нужен национальный проект, посвященный непосредственно литературе и искусству. Рынок рынком, но для того, чтобы воспитать достойного человека, деньги надо вкладывать именно в культуру. Достаточно создать всего одно государственное издательство и наладить пропаганду и распространение тиражей. Одни только библиотеки могут принять огромные тиражи. И не такие уж огромные деньги нужны для этого, да и стоит ли говорить о деньгах, когда речь идет о будущем России?

Увы, нынешние чиновники смогли усвоить только очень скромный ряд писательских имен из числа нескольких беллетристов и никак не желают его расширить, совершенно не зная ни современной поэзии, ни настоящей художественной прозы, а знакомясь лишь со скандальными произведениями одиозных авторов.

Еще хуже обстоят дела на телевидении. Канал «Культура» знает лишь Бродского, Высоцкого да Окуджаву. Очень жаль, что руководство этого канала будто бы не знакомо с творчеством Павла Васильева, Алексея Фатьянова, Бориса Корнилова, Николая Рубцова, Юрия Кузнецова, Валентина Устинова, Глеба Горбовского, Владимира Фирсова, Станислава Куняева, Виктора Дронникова и многих-многих других. И уж давно пора обратить внимание на более молодое поколение поэтов. Потерянное, но очень достойное поколение. И что самое страшное, оно может стать *последним* поэтическим поколением России.

— Хотели бы вы, чтобы ваши дети и внуки пошли по стопам отца и деда?

— Знаете, хотел бы. Потому что живу влюбленно. Как же не пожелать этого детям и внукам? Из всех материальных богатств человеку нужно лишь необходимое: богатство материальное не приносит счастья и радости жизни, а творчество — приносит. Потому вовсе не обязательно, чтобы мои потомки избрали непременно писательский труд, но чем бы они ни занимались, хотелось бы, чтобы по жизни их вело дерзновенное творчество, чтобы они любили родную землю, чтитли нелегкую нашу историю, уважали человека, ценили все, что даровано нам Богом, словом, желаю всем *жить любовью*.

Евгений ЮШИН

БИТВА ЗАРИ

ТРОЙКА

Этот лес гривастый — коренник,
Эти луг и поле — пристяжные.
На вожжах реки летит мужик,
И селенья тянутся кривые.

То в санях, а то на колесе
Мы летим — такое не приснится —
Где росой в серебряном овсе
Молодая кормится Жар-птица.

Рыщут стрелы, стонут соловьи,
На стене рыдает Ярославна,
Травы дозревают на крови —
Вот как жить нам горестно и славно!

То Емеля запрягает печь,
То русалки плещутся у плеса.
У костров родная пахнет речь
Черным потом, репою и просом.

Мы летим из выжженных веков,
Где на черных копьях бездыханно
Жемчуга поречных облаков
Падают под ноги Бату-хана.

Эй, возница, шевели кнутом,
Вздерни поострей вожжою пьяной!
Это ли не Русь моя китом
Проплывает,
островом Буяном?

Грозный царь ковшом из Волги пьет.
Рубит Петр струги на пригорке.
Но, как прежде, задом наперед
Наш Иван-царевич мчит на волке.

Заждалась невеста, заждалась.
Кто спасет от чудищ и Кошея?
Тройка мчит, разбрызгивая грязь.
Ах, Россия милая, Расея!

Спящая царевна...Под крылом
Перелесков, ливней и калины —
Где же ты? Ужели за холмом
Под охраной песни журавлиной?

Далеко помчимся, далеко.
Ни к кому тебя не заревную.
Теплых щек льняное молоко
Чувствую губами.
И целую.

* * *

Продают и землю, и березы,
И огни, дрожащие во мгле.
Скоро продадут и наши слезы.
Реки — это слезы по земле.

Не куплю я дали за рекою,
Ни лугов ромашковую песнь,
Ни боров брусничные покои —
Потому что это я и есть.

* * *

За последние 20 лет население России
уменьшилось на 20 000 000 человек

Неужто и вправду России не будет?
Леса-то останутся в латах озер,
Но люди чужие, заезжие люди
Заселят борами омытый простор.

Нас меньше и меньше. Такая прохлада!
Страдает на рынке восточный напев.
Мы быстро уходим, как листья из сада.
И ветер склоняет вершины деревьев.

Костры и бутылки по берегу Волги.
Мы сами живем, словно пришлый народ.

И воют на луны осипшие волки,
И каждый из них чужака загрызет.

ГРОЗА

Вздоха никому не обещала.
Навалилась, тяжести полна,
Оглушила веси, оковала,
Неземная, злая тишина.

Но — взялось! И понеслась ограда!
На колени рухнули кусты!
И, кривляясь, в дикой пляске сада
Молнии рубили с высоты.

И грома рубили наудачу,
И швыряли небо на порог.
И тряслись, захлебываясь, плача,
Коллеи расхристанных дорог.

Что же я, восторженный безумец,
Вдруг покинул теплую кровать,
Выбежал из дома и любуюсь,
Когда надо прятаться и ждать?

Так реви, разгульная стихия!
Шеи проводов хрипят навзрыд.
Это скачут кони дождевые,
И вскипают лужи дрожжевые,
И трава копытами бурлит.

* * *

Нет-нет, и нахлынет сиротство,
Прокатит в груди сквозняком,
И только душа разберется
С туманом за синим окном.

И с этой продрогшей дорогой
В ее одиноком пути,
И с этой травинкой убогой,
Которой уже не цвести.

Летят перелетные птицы,
Летят перелетные дни.

И только душа-проводница
Зеленые ставит огни.

А дни зажигают то желтый,
То красный на кленах огонь.
Ну что же ты, сердце, ну что ты
Сжимаешься, словно гармонь?

Не часто мне матушка снится.
Неужто я в чем виноват?
Летят перелетные птицы.
Они-то вернуться назад.

* * *

Совсем опустели и доли, и дали.
Березы несут золотые медали.
По водам пустынным гуляют ветра,
И дождик вчерашний глядит из ведра.

Умоюсь из бочки. Свежо и отратно.
Смеются девчонки у школьной ограды.
За листьями лодка скользит по реке.
Сухая былинка уснула в руке.

Растаяли звонкие летние ситцы,
Как легкие листья, как дальние птицы.
И катится, катится велосипед,
И солнце — на спицах, и в зеркальце — свет.

И небо свободно, и пажити голы.
Совсем опустели и дали, и доли.
И думать легко, и приятно смотреть
На осень, на озимь, на синь и на медь.

* * *

Николин храм. Лишь стены и трава.
И лики с фресок смотрят, как слепые:
Затертые безбожием, дождем,
Но видящие свет сердец звучащих
Задумчиво у этих старых стен.

Тень прошлого скользнула по одеждам.
А может, тень от облака прошла,

И лодка, что спит на приколе,
Шальная гармошка в гульбе,
И спелое звездное поле,
И я — отразимся в тебе.

* * *

Кочка серая, как ежика.
Небо серое. День ослаб.
И с деревьев больших и тихих
Баннный дождичек — как да кап.

Поржавело осин железо.
И грибной настоялся дух.
И у самого края леса
Ворошит костерок пастух.

Шевелись под ногой, дорога!
По верейкам, где темен путь,
Мимо дождика, мимо стога
Выйду к дому я как-нибудь.

У меня на плаще медали
От берез, от сосновых шил.
А медали полны печали —
Вот что к осени заслужил.

Дома в печку полено брошу,
Чай поставлю, достану мед.
И в трубе забушует роща,
Спелым солнышком запоет.

* * *

По нашей странной русской жизни,
Пирам лачуг, тоске дворцов
Не осознать любовь к Отчизне,
Любовь к себе, в конце концов.

Но познаю пчелы молитву
И васильковый взгляд в овсе,
Зарю, идущую на битву,
В петушьих перьях и росе,

Тоску разгульную полыни,
Впитавшей дым, впитавшей пот,

Колосья, русский дух над ними,
Сиротство стога у ворот,

Там ладят улья медвежата,
Лесовичиха мох прядет,
И месяц поит из ушата
Дымы русалочьих болот.

И надломив рассвета соты,
Прикрыв туманом синий взор,
Сама Россия входит в воду,
В блаженство женственных озер.

Гусей пролетных вереница,
Густых кувшинок невода...
И каждый миг не повторится
Ни через год и никогда.

И никогда под небом сирым
Вот так же — в славе и красе —
Заря не воспарит над миром
В петушьих перьях и росе.

И полетят другие гуси,
И песни новые вослед,
Но так же будут пахнуть Русью
Полынь
и этот белый свет.

*Литературные страницы
Международного сообщества
писательских союзов*

Анатолий АВРУТИН (Минск)

У ИСТОКА ДУШИ

* * *

В сорок пятом
Сапожнику трудно жилось.
Много в доме голодных
И мало работы —
Рваный детский сандалик
Зашить наискось
Да подклеить разбитые женские боты.
А мужское
Чинил он бесплатно,
«За так»,
Если редкий клиент
На верстак его старый
Ставил пахнувший порохом
Грубый башмак
Иль кирзовый сапог,
Не имеющий пары...

* * *

Старик должен жить со старухой
(Иначе всем сказкам конец) —

Сварливою и тугоухой,
Твердящей, что он — не жилец.

Старик должен шаркать по скверу,
С газетой на лавке сидеть,
А если и выпить, то в меру,
Чтоб в рюмочке было на треть.

Старик должен к первому снегу
Взбодриться... Мол, дожил опять.
И в женщине видеть коллегу,
Анализы с ней обсуждать.

И, шаркнув ногой старомодно,
Старик должен к ручке припасть,
Когда с этой дамой дородной
Уже наболтается всласть.

Точнее, не к ручке, а к длани...
И прежде чем грузно присесть,
Оттенок забытых желаний
В глазах благодарных прочесть...

* * *

Все ничейно... Поля? — Вот те на...
А по-русски выходит «поляна».
И высокое слово «страна»
На две трети читается «рана».

Сердце Родины. Ширь да подзол,
Хоть в подзоле все чудится злое.
Это кто к нам с небес снизошел?
«Снизу шел»... Остальное — пустое...

Все рыдали княжны в теремах,
Расшивали рубакам рубаху.
Ох, Владимир ты свет Мономах,
Что ж преемники дали-то маху?

Так вот, мучась, уйдем навсегда
В мир, где больше ни боли, ни бреда,
Помня — русское слово «беда»
Все ж две трети от слова «победа»...

* * *

Эта мудрость веками завещана
И правдива который уж век:
«Посмотрите, какая с ним женщина,
И поймете, какой человек...»

Суть одна. В нас ничто не меняется,
Только взгляд из-под сумрачных век.
Посмотрите, кому поклоняется,
И поймете, какой человек.

* * *

Зачем обугленной душе
Таить вчерашнюю остуду,
Когда понятно, что уже
Ни злым, ни ветреным не буду?

Вот только лампа дочадит,
Вот только пальцы отогрею...
И брошу всё... И пусть летит
Листва на чахлую аллею.

Пойду походкою иной,
Не слыша голоса в тревоге:
«Вон тот... С остылою душой...
Зачем он бродит по дороге?»

* * *

Гудок. Погода ржавая.
Темно совсем.
«Не спи, вставай, кудрявая...»,
Динамик. Семь.

Глазунья. Сени темные.
Сальца не трожь.
«Вставай, страна огромная...»,
И ты встаешь.

В любую непогодину
Вперед, за дверь.
«Была бы только Родина...»,
А что теперь?

Былая жизнь с невзгодами
В смурной дали.
«Ходили мы походами...»,
К чему пришли?

И помыслы греховные,
И в душах тлен.
«Среди долины ровныя...» —
Не встать с колен...

* * *

Ей не подал... Прошел стороной.
А она: «Сохрани тебя Боже!»
Как петлею, сдавило виной,
А другую вину непохожей.

Воротиться? Неловко теперь.
Убежать? Будет только стыднее.
Указует на дальнюю дверь
Черный шарф на простуженной шее.

И бредешь через россыпь минут,
Помня — с этим уснуть? Не уснетя!
Если вдруг?.. Если не подадут?..
Что вослед не подавшим шепнется!

* * *

Да, мы такие... Нечего пенять.
Уходят божества, минуют сроки.
Но вновь: «Умом Россию не понять...»,
Но вновь: «Белеет парус одинокий...»

С какой бы скорбной думой на челе
Мы ни брели сквозь ужас и забвенье,
Опять: «Свеча горела на столе...»,
Опять: «Я помню чудное мгновенье...»

И сам, итога в свой последний час
Короткий путь служения земного,
Прошепчешь, чуть дыша: «Я встретил Вас...»,
«Я встретил Вас...»
И больше ни полслова.

НЕИЗБЫВНАЯ ВЕРА МОЯ

* * *

Вековечность — и жизни детали,
И привычка вставать поутру,
Полюбив эти хмурые дали,
Этот стынущий мир на ветру,
Этот люд на промокшем перроне,
Этот дождь в пересчете голов,
Эту черную пляску воронью
Над крестами святых куполов;
Видеть то, что невидимо зренью,
Слышать то, что лишь сердцу слышней:
Человеческих бед растворенье
В каждой клетке Отчизны твоей;
Знать, что ты еще с нежностью дружишь,
Что тебе посылает привет
Белокрылая птица, что кружит
Над безжалостной памятью лет.
Вспомнишь все, но не снимется тяжесть
Ветхой лжи, что накликала бед.
Только лист провинившийся ляжет
В твой давно неуверенный след.

* * *

Благо — наша земля. Черноземна, щедра, минералиста...
От славянских корней, от Отечества не отрекись.
По пустыням судьбы, по ухабам мирского неравенства
Я к тебе добреду, колокольная старая Русь.

И взгляну в твои очи, что полнятся слезною влагою,
Обниму стены храмов, дочерней любви не тая.
Над простором твоим, над хоругвями, гимнами, флагами
Поплывет моя грусть — неизбывная вера моя.

А когда к рубежу чья-то сила потянет и — волоком —
Окажусь вне пределов, вне грешных различий полов,
Дай мне в мире ином на тебя засмотреться — и с облака
Дай услышать мне звон осиянных твоих куполов.

Я тогда буду чувствовать ширь твою, с ливнями, ветрами,
Где блуждающей точкой по свету скиталась и я...
Я тогда буду верить, что ты еще дышишь рассветами,
Буду знать, что жива ты, вскормленная Богом земля.

* * *

Пуст мамин дом. В дверях затвор непрочен.
Но образ чистый светел, как всегда.
И смотрят мамы праведные очи
Сквозь жизнь и смерть на все твои года,
На почерк твой, что рвется безутешно
В надгробных начертаньях сжечь вину,
На твой надрыв, на твой приезд поспешный,
На волосы твои, на седину...
Хлебнешь печали, лишь беды не трогай.
Все души ходят к близким напрямик.
И ты, почуяв позднюю тревогу,
Прозреешь — и увидишь в тот же миг,
Что зло растет из трещины убогой,
Что грешный мир теряется во мгле,
А мать идет над грязною дорогой —
По воздуху идет, не по земле.
Идет она, как светоч, как спасенье,
Над горестным смешеньем черных вод,
От Рождества идет до Вознесенья —
Плечами подпирая небосвод.

* * *

О, есть места, где соль от слез промокла
И соловьями роща не поет...
Я все стерплю, лишь только б не умолкло
Отечество звенящее мое.

Земля моя, кому-нибудь достанься
Из тех сынов, кто горя не навлек.
Я все стерплю, лишь только ты останься
В льняной палитре, синий василек.

В густом бору, в редчайшем мелколесье —
Везде я здесь печали утолю.
И все стерплю, лишь только ты пролейся,
Свет Истины, на тех, кого люблю.

* * *

Да пребудет род твой, человек!
Каждой жизни след, как память, нужен.
Захлестнул волной двадцатый век,
Подаривший сына мне и мужа.

Тысячи путей в один сплелись
От Немиги до Ворот Покровских.
И в моей крови роды слились —
От смоленских и до могилевских.

Хоть печальна старая ветла
И дороги древние осели,
Посмотри, на небе жизнь взошла
Солнцем, не растраченным доселе.

Александр СОКОЛОВ (Минск)

АМВРОСИЙ ОПТИНСКИЙ

Рассказ

Старец Амвросий вошел в свою келью, плотно притворил дверь, сел на дощатый топчан, застланный стеганым одеялом. И в летние месяцы он накрывался толстой ватиной — его тело, словно лучина, горевшая все светлое время суток, к вечеру угасало. Вместе с темнотой приходила усталость, он ощущал озноб, холодные льдинки теснились где-то около самого сердца, и оно стучалось в подреберье, словно пойманный зверек.

Обычно Амвросий принимал посетителей в своей келье. И только высоких лиц — в отдельном зале. Сегодня с раннего утра шел народ всех сословий обоюбого пола. Что ж, этот день, как видно, был осенен благостью господней... Давно не было такого погожего утра: тепло, тихо, солнце словно пригоршнями рассыпано по еловым лапам, лесной воздух легко вливается в легкие. Амвросий прошел за ограду скита и толпа, стоящая возле розовых ворот, всколыхнулась, пришла в движение; старец оказался посреди этого шумного сборища, каждый норовил ухватить за края его одежды. Амвросий вглядывался в лица окружавших его людей и не заметил, как верхняя ряса легко спала с него и оказалась в руках верую-

ших... Сколько людской горести выплескивалось здесь за день, сколько отчаяния и безысходности... Только к вечеру он находил возможность уединиться, чтобы разобраться в своих дневных впечатлениях, сложить их в мысли и записать на бумаге.

Через единственное узенькое оконце проникал сероватый отсвет сумерек, падал на массивную, обитую железом дверь, на слабый желтеющий язычок лампы под образами. Его посетители, с их тяготами, его книги. Его стол, перо и бумага — вот все, что еще связывает старца с этим миром, с просторами его страны, по которым тащатся почтовые кибитки... Нет, не города вставали перед его взором — далекие медвежьи углы, нищие деревеньки, где остановленное время в драном зипуне почивает на деревянных полатах. Необратимая, забвенная, сонная, ломкая тягучесть грязных городишек, где сытая жизнь для немногих — замерла и презирает всякое движение, как презирает и тех, за счет кого она сыта.

Амвросий знал — на столе груды писем. Сегодня не было сил братья за перо...

Раздался осторожный стук в дверь. Видимо, келейник принес ряску. Возле двери на табурете уже стояли заказанные Амвросием два ведра воды — холодной и теплой, подсоленной.

Старец не смотрел, как келейник вешает его ряску, он ловил ускользящий свет оконца и думал о своем. Господь наградил его зрением, способным видеть человека, он подарил ему власть над людьми. Пользуется ли он ею? Да, он употребляет свою власть во благо этим заблудшим душам, указывает им верный путь. Народ видит в нем посланца Божьего, способного оживлять все, к чему он прикоснется. Люди верят в его силу, и эта вера их спасает.

Амвросий зачерпнул кружкой холодной воды, отпил мелкими глотками. Предстояла малоприятная, но необходимая процедура, которую он проделывал еженедельно. Он спал в длинной домотканой рубахе, и когда менял ее — старался не смотреть на свое тело. Оно смущало его своими непонятными знаками, оно отвлекало его мысли своей слабостью, своей болью...

Сегодня он ничего не ел, откуда же тяжесть в животе? Куда девалась былая легкость движений? Неужели прежняя, укоренившаяся в теле жизнь, напоминает ему о несоответствии того, что несет душа, и той жалкой юдоли, в которой пребываем мы телесами? «Наверное, эту процедуру необходимо повторять дважды в неделю, — думал старец. — Очищение тела так же благотворно, как и духовное».

Отец Амвросий закрыл дверь на засов и, прежде чем отойти ко сну, приступил к привычной процедуре.

Солнце дробилось в цветных склянках, встроенных в углах оконца: робкие утренние лучи света затеяли перепляс на стенке.

Утренние минуты были особенно дороги старцу. Раннее утро — это рождение заново, это первый осознанный глоток воздуха, первая мысль и первое воспоминание. Можно потешить себя эти несколько минут. Отдохнувшее и очищенное тело не ощущает вчерашней болезненности, усталости или какого-то неудобства, оно словно в невесомости — между ночью и днем.

Первое, что всплыло в памяти, — глаза молодой женщины, глаза загнанной охотниками лани. Эти глаза — трепетные, молящие, кроме отчаяния ничего не выражали. Однако боится не за себя. Он понял все. Ему не привыкать тащить на своих плечах тяготы мирской жизни, окостенелой государственности, неразворотливости приказных людишек великой империи.

Да, его воля — выше закона мирского и церковного. Государство делит детей на «законных» и «незаконных». Для него же — все ни рождены под дланью Господа. Он не наложил на незаконного отца епитимью и не прогнал с глаз долой женщину; он спросил ее: «Где ты оставила рожденного тобой младенца?» Она в слезах упала перед ним на колени, потрясенная прозорливостью старца. Тогда он указал ей вернуться назад, забрать спрятанного ребенка и возвратиться в отцовский город. Что она немедленно выполнила. Советы его исполнялись, как неминуемый закон, и эта власть над людьми начинала угнетать его. Вот почему он к вечеру ощущал непомерную тяжесть, вот почему утром, приступая к своему служению, он был так легок и весел.

Сколько же народу проходит за день перед его взглядом? Едут из самых дальних волостей и губерний, едут из-за границы. Что искали здесь Гоголь, Достоевский, Толстой? В библиотеке скита лежит письмо Гоголя, которое старец не раз перечитывал. Странная, мятущаяся душа, мучительно и ревниво оглядывающая собственный писательский труд, потрясенная тем, что не в состоянии сделать большее: «Ради Самого Христа — молитесь обо мне, отец Филарет! Просите вашего достойного Настоятеля, просите всю братию, просите всех, кто у вас усерднее молится и любит молиться, — просите молитв обо мне. Путь мой труден, дело мое такого рода, что без ежеминутной, без ежечасной и без явной помощи Божией, не может двинуться мое перо...»

Гоголь помышлял о той чистоте, какой должен достигнуть писатель, живущий судьбиной народа; его талант был призван ворошить пласты тяжелых наследий. Но вместе с тем, этот одаренный человек не смог вытащить себя из житейской дрязги. Высокую душу похоронила под собой безысходность российской жизни... Старец в который раз размышлял об озарениях и заблуждениях великих, их мытарствах между землей и небом. Чем заняты их дела и помыслы? Они рисуют великое полотно жизни... Но вот, достигнув известных вершин, они желают стать устроителями лучшей жизни, они пытаются хоть что-нибудь изменить и терпят при этом поражение...

Лев Николаевич... Не он открывал дверь этой кельи — гордыня его разума. Глаза способны пронизывать весь свет Божий: его озарение, его евангелие, его собственная вера вошли вместе с ним к старцу. Толстой поцеловал его руку, однако, когда прощался, чтобы избежать благословения, поцеловал в щеку... Горд...

Зашел Толстой и к своему родственнику, послушнику, проживающему в ските. Спросил: «Для чего мы живем?» Послушник ответил: «По воле Создателя мы должны восполнить число падших ангелов на небе». Этот ответ удивил Льва Николаевича. Толстой считал, что образованный человек не может верить в церковного Бога, что Бог живет в каждом, но не каждый слышит его.

Нет, непросто общение со Львом Николаевичем. Слова бессильны, ибо весь он — противоречие, одна его половина по пояс вросла в землю, другая устремлена в даль, о которой рано еще помышлять. Толстой, отвергая обряд и молитву, тем самым упразднил священное действо, то таинство единения с Богом, которое могло закрепиться в сознании маленького человека. Не каждому дано разумом возвыситься до Бога, но каждому дано искать его...

Отец Амвросий вздохнул, зябко поежился и подтянул ватину к самому подбородку. В эти утренние минуты он никак не мог отделаться от мысли, что чем крупнее человек, тем тяжелее его убежденность. Кому как не Толстому должно быть известно, что ничего нет страшнее человека, пребывающего в духовном тупике. Сокрушенное человеческое естество погружается в пучину и черпает оттуда сатанинские помыслы, словно манну небесную... Отсюда — тяжелые и путаные сети российского сектанства, этого народного богоборчества, каждого на свой лад. Крайности приходят от безысходности, вот почему Амвросий дает людям чаще всего практические советы. Он опирается только на житейский опыт, и ему стран-

но видеть себя в чужих глазах святым. Да, непросто смотреть выше законов мирских и церковных, непросто давать людям возможность самим во всем разобраться, не полагаясь на волю провидения и длань Господню...

Носить в себе заповеди Христа, не помяная все имя его, не молясь и не принося хвалу Господу, люди станут не скоро. Не скоро оскудеют их беды, не скоро укрепится их вера в самих себя, в свои силы и свой разум. Когда-то они станут жить верой Толстого, но вспомнят ли о нем, как о проповеднике этой веры? Скорее всего, нет... Память людская коротка и хранит в своих заповедниках лишь тех, кто подарил ей короткие минуты откровения. Сейчас. Сию минуту — я снимаю тяготы с плеч человека и не зову его душу поменяться. Нет, даже Господь не берется переделывать жизнь, но обрести себя в этой жизни — дело человеческое, дело божеское...

...Скит просыпался. Возвещая о солнце, заголосил петух из Оптинского хозяйства. Отец Амвросий опустил ноги на холодный пол.

Нурлан ОРАЗАЛИН (Алматы)

НИКОГО НЕ ВИНЮ...

* * *

Двенадцать ночи... Город мирно спит...
Буянит в небе рокот грома трубный.
Ноябрь дождем занудно моросит,
Плетется парень, будто пес приبلудный.

Его согнула тягостная грусть,
Пронзает тело острый знобкий холод.
Куда плетется, знать бы... Ну и пусть
Идет голодным волком в стылый город.

В арыках, в брызгах крупного дождя
Играют россыпями отблески рекламы.
Великий мир, и ночь — твое дитя,
Невольник горькой и душевной драмы.

Грохочет громом небо без конца.
Холодный дождь округу поливает.
Столетний дуб, березок деревца
От этих струй совсем околевают.

Вот пологом сползает с гор туман.
Ничтожным остается праздник жизни.
Здоровый мир — большой сплошной обман.
Бредет больной, к своей шагая тризне.

Двенадцать ночи... Город мирно спит...
Буянит в небе рокот грома трубный.
Ноябрь дождем занудно моросит.
Плетется парень — будто пес приبلудный.

* * *

Упаси меня, Боже, обиженным жить!
На кого-то сердиться, кого-то винить.
Никого не виню, никого не кляню!
Только б снять окаянную с глаз пелену!

Я сержусь на себя, лишь себя я виню,
Если был малодушным, тянулся к вину,
Если грубое слово друзьям говорил,
Потому что не их, а себя оскорбил.
Потому что и совесть, и честь позабыл.

Как себя я кляню! Как себя я казню!
Ну, зачем я в мышиную втерся возню?
И взрывается память позора о том,
Что случилось, как ранний незрелый бутон.

Никого не виню, никого не кляню,
Ни природу свою, ни родную страну.
И во всем виноват только сам я один
От младенческих дней до усталых седин.

Перевел с казахского Александр Матвеев

Марфуга БЕКТЕМИРОВА (Астана)

И ЛЮБОВЬ, И ВЕСНА

* * *

Беспокойное сердце,
А может, зря я
И напрасно плачу,

И мое счастье где-то рядом скрыто?
Но все равно я не ищу удачу,
Когда у скакунов горят копыта.

Бывают дни — от боли я немею.
И даже иногда себя ругаю.
Но жить, как все, я просто не умею,
Я чувствую,
Что я — совсем другая.

Пройду спокойно через лед и пламя,
Не утрашусь телесного увечья.
Лишь только б ты мою святую память
Не расколол о скалы бессердечья!

Когда цветов коснутся злые ветры,
Глядишь, — они поникли головою.
И там, где чувства зябнут без ответа,
Там сердцу не иметь уже покоя.

* * *

Готова верить правде или лжи,
Неистово, как в чудо верят дети,
Когда б сказали мне:
«Отец твой жив!» —
И стало бы мне легче
Жить на свете.

Когда есть солнце — не опасна тьма,
И ночь при звездах кажется светлее.
Я без тебя могу сойти с ума,
Жизнь без тебя все горше, тяжелее.

Судьба, не пощадившая отца,
Ты так несправедлива и жестока!
Без доброго отцовского лица
Сама себе кажусь я одинокой.

Но в сердце ты моем и день, и ночь.
С чем я могу сравнить мою потерю?
Я дочь твоя, я любящая дочь!
И в то, что нет тебя
Я не поверю!

Ты — самый дорогой мне человек
Из всех людей, кого я только знаю!
Отец, я так тоскую по тебе,
Что даже твердь
Колышется земная.

ЗВЕЗДА

Смотреть на звезды — праздный труд
У бездны на краю.
Они надолго в плен берут
Фантазию твою.

Как разгадать — в чем тайна звезд
И сила языка?
Как к счастью перекинуть мост?
Вопрос на все века.

Так за витком идет виток
В далекие миры.
Горит и светится цветок
На острие горы.

НА БЕРЕГУ ТОБОЛА

Как ты весной волнуешься, Тобол,
Когда деревьев набухают почки!
Но не сравнятся в красоте с тобой
Весенних трав зеленые пучочки!

Ты — царь!
Все остальные — слуги!
А тот, кто не поверит мне,
Пусть поглядит,
Как легонькие струги
Качаются на вздыбленной волне.

Ты — символ силы, гордая река!
И в тесноте береговых извилин
Играючи, ты топишь облака.
Но против своих волн и ты бессилен!

Я так люблю сидеть на берегу,
Деля с тобой и радости, и беды.

А иногда часами я могу
Вести с тобой сердечные беседы.

Вдоль города течешь
И вдоль села,
Из века в век, не зная остановки.
И взрослые ласкаешь ты тела,
И детские веселые головки.

Перевод с казахского Виктора Корытного

Сергей ГЕРМАН (Германия)

СОЛДАТСКАЯ МАТЬ

Рассказ

Над селом медленно вставало солнце. Хмурый рассвет осторожно выползал из-за линии горизонта, озаряя серые дома пугливым, зыбким светом. В сараях завозились петухи, пробуя кукарекать неуверенным фальцетом. Антонина Петровна Горшкова всегда просыпалась в одно и то же время. С детства привыкшая вставать с петухами, она и сейчас поднялась едва свет. В доме было прохладно, Антонина Петровна затопила печь, подоила корову и отправила ее в стадо. Приближались холода, и скотину пасли уже последние деньки. Выгоняя Зорьку со двора, Антонина Петровна дала ей посыпанную крупной солью горбушку; довольная корова, не торопясь, двинулась к стаду, смешавшись с тремя десятками таких же пятнистых буренок. Антонина Петровна жила одна, муж несколько лет назад разбился на мотоцикле, сын Валера уже второй год служил в армии. За домашней работой и хлопотами пролетело утро. В десять часов почтальонша разносила почту. По устоявшейся привычке Антонина Петровна вышла за калитку, чтобы самой встретить Галку. От сына давно уже не было писем, и Антонина Петровна начала волноваться, не случилось бы чего. Соседка Валя на все ее страхи только махнула рукой: «Брось, Тоня, мой тоже писал каждую неделю, пока не отслужил год. А как только оперился, так сразу писать и забросил, за последний год только три письма и прислал». Антонина Петровна ей верила и не верила. Ее Валера был не такой, как соседский шебутной и непутевый

Толик, который и после армии побыл дома месяц, покуролесил и укатил куда-то на север, присылая матери открытки к Новому году и 8 марта.

Вместо письма почтальон отдала ей желтый прямоугольник бумажки. Антонина Петровна повертела его в руках, не понимая:

— Галя, что это за письмо такое? Никак не разберу без очков.

Почтальонка охотно пояснила:

— Повестка это, в военкомат. Не иначе с Валеркой что-то случилось, раз вызывают.

У Антонины Петровны захолонуло сердце. Она занималась домашними делами, поминутно поглядывая на часы, чтобы не опоздать на автобус. Потом, не в силах больше ждать, закрыла дом и побежала на остановку. Дребезжащий деревенский автобус подошел без опоздания. Антонина Петровна села у окна, не обращая внимания на бензиновую гарь, всю дорогу просидела молча. Дежурный прапорщик с красной повязкой на рукаве повертел в руках ее повестку, потом позвонил куда-то по телефону. Почти тотчас по лестнице спустился пожилой военный с большими залысинами на лбу, провел ее в кабинет на втором этаже. Он долго перебирал на столе какие-то бумаги, не смотря ей в глаза. Антонина Петровна молчала. Военный встал, потом присел рядом с ней на стул:

— Антонина Петровна, я приношу вам свои извинения за то, что мы вызвали вас сюда. Молодая сотрудница по ошибке выписала вам повестку.

У Антонины Петровны в груди шевельнулась надежда, офицер продолжал:

— Надо было, конечно, мне приехать самому, но вечная нехватка времени. Я вполне разделяю ваши чувства, я сам отец, у меня два сына.

Сыновья майора Полипова учились в Москве: один в театральном училище, другой — в Институте международных отношений. Служить в армии они не собирались. Говорить об этом майор не стал.

— В общем так, подразделение, в котором служил ваш сын, попало в засаду и почти полностью погибло. Вашего сына нет ни среди убитых, ни среди раненых, — майор вытер пот со лба, зачем-то добавил: — вот такая катавасия.

Женщина непонимающе смотрела ему в лицо:

— Но ведь если Валеры нет среди убитых — значит, он жив.

Полипов встал, подошел к окну:

— Да, такая вероятность существует. Может быть, он успел добраться до какого-нибудь села, — помолчал, — а мо-

жет быть, попал в плен, во всяком случае, мы не исключаем такой возможности. Если он жив, будем стараться его найти и освободить. Поверьте, мы сделаем все возможное...

Полипов еще что-то говорил, но Антонина Петровна слышала его, как сквозь туман. Майор капал в стакан какие-то капли, потом поил ее водой. Очнулась Антонина Петровна уже у двери. Полипов провожал ее, слегка придерживая под локоть. Она не слышала его голоса, не видела, куда идет, в ушах стояло только одно: «Валера! Сыночек!»

Не помня себя, Антонина Петровна добралась до автовокзала. Долго сидела на остановке, дожидаясь автобуса. Рядом сидели односельчане, говорили о погоде, о растущих ценах, о Ваньке, утащившем из дома телевизор и пропившем его. Раз или два ее о чем-то спросили, но она или не услышала, или сделала вид, что не слышит, боясь, что не сдержится и закричит в голос, забьется в истерике.

Полипов, после того, как проводил Антонину Петровну, чувствовал себя неважно. Проклятая работа, надо идти на пенсию. Военком назначил его ответственным за такие мероприятия, сегодня еще надо было организовать похороны старшего лейтенанта Миляева, опять будут слезы, плач. Из пузырька, стоящего на столе, майор накапал себе корвалол, морщась, выпил. Подумал, что на пенсию уходить еще рановато: дети учатся, дом не достроен. Мысли его переключились на другое, на стройку нужно было завезти цемент, и через 10–15 минут он уже сидел на телефоне, яростно выбивая грузовую машину.

Добравшись домой, Антонина Петровна прилегла. Болело сердце. Потом с трудом встала, загнала в сарай мычащую корову. Зорька, как бы сочувствуя своей хозяйке, ткнулась лбом ей в живот, шумно и жарко дыша.

Прошел месяц. Антонина Петровна написала несколько писем в часть, где служил сын, командиру. Ответа так и не дождалась. Она решила ехать в Чечню, найти место, где пропал ее сын. Может быть, удастся найти людей, которые видели Валеру.

Однажды вечером пришел школьный учитель Николай Андреевич, с женой. В селе уже знали, что Валерка Горшков пропал без вести. Николай Андреевич передал ей триста рублей, покашливая, сказал:

— Слышали, Антонина Петровна, что собираетесь ехать, искать сына. Вот возьмите от нас с Валентиной Ивановной на дорожку и не вздумайте отказываться. Сами знаете, Валера у нас был любимым учеником.

Однажды, тоже вечером, приехал участковый Игнатенко,

долго вытирал о скребок грязные сапоги, шумно сморкался в носовой платок. В дом проходить не стал, постояли во дворе, поговорили о том, о сем. Между делом Игнатенко поинтересовался, когда Антонина Петровна собирается ехать, нет ли писем из воинской части или людей, которые, может быть, видели сына. Участковый горестно вздыхал, снимая фуражку и вытирая лысину большим клетчатым платком. Хотел зачем-то заглянуть в сарай к корове и в баньку, но засовестился, засмутился и резко вдруг решил уйти. На прощанье зачем-то сказал:

— Ты извиняй меня, Петровна, начальство, будь оно неладно, требует. Мол, съезди к Горшковым, да съезди, может, солдат твой нашелся, или тебе надо чего.

Горько и обреченно махнул рукой и, не задерживаясь, уехал.

Поднакопив чуть-чуть денег, она решила ехать. Однажды пришла соседка, она слышала по телевизору, что наших ребят, срочников, чеченцы отдают за выкуп. Тогда Антонина Петровна решила продать корову. Зорьку увел армянин с соседней улицы. Корова долго и жалобно мычала во дворе, пока новый хозяин долго и нудно жаловался на жизнь, отсчитывая деньги. Антонина Петровна не стала выходить во двор, боялась, что заплачет. Корова, горестно мотая рогами, пошла за новым хозяином.

Перед отъездом Антонина Петровна еще раз съездила в военкомат, спросить, а вдруг есть какие-либо известия о сыне, ведь не иголка же. Полипов сразу ее вспомнил, засуетился, созвонился с Минераловодским военкоматом, долго что-то выяснял и согласовывал. Потом, довольно потирая ладони, сообщил женщине, что через два дня из Минеральных Вод в Чечню пойдет автоколонна с гуманитарной помощью, и ее могут взять с собой. В этот же день Антонина Петровна выехала в Минеральные Воды. В поезде было много военных, совсем молодые ребята были пьяны, разговаривали резко, грубо. Офицеры почти совсем не обращали на них внимания. В Минводах она переночевала на вокзале и утром поехала в военкомат. В Чечню должны были ехать два армейских «КамАЗа» с дровами и автобус с теплыми вещами и продуктами для солдат. Сопровождали колонну казаки с карабинами. Они посадили Антонину Петровну в автобус и вскоре тронулись в путь. Впереди колонны шел зеленый БРДМ с контрактниками. За рулем автобуса сидел совсем молоденький солдатик с тонкой, почти детской шейкой. Антонина Петровна обратила внимание на его руки, серые от ссадин и цыпок. Покопавшись у себя в сумке, она достала большое румяное яблоко, протянула его солдату:

— Возьми, сынок, наверное, соскучился по-домашнему.

Не отводя взгляда от дороги, он улыбнулся смущенной детской улыбкой:

— Спасибо, матушка.

У Антонины Петровны защемило сердце, так ее называл только сын.

Часа через четыре колонна остановилась на блокпосту с огромным транспарантом «Чеченская республика. Водитель, останови машину и заглуши двигатель». Небритые милиционеры о чем-то переговорили со старшим колонны, заглянули в автобус, поочередно оглядывая Антонину Петровну. Она уже держала в руках фотографию сына. На ее вопрос, не встречали ли они его где-нибудь, оба отрицательно покачали головами.

За блокпостом колонна опять остановилась. Солдаты и казаки вышли из машин, по команде старшего зарядили оружие. Водители повесили на стекла дверей машин бронежилеты. К обеду были в станице Наурской. Старший колонны отвел Антонину Петровну в военкомат, на прощанье пожал ей руку.

— Прощайте, мамаша, желаю вам успеха.

Военком был на месте. Он вызвал к себе какого-то кондуктора, приказал:

— Проводишь женщину к главе администрации, отдашь ему это письмо.

Глава администрации, пожилой чеченец с умным лицом и усталыми глазами, был дома. Прочитав записку, позвал жену:

— Хади, — сказал он ей, — накорми Антонину Петровну обедом, пусть отдохнет с дороги. А я попробую узнать, как ей быть завтра. Посоветуюсь со стариками, как ей попасть на ту сторону.

Пока Хади накрывала на стол, Антонина Петровна, чтобы не быть обузой, напросилась почистить картошку. Женщины разговорились, говорила больше Хади, Антонина Петровна слушала:

— Наша станица считается уже освобожденной от боевиков, хотя по ночам тоже стреляют. Недавно кто-то поджег школу. У нас жизнь почти мирная, пенсии вот стали давать, хоть какая-то работа появилась. Люди радуются, все уже устали от войны. А в Грозном еще боевики, горит там все. Утром посмотрите, до города километров семьдесят и над ним днем и ночью висит облако дыма. Вам, наверное, надо искать там. Говорят, что многих пленных солдат пригнали строить укрепления.

К вечеру появился Магомет Мусаевич, хозяин дома. Переодевшись, он колот дрова, потом долго умывался, ужинал.

Все это время Антонина Петровна ждала каких-либо известий. Потом он прошел в комнату, где сидела она. Антонина Петровна отложила в сторону спицы. Чтобы хоть как-то унять нервы, она начала вязать сыну теплый свитер. Магомет Мусаевич помолчал, вздохнул:

— Завтра утром за вами заедет машина с моим родственником, поедете с ним по селам. Дело ваше очень нелегкое, но, думаю, что Всевышний вас не оставит, люди помогут.

Утром, после снятия комендантского часа, подъехала машина — старенький дребезжащий «жигуленок». За рулем сидел небритый мужчина, лет около сорока. Антонина Петровна сердечно попрощалась с хозяевами, Хади положила ей в сумку завернутые в полотенце теплые пирожки, сказала:

— Это вам на дорожку.

До соседнего села ехали недолго. Здесь было все то же самое: пустынные улицы, дома без занавесок, женщины в черном. Какое-то подобие жизни ощущалось на асфальтированном пятакке перед зданием администрации. Люди торговали всякой всячиной: на табуретках, грубо сколоченных столах лежали шоколадки, жевательная резинка, семечки. Антонина Петровна зашла на рынок, разговорилась с женщинами, показала им фотографию. Никто никогда не видел ее сына. Люди говорили, что искать надо на территории, не подконтрольной федералам. Советовали поговорить со стариками, те каким-то образом имели связь с полевыми командирами и боевиками.

Так в бесплодных поисках прошел месяц. Антонину Петровну уже знали во многих селам, называли — солдатская мать. Несколько раз ее задерживали армейские и милицейские патрули, доставляли в комендатуру, потом отпускали. Антонина Петровна решила пробираться в Грозный. По созданному коридорам туда и обратно еще ходили люди. Выходили из Грозного женщины, старики — те, кого хоть кто-то ждал в России. Пытались выскользнуть и боевики. Однажды на посту задержали красивую девушку, светловолосую, синеглазую, она вела под руку старую, почти беспомощную чеченку, еле передвигающую ноги. Офицер что-то заподозрил — больше эту девушку никто не видел. Люди говорили, что при досмотре у нее на плече обнаружили синяк от приклада винтовки, шептались, что она была снайпером из Прибалтики или Украины. В Грозный шли люди, потерявшие там своих близких. У многих там оставались дети, больные или немощные родители. Кто-то так же, как и Антонина Петровна, искал своих сыновей, пропавших без вести. Однажды она услышала, как молоденький лейтенант, отдавая паспорт

пожилой чеченке, сказал ей с горечью: «После этой войны нам всем придется заново учиться улыбаться».

Город лежал в руинах, лишь кое-где сохранились остовы домов. Грозный готовился к предстоящему штурму российских войск. Чеченцы и подгоняемые автоматами заложники строили укрепления, рыли окопы. Антонина Петровна забыла о еде и отдыхе. Иногда только вечером вспоминала, что сегодня ничего не ела. Однажды, в группе пленных, копающих яму, она увидела молоденького солдата, почти мальчишку с большим шрамом на лице.

Пленный косил взглядом в ее сторону, будто что-то хотел спросить или сказать, но не решился. Их охранял свирепого вида бородатый чеченец с палкой в руках. Антонина Петровна попробовала подойти к пленным, но чеченец бросил палку и навел на нее автомат, она испугалась, что он будет стрелять, и отошла.

Спала Антонина Петровна в подвале разрушенного дома. Его обитатели находили себе пропитание в брошенных и разрушенных подвалах, там можно было найти консервированные овощи, варенье. Несколько раз заходили пьяные или обкуренные боевики, искали девушек или молодых женщин.

Однажды Антонина Петровна наткнулась на госпиталь, где оперировали боевиков. Робея, она стояла у порога, боясь войти. Врач в забрызганном кровью халате, пробегая мимо, крикнул:

— Чего стоишь, принеси быстро воды!

Антонина Петровна беспрекословно взяла ведро и пошла к колонке. Когда она принесла воду, врач непонимающе глянул на нее, потом протянул:

— А-а, это вы... Извините, я кажется накричал. Зайдите ко мне в кабинет через два часа, я должен закончить операцию.

Врач освободился через четыре часа, все это время Антонина Петровна простояла у закрытой двери с табличкой: «Главный хирург Кorieв А.Р.»

Выслушав ее, хирург сказал:

— Если вы будете просто ходить по городу и искать, то никого не найдете, хотя запросто можете угодить под обстрел или шальную пулю. Мне как раз нужна санитарка, зарплату я вам не обещаю, а вот ночлег и еду получите. — Кorieв закурил и добавил: — У нас тут много народа бывает, может, кто-нибудь вашего сына и встречал.

Так Антонина Петровна стала работать в госпитале. Она мыла полы, выносила утки, носила воду, делала всю тяжелую грязную работу. Придя однажды в подвал, в котором оби-

тала раньше, принесла хлеб и лекарство трехлетней девочке, живущей с матерью, похоронившей всех своих близких. Случайно глянув в подвальное окошечко, она увидела группу людей, стоящих под охраной боевиков. Один человек — Антонина Петровна не видела его лица — стоял на коленях чуть поодаль. Его голова лежала на большой деревянной колоде, которые обычно используют при рубке мяса. Женщина испуганно вскрикнула:

— Что это?

Мать девочки безучастно ответила, что один из заложников хотел украсть гранату, но его поймали и сейчас судят шариатским судом. Один из чеченцев зачитал бумагу, Антонина Петровна не расслышала слов. Потом здоровенный мужчина взял в руки топор, провел ногтем по лезвию и, размахнувшись, с утробным хеканьем рубанул лезвием по колоде. Сначала женщина не поняла, что произошло. Несколько мгновений тело находилось в прежнем положении, потом оно завалилось в сторону. С глухим стуком голова упала на землю, из разрубленного горла хлынула кровь. Тело билось в агонии, казалось, что человек пытается встать. Через некоторое время ногти заскребли по земле, туловище выгнулось и затихло. Притихших и подавленных пленных куда-то увели.

Антонина Петровна, замерев от ужаса, побежала в госпиталь. Всю ночь она вздрагивала и не могла заснуть. Наутро привезли большую партию раненых. Кorieв не отходил от операционного стола, ампутированные конечности складывали в полиэтиленовые мешки и сжигали в больничной кочегарке.

Поздно ночью в сопровождении большой свиты боевиков привезли бородатого чеченца лет сорока. Осколком ему разворотило живот, ранение было тяжелым, и раненый был без сознания. Из разговоров окружающих и по царившему переполоху Антонина Петровна поняла, что привезли какого-то важного полевого командира, чеченского генерала. Кorieв немедленно встал за операционный стол. Раненого, его звали генерал Муса, после операции поместили в отдельную палату, рядом посадили охранника. Антонине Петровне Кorieв приказал безотлучно находиться рядом. Генерал бредил, скрежетал зубами, пытался сорвать повязки. Антонина Петровна промокала его лицо влажной салфеткой, пытаясь облегчить страдания незнакомого человека. Она была простой деревенской женщиной, никогда не делила мир на русских и нерусских. Помогая сейчас выжить этому человеку, она представляла, что кто-то сейчас, возможно, помогает ее сыну.

Несколько суток раненый находился в забытье, поднимая на Антонину Петровну мутные от боли, ничего не видящие гла-

за, и тут же их прикрывая. Наконец, среди ночи он неожиданно открыл глаза, и что-то хрипло спросил по-чеченски. Антонина Петровна встрепенулась и наклонилась к его лицу:

— Что, сынок?

Он долго смотрел на нее, потом переспросил по-русски:

— Кто ты?

Положив ему на лоб прохладную ладонь, Антонина Петровна ответила:

— Я — мама Тоня, солдатская мать. Спи, сынок, все будет хорошо.

Он обессиленно закрыл глаза и вновь задремал.

Шло время, раненый чеченец шел на поправку. Ему сбрили бороду, и он оказался совсем молодым мужчиной, лет тридцати с небольшим. До войны он работал преподавателем Грозненского нефтяного института; когда пришел к власти Дудаев, молодые ученые-экономисты, увлеченные чеченским Че Геварой, вошли в его команду. Потом началась война, полилась кровь. Народ, лишенный источников существования, стал мародерствовать, грабить, убивать. Во всех бедах были обвинены русские. Десятки и сотни тысяч нечеченцев лишились своего имущества, а кто-то и жизни. Буйным цветом расцвела работоторговля. Чеченская революция, как и все революции в мире, превратилась просто в бойню.

Когда раненому стало легче, он попросил Антонину Петровну, чтобы она посидела рядом с его кроватью. В ответ на его душевные терзания женщина рассказывала ему о своей немудрящей и незатейливой жизни: как вышла замуж, как родила сына. Как он первый раз произнес: «мама». Как его маленького поддела рогами корова, как он плакал от жалости, когда отец за это ударил корову палкой. Генерал засыпал под ее неторопливый размеренный голос, и впервые за последнее время на его лице появился покой.

Однажды Антонине Петровне принесли адресованную ей записку. Писал ей тот самый солдат со шрамом, которого она видела на рытье окопов: «Тетья Тоня, я вас сразу узнал. Я видел вас на фотографии с вашим сыном Валерой. Меня держат в подвале полевого командира Исы Газилова и, наверное, скоро убьют. Меня зовут Андрей Клевцов».

С трепещущим сердцем и дрожащими руками Антонина Петровна бросилась на поиски Кориева. Не найдя его в госпитале, забежала в палату, где лежал Муса. Чеченский генерал не спал; лежа на спине, он читал какую-то толстую книгу. Увидев ее заплаканное лицо, отложил в сторону книгу, строго спросил:

— Что случилось? Кто вас обидел?

Трясаясь от рыданий, Антонина Петровна протянула ему записку, сбиваясь и захлебываясь слезами, стала рассказывать о том, как искала своего сына. Выслушав ее, Муса что-то крикнул в коридор по-чеченски. Прибежал охранник с автоматом, дежуривший в коридоре. Бросив ему несколько фраз, Муса сказал Антонине Петровне:

— Вас проводят к Газилову и обратно. Желаю вам успеха.

Резиденция полевого командира Исы располагалась в кирпичном трехэтажном доме, не разрушенном войной. Во дворе дома стояло несколько джипов, толпились боевики. Подвал дома был перегорожен металлической решеткой, на сваленных в кучу матрацах сидели и лежали пленные. Сопровождающий Антонину Петровну чеченец о чем-то коротко переговорил с караульным, и Антонину Петровну провели в беседку во дворе. Она пояснила, что ей нужен Андрей Клевцов, солдат со шрамом на щеке. Через несколько минут привели Андрея, он был худ и изможден. Ветхая одежда была порвана и местами лоснилась от грязи. Антонина Петровна присела рядом с ним на скамейку, боевики встали поодаль.

— Ну, рассказывай, сынок, все рассказывай.

— Я служил с вашим Валерой в одном взводе, даже кровати стояли рядом. У него я и увидел вашу фотографию. В Чечню нас отправили вместе, опять были в одном отделении. Когда колонна попала в засаду, и наш БТР подорвался на mine, Валерку контузило, мне осколок попал в лицо, — он показал на свой шрам. — «Чехи» расстреляли нашу колонну, а когда уходили, заметили, что мы живы, прихватили с собой. Валерка был очень плох, почти не мог идти, я, сколько мог, тащил его на себе. Потом «чехи» нагрузили на меня цинки с патронами, а Валерку пристрелили, чтобы не задерживал отход.

Антонина Петровна слушала молча, в отчаянии закрыв лицо руками.

Андрей всхлипнул:

— Это было под Ножай-Юртом, я просил, чтобы Валерку не убивали, говорил, что он мой брат. Мне только разрешили присыпать его землей, чтобы не сожрали собаки. Я отнес вашего сына в воронку и похоронил под тополем.

Он расстегнул рубашку и снял с шеи медный крестик:

— Вот, это его. Валера просил отдать крестик вам, он знал, что вы его найдете.

Закрыв лицо ладонями, Антонина Петровна зарыдала. Боль утраты, горечь одиночества сотрясали ее тело. Она кушала сжатые кулаки, чтобы не закричать в голос.

— Скоро наши пойдут на Грозный, и нас, скорее всего, расстреляют. «Чехи» звали к себе, агитировали воевать за

свой ислам, но я — русский и в русских стрелять не буду, — он сплюнул на землю, растер плевков подошвой. — Это хорошо, что я вас встретил. У меня никого нет, детдомовский. Очень обидно умирать, зная, что никто даже не узнает, как ты умер, и где тебя закопали.

Антонина Петровна прижала к себе его голову, сказала сквозь слезы:

— Спасибо, сынок, что нашел меня. Держись, ты будешь жить. Господь не оставит тебя в беде.

Пошатываясь, она пошла к воротам, сопровождающий пошел следом. Андрея опять отвели в подвал.

В госпитале она сразу пошла к генералу.

— Муса, — сказала она, — я — мать. Мне нет разницы, кто передо мной, мне одинаково близки русские и чеченские дети. Я недавно спасала тебя и сейчас прошу как мать. Спаси моего сына! Он у Исы Газилова и пока еще жив.

Муса долго думал, молча смотря в окно. Может быть, он вспомнил свою мать или думал о людях, которых убили по его приказу и которых никогда не дождутся их матери.

— Ахмет, — крикнул он негромко, тут же рядом с ним появился охранник. — Принеси мне ручку и бумагу.

Написанную записку он свернул вчетверо и отдал Ахмету:

— Срочно отнеси это Исе и заведи у него этого солдата. Как его зовут? — спросил он у Антонины Петровны.

— Клевцов, Андрей Клевцов, — торопливо ответила она.

— Приведешь этого Андрея Клевцова сюда и отдашь матери. Исе скажи, пусть подберет для него одежду и какой-нибудь документ. А то его или наши пристрелят, или федералы.

Обессилев, генерал Муса откинулся на подушки. Антонина Петровна промокнула его влажный лоб полотенцем и села ждать.

Через час привели Андрея. Она нагрела ему ведро воды и, пока он мылся, собрала на стол нехитрую снедь. На следующий день мать и сын покинули город. Боевики из отряда генерала Мусы вывели их по своему коридору из осажденного города. Смешавшись с толпой беженцев, они прошли контроль на блокпосту. Дежуривший лейтенант узнал Антонину Петровну и по-свойски ей улыбнулся:

— Ну, что, мать, нашла все-таки воина?

Антонина Петровна чуть улыбнулась в ответ.

*Материалы рубрики «Писательское братство»
подготовила Марина ПЕРЕЯСЛОВА*

ИВАН ГРОЗНЫЙ СЫНА НЕ УБИВАЛ

Увидев в 1885 году в Санкт-Петербурге на выставке новую картину Ильи Репина «Иван Грозный и его сын Иван 16 ноября 1581 года», которая потом стала известна под упрощенным названием «Иван Грозный убивает своего сына», обер-прокурор Святейшего Синода и выдающийся русский мыслитель Константин Петрович Победоносцев был крайне возмущен ее сюжетом, в котором вымысел выдавался за факт, и написал императору Александру III: «Нельзя назвать картину исторической, так как этот момент... чисто фантастический».

Но отчего же умер царевич?

Действительно, факт убийства царем Иоанном Васильевичем Грозным своего сына царевича Иоанна до недавнего времени казался бесспорным, ведь он нашел отражение даже в школьных учебниках как одно из свидетельств о якобы существовавшей жестокости Русского Православного Самодержавия. И никто не задумывался, откуда попал этот факт в историческую литературу. Лишь митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн впервые опроверг эту клевету на царя в своей книге «Самодержавие Духа», где доказал, что царевич Иоанн умер от тяжелой болезни и что в дошедших до нас исторических документах нет и намека на сыноубийство.

Но что же сообщают документы?

В Московском летописце за 7090 (1581) год написано: «...преставися царевич Иоанн Иоаннович».

Пискаревский летописец указывает более подробно: «...в 12 час ночи лета 7090 ноября в 17 день... преставление царевича Иоанна Иоанновича».

В Новгородской четвертой летописи говорится: «Того же (7090) году преставися царевич Иоанн Иоаннович на утрени в Слободе...»

Морозовская летопись констатирует: «...не стало царевича Иоанна Иоанновича».

Как видим, об убийстве ни слова.

Что же касается фактов, свидетельствующих о смерти царевича Иоанна от отравления, то они вполне обоснованны.

В.В. Манягин в книге «Вождь Воинствующей Церкви» (2003) пишет: «По поводу болезни можно сказать определенно — это было отравление сулемой. Смерть, вызванная ею, мучительна, а доза, вызывающая такой исход, не превышает 0,18 грамма».

Кто же это установил?

«В 1963 году в Архангельском соборе Московского Кремля, — пишет Манягин, — были вскрыты четыре гробницы: Иоанна Грозного, царевича Иоанна, царя Феодора Иоанновича и полководца Скопина-Шуйского.»

При исследовании останков была проверена версия об отравлении царя Иоанна Грозного. Ученые обнаружили, что содержание мышьяка примерно одинаково во всех четырех скелетах и не превышает нормы. Но в костях царя Иоанна и царевича Иоанна было обнаружено наличие ртути, намного превышающее допустимую норму.

Некоторые историки пытались утверждать, что это вовсе не отравление, а последствие лечения сифилиса ртутными мазями. Однако исследования показали, что сифилитических изменений в останках царя и царевича не обнаружено.

После того, как в 1990-х годах провели исследование захоронений московских великих княгинь и цариц, был выявлен факт отравления той же сулемой матери Иоанна Васильевича, Елены Васильевны Глинской (умерла в 1538 году), и его первой жены Анастасии Романовой (умерла в 1560 году).

Это свидетельствует о том, что царская семья на протяжении нескольких десятилетий была жертвой отравителей.

Данные этих исследований позволили утверждать, что царевич Иоанн был отравлен. Содержание яда в его останках во много раз превышает допустимую норму. Таким образом, советская историческая наука опровергает версию об убийстве царем Иоанном Васильевичем своего сына».

Миф о сыноубийстве создан иностранцами. Кто же автор клеветы на Ивана Грозного? Имена этого сочинителя и его последователей известны. Их вымыслы — лишь звенья в цепи лживых измышлений о нашем великом прошлом.

Митрополит Иоанн считал, что «решающее влияние на становление русоненавистнических убеждений «исторической науки» оказали свидетельства иностранцев». О том же говорил и выдающийся исследователь древности Сергей Парамонов в книге «Откуда ты, Русь?», которую он издал под псевдонимом Сергей Лесной: «Нашу историю писали немцы, которые вообще не знали или плохо знали русский язык». Примером тому являются лживая норманнская теория, миф о призвании варягов и прочие мифы.

На то, что авторами трудов по русской истории являлись иноземцы, указывал и советский академик Б.А. Рыбаков. Он, в частности, писал:

«Во времена бирюзовщины, когда отстаивать русское начало в чем бы то ни было оказалось очень трудно, в Петербурге, в среде приглашенных из немецких княжеств ученых родилась идея заимствования государственности славянами у северогерманских племен. Славяне IX—X веков были признаны «живущими звериньским образом» (выражение норманистов), а строителями и создателями государства были объявлены северные разбойничьи отряды варягов-норманнов, нанимавшихся на службу к разным властителям и державших в страхе Северную Европу.

Так, под пером Зигфрида Байера, Герарда Миллера и Августа Шлецера родилась идея норманизма, которую часто называют норманнской теорией, хотя вся сумма норманистических высказываний за два столетия не дает права на наименование норманизма не только теорией, но даже гипотезой, так как здесь нет ни анализа источников, ни обзора всех известных фактов».

Казалось бы, речь идет об эпохе, не относящейся к теме. Но если не понимать стремление Запада исказить правду о нашем великом прошлом, трудно поверить и в то, что написанное об Иоанне Грозном иноземцами — обычная ложь.

Можно привести тысячи примеров извращения истории нашего государства западными историками. Но особенно злостным нападкам подверглась эпоха Грозного.

«С «легкой руки» Карамзина стало признаком хорошего тона обильно мазать эту эпоху черной краской, — писал митрополит Иоанн. — Даже самые консервативные историки-марксисты считали своим долгом отдать дань русофобской риторике, говоря о «дикости», «свирепости», «невежестве»,

«терроре» как о само собой разумеющихся чертах эпохи». Причем доказательствами якобы имевших место ужасов той эпохи для историков явились не свидетельства очевидцев, не архивные данные, не показания придворных, записанные и сохраненные архивами, а клеветнические измышления западных посланников.

Миф о сыноубийстве и другие лживые мифы были необходимы не только для того, чтобы выставить царя в глазах потомков кровожадным тираном, но и доказать западному миру, к тому времени «прославившемуся» ужасами инквизиции, что в России порядки не лучше.

«Начиная с Карамзина, — писал митрополит Иоанн, — русские историки воспроизвели в своих сочинениях всю ту мерзость и грязь, которыми обливали Россию заграничные «гости», и творческое «наследие» таких, как Штаден и Поссевин, долгое время воспринималось в качестве свидетельства о жизни и нравах русского народа».

То же самое говорит и А. Гулевич в книге «Царская власть и революция»: «Национальная история пишется обыкновенно друзьями. История России писалась ее врагами».

Но кто же первый оклеветал одного из величайших русских самодержцев?

Строки, которые сочинил Антоний Поссевин (папский шпион), подхватил Генрих Штаден (германский шпион) и процитировал слишком доверчивый Карамзин:

«Царевич, исполненный ревности благородной, пришел к отцу и требовал, чтобы он послал его с войском изгнать неприятеля, освободить Псков, восстановить честь России. Иоанн в волнении гнева закричал: «Мятежник! Ты вместе с боярами хочешь свергнуть меня с престола», — и поднял руку. Борис Годунов хотел удержать ее: Царь дал ему несколько ран острым жезлом своим и сильно ударил им царевича в голову. Сей несчастный упал, обливаясь кровью!»

Монах-иезуит Антоний Поссевин приехал в Москву в 1581 году, чтобы послужить посредником в переговорах русского царя с польским королем Стефаном Баторием, вторгшимся в ходе Ливонской войны в русские земли. Будучи легатом папы Григория XIII, Поссевин надеялся с помощью иезуитов добиться уступок от Иоанна IV, пользуясь сложным внешнеполитическим положением Руси. Его целью было вовсе не примирение враждующих, а подчинение Русской Церкви папскому престолу...

Католическая церковь, потеряв надежду сломить Русскую Державу и Православную Русскую Церковь открыто, путем крестовых походов, и тайно, с помощью ересей, стремилась

теперь добиться этого обманом, обещая Иоанну Грозному, в случае, если он предаст истинную веру, приобретение территорий, принадлежавших ранее Византии.

«Но надежды папы и старания Поссевина не увенчались успехом, — писал М.В. Толстой в «Истории Русской Церкви». — Иоанн Васильевич оказал всю природную гибкость ума своего, ловкость и благоразумие, которым и сам иезуит должен был отдать справедливость, отринув домогательства о позволении строить на Руси латинские церкви, отклонил споры о вере и соединении Церквей на основании правил Флорентийского собора и не увлекся мечтательным обещанием приобретения всей империи Византийской, утраченной греками будто бы за отступление от Рима».

Флорентийская уния, иными словами, соглашение об объединении православной и католической церквей, была подписана в 1439 году во Флоренции. Эта уния явилась очередной попыткой Рима распространить католичество силой. В ответ на нее в 1448 году собор епископов в Москве объявил Русскую Православную Церковь автокефальной, то есть независимой от константинопольского патриарха.

Комментируя М.В. Толстого, митрополит Иоанн писал: *«Известный историк Русской Церкви мог бы добавить, что происки Рима в отношении России имеют многовековую историю, что провал миссии сделал Поссевина личным врагом царя, что само слово «иезуит», из-за бессовестности и беспринципности членов ордена, давно сделалось именем нарицательным, что сам легат приехал в Москву уже через несколько месяцев после смерти царевича и ни при каких обстоятельствах не мог быть свидетелем происшедшего».*

Иоанн Васильевич ответил иезуиту твердо и грозно: «Ты говоришь, Антоний, что ваша вера римская — одна с греческою вера? И мы носим веру истинно христианскую, но не греческую. Греки нам не евангелие. У нас не греческая, а Русская вера».

Миссия потерпела полный провал, и взбешенный Поссевин, по злобе своей, сочинил миф о том, что Иоанн Грозный в порыве гнева убил своего сына и наследника престола царевича Иоанна Иоанновича.

«Поссевин говорит, — пишет митрополит Иоанн, — что царь рассердился на свою невестку, жену царевича, и во время вспыхнувшей ссоры убил его. Нелепость версии (уже с момента возникновения) была так очевидна, что потребовалось «облагородить» рассказ, найти более «достоверный» повод и «мотив убийства». Так появилась другая сказка — о том, что царевич возглавил политическую оппозицию курсу отца на пере-

говорах с Баторием о заключении мира и был убит царем по подозрению в причастности к боярскому заговору. Обе версии совершенно голословны и бездоказательны. На их достоверность невозможно найти и намека во всей массе дошедших до нас документов и актов, относящихся к тому времени.

А вот сведения о «естественной» смерти царевича Ивана имеют под собой документальную основу.

Еще в 1570 году болезненный и благочестивый царевич, благоговейно страшась тягот предстоявшего ему царского служения, пожаловал в Кирилло-Белозерский монастырь огромный по тем временам вклад в тысячу рублей. Предпочитая мирской славе монашеский подвиг, он сопровождал вклад условием, чтобы «ино похочет постричься, царевича князя Ивана постригли за тот вклад, а если, по грехам, царевича не станет, то и поминати».

Также косвенно свидетельствует о смерти Ивана не от удара посоха то, что в «доработанной» версии о сыноубийстве смерть его последовала не мгновенно после «рокового удара», а через четыре дня, в Александровской слободе. Впоследствии стало ясно, почему царевич угасал четыре дня — это было вызвано отравлением сулемой.

Подхватил и развил версию о «сыноубийстве» и еще один проходимец — немец Генрих Штаден, прибывший в Москву с задачами разведывательного характера.

Штаден написал клеветнические записки, которые Карамзин посчитал за правдивые и которые были разоблачены советскими историками. К примеру, И.И. Полосин назвал их «повестью душегубства, разбоя, татбы с поличным», причем отличающейся «неподражаемым цинизмом». По словам другого советского историка, С.Б. Веселовского, «они представляли собой бессвязный рассказ едва грамотного, необразованного и некультурного авантюриста, содержащий много хвастовства и лжи».

Вернувшись в Германию, Штаден изложил проект завоевания Московии, предлагая уничтожить все церкви и монастыри, разгромить и упразднить православную веру, а затем превратить русских людей в рабов. Вот чьими данными пользовались многие русские историки, описывая в своих сочинениях эпоху Иоанна Грозного.

Русский философ Иван Александрович Ильин предупреждал, что «в мире есть народы, государства, правительства, церковные центры, закулисные организации и отдельные люди — враждебные России, особенно Православной России, тем более императорской и нерасчлененной России. Подобно тому, как есть «англофобы», «германофобы», «японофо-

бы», мир изобилует «руссофобами», врагами национальной России, обещающими себе от ее крушения, унижения и ослабления всяческой успех...

Поэтому, с кем бы мы ни говорили, к кому бы мы ни обращались, мы должны зорко и трезво измерять его мерилом его симпатий и намерений в отношении к единой, национальной России и не ждать: от завоевателя — спасения, от расчленивателя — помощи, от религиозного соврагителя — сочувствия и понимания, от погубителя — благожелательства, от клеветника — правды.

Политика есть искусство узнавать и обезвреживать врага».

А святой Василий Великий советовал выбирать из сочинений историков «только нужное для себя и согласное с Истиной, а прочее оставлять без внимания».

Но отчего вдруг подверглись клевете именно Иоанн Васильевич Грозный и время его царствования?

Ответ прост: сильная Россия Западу страшна, а Иоанн Грозный создавал Московское царство могучим, боролся за чистоту веры и укреплял Православное Русское Самодержавие, основы которого заложил святой благоверный князь Андрей Боголюбский.

Время царствования Иоанна Грозного и канун его были весьма знаменательны для России. Вот как оценивает эту эпоху доктор исторических наук С.В. Перевезенцев в книге «Царь Иван IV Грозный»:

«В XV столетии произошли события, особо важные для России, оказавшие огромное влияние на всю ее дальнейшую историю — в 1439 году во Флоренции было подписано соглашение об объединении католической и православной церквей; в 1448 году, в ответ на Флорентийскую унию, собор епископов в Москве провозгласил Русскую Церковь автокефальной, т.е. независимой от константинопольского патриарха; в 1453 году прекратила свое существование Византийская империя; в 1480 году Русское государство окончательно избавилось от татаро-монгольского ига.

Для русского религиозно-мифологического сознания той поры столь быстрая последовательность, фактически совпадение этих событий не могло казаться случайным. И смысл виделся совершенно определенный — Сам Господь избрал Русь для осуществления на Земле неких Высших, Божественных предначертаний, ибо Россия осталась единственным в мире государством, которое несло человечеству свет правой веры. В этот период Москва начинает осознаваться как центр, ядро, средоточие не только России, но всего мира».

И вполне естественно Запад забил тревогу. Не имея возможности уничтожить Русь военным путем, Запад прибег к клевете и шельмованию с целью подрыва авторитета верховной государственной власти в России.

Наш историк Иван Егорович Забелин писал:

«Всем известно, что древние, в особенности греки и римляне, умели воспитывать героев... Это умение заключалось лишь в том, что они умели изображать в своей истории лучших передовых своих деятелей, не только в исторической, но и в поэтической правде.

Они умели ценить заслуги героев, умели различать золотую правду и истину этих заслуг от житейской лжи и грязи, в которой каждый человек необходимо проживает и всегда больше или меньше марается.

Они умели отличать в этих заслугах не только реальную и, так сказать, полезную их сущность, но и сущность идеальную, то есть историческую идею исполненного дела и подвига, что необходимо и возвышало характер героя до степени идеала».

О наших же историках Забелин с сожалением сказал:

«Как известно, мы очень усердно только отрицаем и обличаем нашу историю и о каких-либо характерах и идеалах не смеем и помышлять. Идеального в своей истории мы не допускаем... Вся наша история есть темное царство невежества, варварства, суесвятства, рабства и так дальше. Лицемерить нечего: так думает большинство образованных русских людей...»

Был ли Иоанн Грозный жестоким?

Инструктируя создателей фильма «Иван Грозный» режиссера Эйзенштейна и исполнителя роли царя — Черкасова, Сталин сказал:

«Иоанн Грозный был очень жестким. Показывать, что он был жестким, можно. Но нужно показать, почему нужно быть жестким. Одна из ошибок Иоанна Грозного состояла в том, что он не уничтожил пять крупных феодальных семейств. Если он эти пять крупных семейств уничтожил бы, то вообще не было бы Смутного времени».

Иоанна Грозного называли тираном, приписывали ему непомерные жестокости, а между тем Сталин, который внимательно изучил политику царя, сделал вывод, что тот даже проявил излишнюю мягкость к враждебным боярским семействам, помиловав их и тем самым позволил ввергнуть Россию в Смутное время, унесшее почти половину населения Московии.

Между тем факты опровергают жестокость царя и бесчеловечность опричного «террора». Н. Скуратов в статье «Иван

Грозный — взгляд на время царствования с точки зрения укрупления государства Российского» пишет:

«Обычному, несведущему в истории человеку, который не прочь иногда посмотреть фильмы и почитать газету, может показаться, что опричники Иоанна Грозного перебили половину населения страны. Между тем число жертв политических репрессий 50-летнего царствования хорошо известно по достоверным историческим источникам.

Подавляющее большинство погибших названо в них поименно... казненные принадлежали к высшим сословиям и были виновны во вполне реальных, а не в мифических заговорах и изменах... Почти все они ранее бывали прощаемы под крестные ценовательные клятвы, то есть являлись клятвопреступниками, политическими рецидивистами».

Манягин отмечает, что такой же точки зрения придерживались митрополит Иоанн и историк Р.Г. Скрынников, которые указали, что за 50 лет правления Грозного царя к смертной казни были приговорены не более 4—5 тысяч человек. Но из этой цифры надо убрать казненных бояр до 1547 года, то есть до венчания Иоанна Васильевича на царство. Не может же он отвечать за взаимные убийства различных боярских кланов, рвавшихся к власти.

Манягин пишет: *«Во времена царствования Иоанна IV смертной казнью карали за: убийство, изнасилование, содомию, похищение людей, поджог жилого дома с людьми, ограбление храма, государственную измену.*

Для сравнения: во время правления царя Алексея Михайловича смертной казнью карались уже 80 видов преступлений, а при Петре I — более 120!

Каждый смертный приговор при Иоанне IV выносился только в Москве и утверждался лично царем».

Власть православного царя Иоанна Васильевича была много мягче, нежели в Европе, о чем Манягин говорит следующее: *«В том же XVI веке в других государствах правительства совершали действительно чудовищные беззакония.*

В 1572 году во время Варфоломеевской ночи во Франции перебито свыше 80 тысяч протестантов.

В Англии за первую половину XVI века было повешено только за бродяжничество 70 тысяч человек.

В Германии при подавлении крестьянского восстания 1525 года казнили более 100 тысяч человек.

Герцог Альба уничтожил при взятии Антверпена 8 тысяч и в Гарлеме 20 тысяч человек, а всего в Нидерландах испанцы убили около 100 тысяч человек».

Итак, в «просвещенной» и «милосердной» Европе примерно за тот же период казнили более 378 тысяч человек, большей частью безвинных, а в России при Иоанне Грозном за конкретные тяжкие преступления были казнены 4—5 тысяч. Почему же Грозный — царь-тиран, а европейцы — само милосердие?

За время царствования Иоанна Грозного прирост населения составил 30—50%, за время правления Петра I убыль населения составила 40%.

Но царь Грозный — тиран, а Петр — Великий. Теперь мы видим, сколь точно определение И.Л. Солоневича: «Русский историк является специалистом по извращению истории России».

Говоря о казнях, не следует забывать, что именно «не уничтоженное» боярское семейство Шуйских было одним из тех семейств, что толкнули Россию к Смутному времени. Именно со времени правления Василия Шуйского была нарушена православная вертикаль власти.

Начиная с правления Иоанна III было установлено, что царь присягает Богу, а народ присягает царю как Помазаннику Божию. Но безбожник Шуйский дал клятву не Богу — он дал подкрестную клятву боярской верхушке. Это было началом разрушения Самодержавия, построенного династией Рюриковичей. И разрушение это стало результатом не жестокости, а, напротив, чрезвычайного милосердия Иоанна Грозного.

«Мягкий и незлобивый по природе, — отмечал митрополит Иоанн, — царь страдал и мучился, вынужденный применять крутые меры».

Часто бывало, что едва только начиналась казнь приговоренных по суду злостных преступников, как прибывал гонец с царской грамотой и те, кто еще не был казнен, отпускались под крестное целование. Но что безбожному слуге бесовскому до этого целования? В благодарность за милосердие царя отравили сулемой...

И Россия покатила к Смутному времени, в период которого из 15 миллионов человек она потеряла 7 миллионов, а спасена была от полной гибели и превращения в польско-литовскую колонию лишь благодаря тому гениальному изобретению Иоанна Грозного, о котором мы незаслуженно забыли.

Именно Земский собор, созванный в 1613 году по законам и правилам, внедренным Иоанном Грозным, смог возродить самодержавное правление.

На этом Московском Земско-поместном соборе были окончательно отвергнуты посягательства на престол зарубежных самозванцев и избран русским царем Михаил Федорович Романов.

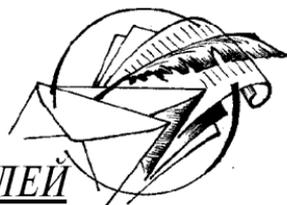
Ведь подвиг князя Дмитрия Михайловича Пожарского не только в том, что он освободил Москву, но и в том, что он не польстился на царский престол и не «крикнул» себя тут же царем, подобно Шуйскому с помощью ближайших к нему лиц, а согласился лишь на временное управление страной, немедленно начав подготовку к созыву Московского Земско-поместного собора всей Русской земли, поддержавшего введение опричнины во имя спасения Православной веры и самой Русской земли.

РУССКИЕ НЕ ИДУТ

Представьте себе: толпа русских водит хоровод на центральной площади города, например, Грозного. Проходящие мимо чеченцы отворачиваются и ускоряют шаг. Охраняющие правопорядок кадыровские «гвардейцы» не подходят к танцующим ближе чем на 100 метров и притворяются, что гораздо больше, чем русское народное творчество, их интересует игра облаков в чеченском небе...

Или вот вам другая картина: русские любители быстрой езды устраивают автогонки по улицам, предположим, Махачкалы. На задних стеклах ревуших тюнингovaných и тонированных «болидов» — российские «триколоры» и черно-золото-белые стяги с имперским двуглавым орлом, из боковых окон периодически выплывают очереди «калаши», автомобили с дагестанскими номерами на всякий случай прижимаются к обочине — эдакое «русское ралли». Всё в порядке вещей, не правда ли?

Еще одно «привычное зрелище»: на центральном рынке, для примера, Баку русские торгаши впаривают местным покупателям не только традиционную картошку-капусту-морковку, но и скупленные за бесценок у местных садоводов мандарины и гранаты. На

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

всем базаре — ни одного азербайджанского лица: местных торговцев почти полностью вытеснили — кого «кнутом», кого «пряником». Городские власти безмолвствуют, ибо куплены русскими с потрохами...

Жители славного города... ну, скажем, Нальчика уже при-выкли, что на одно муниципальное такси приходится пара десятков дребезжащих «помоек» с русскими «бомбилами» за рулем. Русскими заняты самые «хлебные» места около вокзала и ресторанов; попробуй туда сунуться местный «частник» или официальный таксист в лучшем случае отделается проколотыми колесами и разбитыми стеклами, про худшее промолчим. Несоблюдение «бомбилами» ПДД и отсутствие в их «тачках» элементарных средств безопасности полностью компенсируется надрывными завываниями Баскиной или Бабкина из включенных на полную магнитол...

А вот — допустим, где-нибудь в Ингушетии — целый район, контролируемый «русской мафией». Русские «братки» подмяли под себя и задавили поборами весь местный бизнес, они контролируют почти все предприятия, от придорожных кафе до свечных заводиков. За ними стоит местная власть и местная милиция: на половину чиновных и правоохранительных должностей за небольшую мзду посажены этнические русские, остальные всегда рады помочь за разовую взятку... Представили себе? Нет? Не получается? У меня тоже.

Русские не ведут себя так в гостях. Русские уважают чужие культурные традиции. Русские не лезут в мечеть со своим монастырским уставом. Русские — ну, настоящие русские — вообще как-то привязаны к родным местам и не слишком склонны к перемене мест. И многие даже не совсем русские, но воспитанные русскими, оказавшись на чужбине, тоскуют по России.

А еще на русских направлены большие лупы с разрешением, позволяющим разглядеть соринку в глазу. И к русским приставлены специально обученные и оплаченные «правозащитники». И русские заботливо помещены в специальную точку всемирного информационного пространства, на которую при случае, по поводу или просто при наличии желания, можно всем миром ой как надавить.

И если русские вдруг понаехали бы толпами в Грозный или Махачкалу, в Баку или Нальчик — да куда угодно, где им не место — и если бы русские вдруг стали себя так вести, как выше описано, русских бы не поняли не только местные жители. Их бы на весь мир назвали хамами и скотом, их громгласно обвинили бы в русском нацизме и в имперских амбициях, их поведение осудило бы все «цивилизованное

человечество», назвав «происходящее» ползучей агрессией, культурной оккупацией, наглым вторжением и главное — нарушением прав человека и преступным попранием национальных традиций других народов. Если бы русские так поступали... Но русские так не поступают.

Мало того, то ли из какого-то гипертрофированного чувства «русского гостеприимства», то ли от природной лени своей и природного же добродушия, то ли из христианского смирения и врожденной толерантности, то ли в ожидании поклевки жареного петуха или удара грома — но русские допускают, что так, именно так ведут себя на их земле — в Москве и Волгограде, в Петербурге и Петрозаводске — те, кто приехал к ним как бы погостить, да так жить и остался.

Но если русские вдруг начинают — нет, не «плохо вести себя в гостях», а хотя бы просто громко возмущаться, что на их земле так — вот так, как написано выше — ведут себя их гости, тогда немедленно приступают к делу приставленные к ним «правозащитники», а все «цивилизованное человечество» со вздохом — «Опять эти русские!» — принимается усиленно массировать наболевшую «русскую» точку информационного пространства.

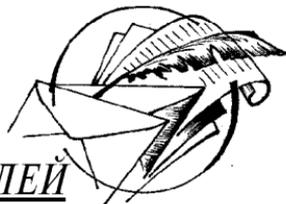
И русские, недовольные поведением инородцев на своей земле, оказываются хамами и скотом, националистами и имперскими недобитками, ползучими агрессорами и культурными оккупантами, угнетателями других народов с их самобытными национальными традициями и вообще — позором всего «цивилизованного человечества», достойными только перевоспитания 282-й статьей Уголовного Кодекса многонациональной Российской Федерации. Так оно есть. Так оно и будет. Пока не клонет жареный петух. Или пока гром не грянет. И уж точно — пока русские не ответят, наконец, сначала себе самим, а потом и всему заботливому «цивилизованному человечеству» на два самых русских вопроса: «Кто виноват?» и «Что делать?».

КОРЕНЬ ВСЕХ ЗОЛ — В НАС САМИХ

Происходит самое страшное: спивается не только родной, взрослый народ, мужчины и женщины, спивается молодое поколение — наши дети. Не только спиваются, но и прокуриваются, и колются, и развращаются. Страшная безнравственность и беззаконие возведены чуть ли не в ранг добродетели. Цена безсмертной и безценной человеческой души сведена к нулю.

Почему же люди, а в особенности молодежь, часто доходят в свои незрелые годы до полной деградации личности? Жизнь наша стала сплошной порнографией, сплошным извращением.

В продажу дьяволу идут человеческие души. Люди отдают их ему взамен гнусного и обольстительного греха, заполонившего всю землю. Взрослые подают своим безнравственным поведением губительный пример детям. Это и есть — «долгожданная «свобода!». «Свобода» — изобретение дьявольское. Имеется в виду наша нынешняя «свобода». «Свобода — темница! Свобода — оковы! Свобода — законный грабеж! Свобода — венец, как и прежде, терновый! Какая ужасная ложь». Действительно, «как зверь из клетки вековой, народ наш выпущен на волю!» Вопрос

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

только — на какую «волю» и кем выпущен, и с какой целью. Некоторые люди не зря, видно, когда-то спрашивали самих себя: «Мне вчера дали свободу — что я с ней делать буду?!»

В настоящее время различных и пагубных «свобод» развелось немало. О настоящей же — духовной свободе, свободе от греха и воздержании, людям умышленно не говорят, а вводят народ в заблуждение различными дешевыми подделками и суррогатами, имеющими вид снаружи зело привлекательный, а внутри зело гнилой и отвратительный. Лозунг: «ешь, пей, веселись» введен в умы многих. То есть — делай все, что хочешь, для своего развлечения и погибели, только не думай о Боге и не заботься о спасении своей безмертной и слишком дорогой души.

Поэтому в наше оголтелое время возобновленного язычества справедливы будут сказанные поэтом слова: «Блажен, кто Истину не предал, блажен, кто в Правде устоял». Но немного осталось среди нас тех, которые блаженны. «Блаженни нищие духом, яко тех есть Царство Небесное».

Нищих духом немного, но они еще есть, только вот их слова, к сожалению, почему-то не доходят до нашего ума и сердца. Не доходят, потому что мы не хотим их слушать, а слушаем только тех, которые умело и тонко льстят нашему самолюбию. Оттого-то жизнь наша стала какой-то нереальной из-за проникнувшей в нее хронической лжи. Ведь ложь не есть реальность, не есть действительность в высшем смысле, потому что это есть изобретение дьявола. Потому-то дьявол и есть «отец лжи», а все те, кто сеет вокруг нас ложь, есть его клеветы и соработники. Бог не создавал ни лжи и никакого другого греха. Это все изобретение дьявольское, и кто служит греху, тот служит дьяволу.

Почему же народные учителя и наставники не учат и не наставляют людей на путь истинный? Ответ прост. Да потому что их самих нужно учить и наставлять на правильную христианскую жизнь. Ведь нас нравственно и духовно без оружия убивают развратом. Народное единство и любовь вытравливаются из людей и уничтожаются. Наш «народ умирает не от нищеты, совсем нет, народ умирает от утраты нравственных ориентиров, лжи, неуверенности в завтрашнем дне».

Ушло самое главное — духовно-нравственная взаимосвязь людей. Много стало по местам «удельных князей», как в старину, и мало стало любви и уважения друг к другу. Поэтому возвращение к национальному — русскому укладу жизни, а не к западноевропейскому и американскому и должно стать нашей задачей на будущее время, если только Господь нам отпустит его.

Потому-то к голосу истинных народных глашатаев стоит прислушиваться, ибо они говорят нам о реалиях нашей безобразной и бездуховной жизни. И вот, действительно, видим мы, как «народ наш выпущен на волю». Выпущен наподобие джинна из бутылки. Кто теперь его обратно туда загонит? Ведь на волю выпущены человеческие страсти и звериные инстинкты, требующие безотлагательного удовлетворения.

А страсть не остановится ни перед чем и ни перед кем, не поглядит ни на малого, ни на старого: убьет ни за что, ограбит, совершит насилие, оскорбит и унижит любого без всякого угрызания совести, прожженной грехом. Нынче — «цель оправдывает средства!» Поэтому, «если тронуть страсти в человеке, то, конечно, правды не найдешь!» Вот ее никто и не старается искать — Правды Божьей, не старается искать Бога. Если и найдутся таковые, то их единицы. В большинстве случаев каждый ищет только своего, ищет различные способы для удовлетворения своих страстей. Но только как же можно забывать Бога, если даже народная поговорка гласит: «Без Бога — ни до порога!»

И современный нам поэт справедливо говорит об этом же: «Без Бога нация — толпа, объединенная пороком, или слепа, или глупа, иль, что еще страшней, — жестока». Своим крайним либерализмом, своими лояльностью и снисхождением к животным инстинктам, любовью к дурману «легкой и приятной» жизни, пагубной вседозволенностью, мы вплотную подошли к анархии, этой «матери порядка».

Идет умышленное оболванивание, обезличивание, обездушивание человека. Человек вводится в обман через средства массовой информации: путем наглядной, вольной, «прогрессивной» и прочей «культуры», которую ничем иным, как «мерзостью запустения», и не назовешь. Однако многими, введенными в заблуждение людьми эта подлая ложь почему-то принимается за правду. Прилагаются многие усилия для того, чтобы выбиться хоть в какие-то мало-мальски заметные люди. Для того же, чтобы выбиться из опутавшего нас по рукам и ногам греха, не принимается совершенно никаких мер, не прилагается никаких усилий.

Это грустно, это опасно. Идет усиленная деградация человеческой личности. Обманутый народ, обманутые дети! Народ, позволяющий себя обманывать по своей наивности и простодушности! Некому им заняться. Истинных пастырей не хватает. Одни молчат, другие без малейшего зазрения совести говорят заведомую ложь. Вот она — «свобода!» Вот он — волонтаризм! Кто же все это придумал и с какой целью? Кого винить? Где искать корень всех наших зол?

Корень всех наших зол следует искать в самих себе. За свои собственные грехи, по попушению Божию даются народу соответствующие правители и руководители. Каков народ — таковы и правители. Поэтому всему народу — и взрослым и детям нужно каяться в грехах.

«Оставляя времена неведения, Бог ныне повелевает людям всем повсюду покаяться!» (Деян. 17, 30). Прежде же чем покаяться, нужно сначала прийти к покаянию через слышание слова Божия от проповедника-пастыря, или катехизатора, или еще какого опытного учителя Православной Веры. Только от слышания опытного слова, растворенного солью благодати Божией, может войти в сердца людские и сама благодать Божия, Божия искра, способная зажечь огонь Божественной любви и ревности в душах человеческих, и этим подвинуть их ко спасению.

Но опытных проповедников у нас, к сожалению, не так уж и много — пастырей душ человеческих постоянно не хватает, да и прочих добросовестных учителей духовно-нравственной жизни тоже не густо. Это, конечно, беда. От нашего духовного бездействия, от нашего пагубного молчания и безразличия и спивается — то родной народ, и прокуривается, и прокальвается (потому что проколол свою совесть) и многое другое непотребное творит, а вразумить его большей частью некому.

Вот и получается — с пропитой, прокуренной и прокалотовой совестью очень трудно многим жить жизнью нормального человека, точнее сказать — просто невозможно. Бывают, правда, исключения из правил, когда пьяный человек ведет себя лучше иного «трезвого негодяя», — даже пьяный, он не пропивает свою совесть и остается человеком.

Но больше всего, конечно, нас должна волновать проблема нашей молодежи, наших ушедших из-под контроля неизвестно в какие дали детей. Иногда приходится видеть на автовокзале девочек лет по 10–12, не больше, спокойно стоящих с сигаретами в руках и дымящих во все стороны, а заодно и на нас с вами. Дьявольская зараза, привезенная в конце XV века Христофором Колумбом с острова Сан-Сальвадор, получила широкое распространение во всем мире, в том числе и у нас.

А ведь поначалу правительства разных стран боролись против страсти курения, и принимали к курильщикам самые строгие меры, вплоть до смертной казни. Курильщикам грозили отлучением от Церкви, водили по улицам с петлей на шее, отрубали головы, которые потом с трубками во рту выставляли напоказ народу. В Персии за курение отрезали губы, нос, а торговцев табаком живьем сжигали вместе с их товаром.

И в Древней Руси благочестивые правители также прилагали много усилий для искоренения греха табакокурения. Курильщики били кнутами на торгах, рвали ноздри и резали носы, а после перенесенных наказаний ссылали в дальние города, чтобы другим было неповадно. И только царь Петр I снял запрет с курения, вследствие чего мы и пожинаем сегодняшние смрадные и мерзкие плоды.

Но вернемся к прерванному разговору о наших детях. Те, которым сейчас уже по 15—17 лет, почти совсем вышли из повиновения. Теперь их трудно исправить. И женский и мужской пол, особенно юные, ходят по городам и весям в летнее время почти голые, или в купальных костюмах, или в трусах, называемых «шортами». Это тоже стало уже поголовным «нормальным» явление. А ведь кое-кто из них знает, что такие вещи совершенно недопустимы для Христиан.

Но этим не все заканчивается. Они не только курят, брюки носят и красятся, они еще много чего непотребного творят, о чем свидетельствует сама наша жизнь, наша просто фантастическая, а проще сказать уже бесовская реальность. А вокруг все молчат. Нужно помнить, что молчание не всегда бывает золотом. Ведь наших детей в учебных заведениях пытаются учить, страшно сказать, «свободной любви!» И учителей за это не сажают, не штрафуют и не казнят. Правильно поступают те родители, которые борются за своих детей с «учителями-извращенцами» и подают на них в суд или же — просто забирают их из таких «школ», чтобы из них не выросли профессиональные развратники и развратницы.

Но что самое страшное — люди начинают привыкать к разврату. Многие привыкают к беззаконию, мошенничеству, спекуляции, проституции, порнографии, пьянству, наркомании и прочей мерзости. Привыкают к хамству и всякому непотребству. А верующий человек, Христианин, не должен, не имеет права привыкать к тому, что идет против совести и против закона духовного.

Не зря, видно, когда-то поэт говорил: «Я живу давно на все готовым. Ко всему безжалостно привык». Другой поэт его как бы поддерживает: «Что я, как нищий, верю в случай, и ко всякой мерзости привык». Также и мы сейчас — спустя много лет после сказанного повторяем пройденное кем-то: привыкли ко всякой мерзости, а отвыкать, похоже на то, и не собираемся.

И потому-то хочется спросить: «Скажите, это что — неужели нормально? Это же дурдом какой-то! Мы живем, как в психбольнице, и не обращаем на это ровным счетом никакого внимания! Почему так? Кем узаконено это беззаконие?»

Неужели у всех как следствие резко греховной жизни развилась одна и та же повальная болезнь — шизофрения, которая валит всех наповал своим убийственным образом мыслей и действий, всецело подчиненных самому низшему — животному инстинкту?

Изменение сознания в лучшую сторону происходит почему-то совсем у немногих людей. У тех, которые стремятся к познанию божественной Истины, их-то Господь и выводит на путь истинный из мрака греховного. Господь способен просветить и исправить жизнь любого человека, даже самого грешного, лишь бы только человек сам того захотел.

Но провинившимся в первую очередь перед Богом и своей совестью, а также перед людьми нужно делать временами и профилактику путем принятия соответствующих законов. Закон нужен не для праведников, а для возмутителей народного спокойствия, чтобы можно было принять соответствующие меры к искоренению зла. Закон, запрещающий безнравственное поведение, нужен для пресечения гибели человеческих душ. Закон требуется тогда, когда потеряна совесть в обществе.

Поэтому наша жизнь должна оцениваться прежде всего нравственно-духовными критериями, равнение должно быть на Церковь Православную, на любовь истинную, а не лицемерную, потому что истинная любовь есть закон жизни на небе и на земле.

Но самое главное — это молитва со слезами и сокрушенным сердцем к Богу о помощи, вразумлении и просветлении ума у всех нас. У одной благочестивой женщины было семь детей, и все они выросли прекрасно воспитанными и верующими людьми с нормальными отношениями и хорошими семьями. Возможно ли такое в наше время? Возможно! Как эта женщина воспитывала своих детей? Слезами и молитвой к Божией Матери: «Матерь Божия, помоги!» И — Матерь Божия помогла!

Берите пример с этой женщины, потому что молитва близких, особенно матери и отца, от всего сердца возносимая, очень много может. А молитва церковная будет помогать и сопутствовать нашей молитве. Одно другому не мешает, а наоборот — помогает. Церковь Христова с ее служителями нам для того и дана, чтобы помочь людям исправить их порочную и греховную жизнь, направить все их дела и мысли к Богу, помочь освободиться от рабства греху и чистым сердцем соединиться с Богом через молитву и церковные Таинства.

Господь же невидимо присутствует на исповеди рядом со священником, который является посредником между людьми

ми и Богом. Явиться же явно нам Господь не может, как того некоторые неразумно желают, потому что мы люди грешные и не смогли бы вынести такого явления и остаться в живых. Даже некоторые святые очень высокой духовной жизни, такие, как Серафим Саровский, и то после явления им Господа долгое время не могли прийти в себя. Нам же до Серафима Саровского еще очень и очень далеко, поэтому и не стоит так дерзко думать и желать того, что нам совсем не нужно.

Нам нужно стремиться с самого раннего детства приучать человека к Церкви, к духовной и нравственной чистоте, к благочестию, а не к вопиющей безнравственности и беззаконию. Оттого и наблюдаем мы в настоящее время, как многие первоначально чистые души — эти сосуды Божии, очень быстро заполняются грязью и нечистотой. А как трудно потом их отмывать, отбеливать, отчищать, сколько на это уходит времени и сил! На это может уйти даже вся оставшаяся жизнь человека, и неизвестно еще, хватит ли ее для очищения души от грехов?

От грехов же спасает людей Господь наш Иисус Христос, Который есть Спаситель мира. В этом и заключается главная цель Церкви — спасти от греха. Формальное же хождение в Церковь и исполнение только буквы церковных законов без участия в том живой души ничего не дает человеку, кроме вреда. Потому-то и нужно приобщаться к церковной жизни душой, а не только телом. Нужно молиться по возможности за всех, чтобы Господь вразумил и просветил, и наставил на путь истинный всех нас. Будем молиться в особенности и о детях наших заблудших, будем наставлять их на всякую истину, а не бездействовать и не молчать. Потому что грехом может быть не только какое-то нехорошее действие или мышление, но и бездействие, апатия, теплохладность и прочее безразличие к своему спасению и к спасению своих близких. А дети — наше светлое будущее. Так пусть же оно действительно станет с Божией и нашей помощью светлым, а не темным будущим.

*г. Задонск Липецкой обл.,
Рождество-Богородицкий мужской монастырь*

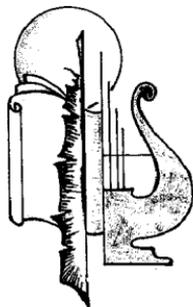
УТРО СТРЕЛЕЦКОЙ КАЗНИ

(Василий Иванович Суриков. 1848 — 1916)

Василий Иванович Суриков родился в Красноярске. Род был древний, казачий, еще при Ермаке служил есаул по фамилии Суриков. Казаки жили в крепостях-острогах, окруженных рвами и бревенчатыми стенами. «Жестокая жизнь была в Сибири, — вспоминал свое детство Суриков. — Со всем XVII век. Мощные люди были. Сильные духом. Размах во всем. Казни и телесные наказания на площадях публично происходили. И сила какая была у людей: сто плетей выдерживали, не крикнув».

Из окон школы, где учился Вася, видна была городская площадь, на которой нередко происходили публичные наказания и казни. Школьники слышали барабанную дробь, сопровождавшую экзекуции, видели свистящую в воздухе плеть палача, но редко сквозь барабанную дробь прорывался вопль наказуемого, — кричать считалось позором. Красноярские мальчишки не боялись палачей, они знали их даже по именам: палач Сашка, палач Мишка.

Жизнь сибиряков всегда проходила бок о бок с каторжниками и беглыми. Поджоги, грабежи, разбой на дорогах — всё это было обычным явлением. Расправлялись за такое жестоко. Дважды Вася видел смертную

ИСКУССТВО

казнь. Один раз казнили мужиков за поджог. Двое молодых, один старик. Все трое в белых рубахах. Их везли к месту казни в телеге, и рядом с телегой, в голос причитая, бежали их жены и матери. Приговоренных поставили на помост. Солдаты взвели курки. Раздался залп. Белые рубахи пошли красными пятнами. Вася стоял, оцепенев от ужаса. Второй раз он видел казнь политического. Его везли на телеге за город, и Вася с толпой сверстников пошел за телегой. Перед расстрелом политический крикнул: «Делайте то же, что я!» Потом, не спеша, поправил на себе рубаху. Вася подумал: «Как же это может быть, что человеку умирать, а он еще рубаху на себе поправляет!» Тут раздался залп, и у Васи земля поплыла из-под ног...

Став художником, Василий Иванович Суриков не случайно избрал для своих картин исторические сюжеты. Образы шли к нему из Сибири. Всё было для него зримо, всё осязаемо! В сундуках матери видел он старинные пестрые сарафаны, расшитые шугаи, узорчатые дорожные шали, телогрейки на меху, парчовые войники. В подполье родительского дома хранились седла, ружья, пистолы, ятаганы, шашки. Было множество книг в доме — в кожаных переплетках, с пожелтевшими страницами, они приковывали Васю воображением к славе далеких предков. Первой большой картиной Сурикова стала «Утро стрелецкой казни». Художник передал в ней не только трагедию стрельцов, защитников царевны Софьи, но и вложил в нее память о Сибири, о родном доме.

«Утро стрелецкой казни». Хмурое утро. Вот-вот наступит день. Страшный день... Толпы зевак заполнили лобное место у Кремля. Кружит воронье, чует поживу. У подножия храма Василия Блаженного на телегах стрельцы — ратники царевны Софьи, защитники старого царского уклада. Бунтовщики! Они покушались на самого царя Петра. Их ждет неминуемая казнь. Лютая! Но ни стонов, ни вздохов — огромная площадь притихла, только живые трепетные огоньки свечей напоминают о быстротечности последних зловещих минут. Непокоренный, яростный взор вонзил стрелец в бесконечно далекого, окруженного свитой и стражей царя.

Петр видит его. Этот немой, полный ненависти диалог среди бушующего моря страстей человеческих — страшен!

Петр только что вернулся из-за границы: известие о стрелецком мятеже вынудило его бросить все. За границу он отправился в 1697 году со свитой волонтеров для обучения кораблестроению. Работали на верфи в Голландии. Потом поехали в Англию обучаться инженерному искусству кораблестроения. России был нужен свой флот! Работая и обучаясь

наравне с другими и даже усерднее других, Петр еще успевал осматривать монетные дворы иностранных государств, арсеналы, промышленные предприятия, учебные заведения. Он меньше всего думал о себе, он думал о будущем России! А тут — мятеж! Сразу по приезде в Москву начал розыск, сам участвовал в допросах и пытках. Был твердо убежден, что бунт — дело рук сестры Софьи, которая уже восемь лет в заточении в Новодевичьем монастыре. Эх, Софья, Софья!.. С детства его ненавидела. Как уехал за границу, так и взялась стрельцов подбивать...

Изучая для картины эпоху Петра, Суриков бродил по музеям, по церквям, заходил в Кремль, в Оружейную палату, рассматривал там вороненую чеканку затворов на пищалах или старинный, поеденный молью кафтан стрельца. И ему тогда казалось, что он знал в лицо обладателя кафтана, того, кто глухой ночью, при свете факелов, под нависшими сводами дворцового подвала давал торжественную клятву до последнего вздоха служить только одной царевне Софье. Она вместе с преданными ей боярами Милославскими обещала стрельцам добрые старые времена. Ни одного иноземца, пригретого Петром, не будет на Руси! Ни одного чужеземного кафтана не останется на русских плечах!

Но получилось — лобное место.

Долго из бойниц кремлевских стен торчали бревна с повешенными стрельцами, долго у Спасских ворот не убирали телег, нагруженных трупами... Безмолвный народ не мог подойти, а царь пировал с иноземцами в хоромы с окнами на Красную площадь, где бояре-шуты продолжали рубить головы посягнувших на великое дело — преобразование России.

Василий Иванович ходил из угла в угол по своей мастерской — пустой и гулкой, сердце и воображение его были с преображенцами и стрельцами. Вот они все! Стрельцы и стрелецкие семьи, выплеснувшие море скорби и отчаяния на площадь перед Кремлем, и «птенцы гнезда Петрова», преображенцы, которые вместе со своим «бомбардиром» — юным Петром начинали с потешных баталий, дойдя затем до настоящих, грозных орудий, до строительства российского флота.

Впервые в русском, да и, пожалуй, мировом искусстве героем картины стал народ. Суриков делал титаническую работу!

В России с середины XIX века начался пересмотр отечественной истории. Становилось ясно, что реформы Петра I, направленные на усиление российского могущества, имели и оборотную сторону: унижение русского человека. Петр на-

саждал иноземщину палкой, каторгой, солдатчиной. Никогда русские не кланялись чужому, знали цену себе, а при Петре — да и после него почти полтора столетия — вынуждены были ломать шапку. И вышло так, что в России получали права иностранцы, а своим не было ходу. Недаром Петра Суриков поместил в глубине картины, а впереди — пострадавших от него. Недаром русские — в русской одежде, а русский царь — в немецкой.

За работой Василий Иванович вспоминал, как юношей приехал в Петербург в Академию. Его рисунки привели академиков в негодование! В Академии тогда царствовали чужие, к тому же допотопные сюжеты, и вдруг — предстало свое, родное, дышащее жизнью и самобытностью!

— Да за эти рисунки вам надо запретить даже ходить мимо Академии! — взъелся на Сурикова инспектор Шрейнциер.

Но у Академии уже были противники: выростала своя, национальная школа. Там уже происходило открытие мира, обдуманного русской мыслью. Там уже были те, кому нравилось думать по-русски и на русском, наконец-то, языке! Эти новые умы не дали погибнуть таланту Сурикова. А еще — не дала погибнуть крепкая сибирская закваска.

Появление на выставке «Утра стрелецкой казни» было ошеломляющим! Пораженный зритель впервые увидел народные массы в исторической правде. Суриков в своем произведении заставил жить и действовать десятки людей! Явственно, без единой утайки, показал он всю драматичность, трагичность страниц русской летописи. Всю меру страданий людских, страданий народа, который отвечал за всё! Таких художников Россия еще не знала.

Петербургский дворец князя Меншикова находился на Васильевском острове, у берега Невы. Розовый, со ступеньками, спускавшимся прямо к воде. Над входом был открыт балкон, на котором Меншиков стоял, ожидая своей лодки. На балкон выходили высокие двери, а над ним тянулся ряд круглых окон — их называли «бычий глаз».

Окруженный льстецами, «светлейший» садился в свою раззолоченную лодку, обитую внутри бархатом, переправлялся через Неву, причаливал к Исаакиевской пристани. Пересаживался в карету, похожую на раскинутый веер, запряженную шестеркой серых, в яблоках, коней. Впереди бежали скороходы, сзади ехали музыканты, за ними отряд драгун, — даже царь никогда не выезжал с такой пышностью, он почти всегда либо бегал пешком на верфь, либо скакал куда-нибудь по делам на своем громадном коне.

Меншиков был любимцем Петра. За преданность, смекалку, безоглядную храбрость стал первым его другом. На Алексашку Меншикова Петр всегда мог положиться: не продаст, не подведет, ничего не забудет, головы не пожалеет, а делает! Как и Петр, Меншиков жадно выпитывал и с поразительной легкостью усваивал артиллерийское дело, фортификацию, кораблестроение. Блестящий полководец, он умел предвидеть многое из того, что потом приносило Петровым войскам победу. В Полтавской битве главная заслуга принадлежала Меншикову, он сделал все возможное для полного разгрома шведов. И недаром после битвы, тут же, на поле перед войсками, Петр пожаловал своего помощника фельдмаршалским жезлом. И посыпались на Меншикова милости, подарки, земли... «Дитя сердца моего», называл его Петр, и терпел всю ту пышность, которой обставлял Меншиков каждый свой выезд.

Но и гнев Петра не раз обрушивался на Меншикова! Изза безудержной алчности «светлейшего».

— Знаешь ли ты, что я разом поворочу тебя в прежнее состояние?! Опять будешь кричать: «Пироги подовые!» — топал ногами Петр.

Меншиков в детстве торговал пирогами. Стать вторым лицом государства он мог только при Петре I, царе-реформаторе. При Петре появилась плеяда государственных деятелей, которые вышли из низов и вошли в историю, благодаря большим личным заслугам, а не званиям.

После смерти Петра Меншиков сделал все, чтобы на престол взошла вдова Петра — Екатерина, как когда-то сделал все, чтобы царь женился на этой простой лифляндской служанке, попавшей к русским в плен во время Северной войны. Оба они — Меншиков и Екатерина — вышли из низов и добрались до самых вершин могущества. Став императрицей, Екатерина возвела Меншикова в сан генералиссимуса. Но и этого уже было мало «светлейшему». Решил породниться с царским домом! Заставил Екатерину завещать трон малолетнему сыну убитого царевича Алексея; с условием, что будущий император женится на одной из дочерей Меншикова.

Но тут «светлейший» просчитался. Петр-внук, своенравный, красивый, не терпел покровительства Меншикова, называл его выскочкой, а Марию Меншикову, красавицу, нареченную свою невесту, просто ненавидел только за то, что она была дочерью «светлейшего». Бесчисленные враги князя нашептывали царевичу: «Меншиков бил твоего отца по щекам, присутствовал при его пытках!» И нашелся предлог, чтоб свалить могучего князя. Ему было приказано оставить Пе-

тербург. Вот уж тут враги распоясались! Всё дочиста отняли у генералиссимуса! Нажитое, пожалованное и награбленное богатство. Все почести, земли, вотчины, дворцы...

Уезжал он из Петербурга в золотой карете со свитой, но в Твери его затолкали в телегу, и вместо свиты отрядили конвой.

Александра Даниловича с сыном и двумя дочерьми (жена умерла по дороге, не доехав до Казани) доставили в Березово — старинный уездный городок, основанный в 1593 году на севере Тобольской губернии.

У самого берега Сосьвы, на пустыре, вырос домик в четырех комнаты и с часовенкой. Домик построил почти все своими руками «светлейший». В одной комнатке поместились княжны, в другой — князь с сыном; в третьей — прислуга; четвертую комнату отвели под кладовую.

Страшная жизнь началась. Зима — лютая, дня почти нет, вместо него северная кромешная тьма. Дочери затеплят свечной огонек, подсядут к отцу и читают ему священные книги. Или Меншиков рассказывает им свое богатырское прошлое. Память Александра Даниловича удерживала сотни имен и дел. Поочередно дети записывали его рассказы, и так шли дни, недели, проходили месяцы...

На картине «Меншиков в Березове» князь сидит за столом, зоркие глаза его обращены в прошлое. Могучий муж! Суриков уместил его с тремя детьми на крохотном пространстве низенькой избушки, как бы давая знать зрителю, до каких пределов сжалась бывшая беспредельность князя. Вокруг «светлейшего» расположились его дети. Мария — «бывшая царская невеста» — совсем больная, с темными кругами возле глаз.

В мастерской Сурикова, на холсте, меж бревенчатых стен сверкали как драгоценности: рубинами бархатная скатерть на столе, сапфиром атласная юбка младшей дочери, топазом светилось лампадное масло в пузырьке на подоконнике... Два источника проливали свет на всю эту группу: мертвенно белый свет за заиндевевшим оконцем и тревожный, трепещущий, красноватый от лампы перед божницей, где оправленные в золото и серебро темные лики угодников напоминали о возмездии. И сколько здесь было, несмотря на общий сумрачный колорит, сверкания и разнообразия цветов! Сколько живого человеческого тепла в движениях под складками одежды, в лицах, в позах!

Окончив картину, Суриков показал ее на Одиннадцатой передвижной выставке. Но даже великий защитник русского искусства Стасов обошел картину молчанием. Даже пре-

красный художник Крамской высказался неопределенно:

— Либо эта картина гениальна, либо я в ней еще не разобрался.

А что говорить о хулителях творчества Сурикова! Те хором кричали:

— Плохо нарисовано!

— Семья моржей!

— Грязные цвета!

«Провалился я нынче», — мрачно думал Василий Иванович.

Понял произведение и правильно оценил его, пожалуй, один только Павел Михайлович Третьяков. Он почувствовал, что отсюда открываются новые пути для всей русской живописи. Он понял и психологическую глубину картины. Суриков — этот русский до мозга костей человек — сделал огромный шаг вперед. «Утро стрелецкой казни», «Меншиков в Березове» — были единственные в России зрительные итоги целых эпох и проникновение в самую душу истории.

В 1655 году патриарх Никон проводил насильственную реформу церкви. По согласию царя тексты церковных книг исправлялись по греческим образцам и заново перепечатывались. Делали это греческие богословы. Верующих заставляли креститься не двумя перстами, а щепотью, «чертовым кукишем». Такого унижения Россия еще не знала!

Русские приняли христианство чуть ли не позднее всех других народов, приняли на душу неразвращенную, чистую; по верности души своей следовали ему, не представляя, что от Бога им данная вера и обряды могут быть искажены человеком властвующим.

Никон уверял паству, что делается это в силу необходимости, ибо в церковных книгах из-за множества их переписок, появились разночтения, но русских протопопов (старших попов) такое объяснение не устраивало. Протопопы считали Русь единственной хранительницей неповрежденного православия, которое «давно замутилось у плененных турками греков — испроказилось».

— Смотрите, — доказывал им Никон, — святому Саккосу сотни лет, а на нем символ веры и изображенный с нашим разнится. Вышито: «Его же царствию не будет конца». А мы у себя чтём — «Его же царствию несть конца». Ну, как не выправить?

— И не надо выправлять! Ведь по греческому мудрствованию — конец есть, но боятся его и успокаивают — «не будет». Почто врут и двойничают? Мы-то знаем, что царствию Бо-

жъему несть конца! Нестъ! Стало быть — нету! Это грекам надо выправлять свои служебники по нашим!

— Везут и везут к нам мощи святых угодников, хитоны мучеников, гвозди многие. И ведь не так себе, не бескорыстным подношением, а за мзду! По-христиански ли это? Канючат подаения на греческие церкви, на прокорм насельникам монастырским, а царь наш тишайший — пожалуйте. А они ему опять палец подносят, а то и всю руку святого или щепу от креста Господня... Подумать страшно, пальцев Иоанна Богослова с полусотни по Руси обретается! Как не грех промышлять сим?

Ненависть протопопов к Никону и греческим богословам была огромна! Протопопы подвергались побоям, ссылкам, истязаниям, но продолжали обзывать греческих иерархов «блехочинными» и «побирушками». Пламенный борец за старую, истинную веру, протопоп Аввакум громогласно взывал к народу:

— Слыши небо и внуши земле! Вы будете свидетели нашей крови изливающейся! Нас винят, что еще держим неизменно отцов своих предание!

Царь Алексей Михайлович неоднократно ссылал Аввакума далеко за пределы Москвы, но и оттуда — из Тобольска, из Даурских мест, с устья Печоры гнев протопопа наступал никониан. Аввакумовы послания ходили по рукам, переписывались, — некуда было деться царю и придворному духовенству от его «крика».

Народ поддерживал Аввакума:

— В Московском государстве не стало церкви Божией, все пастыри с патриархом губители, а не ревнители благочиния!

Ближайшей ученицей протопопа Аввакума была верховная боярыня Федосия Прокопьевна Морозова, родственница царя. Она тайно приняла от Аввакума монашество, устроила в своем доме раскольничий монастырь, собирала вокруг себя раскольников Москвы, раздала треть своего состояния во имя старообрядческой веры.

— С новой верой испоганится Русь! — жарко убеждала она. — Не будет в ней христианского благочестия, а будет всё больше сраму прибывать! И погинет вера Христова православная, и нельзя ей дать погинуть!

Царь приходил в ярость, когда слышал о «подвигах» Морозовой. Он требовал от нее отречения. Она не отреклась:

— Скажи, почто и отец твой веровал яко же и мы? — гневно стыдила царя. — Если я достойна озлобления, то извергни тело отца своего из гроба и предай его, проклявши, псам на съедение!

Тогда было велено отправить ее в тюрьму Псково-Печерского монастыря. Закованную в цепи, с ошейником, Морозову посадили на дровни и повезли через Кремль мимо царских теремов. Но и под тяжестью огромных цепей Федосия осеняла себя крестным знамением, посылая к царским окнам десницу с двуперстием.

*На улице шум и смятенье,
Народ, словно море, шумит.
В санях, не страшась заточенья,
Боярыня гордо сидит.
И верит она, не погибнет
Идея свободной мольбы.
Настанет пора, и воздвигнут
Ей памятник вместо дыбы.*

Единственный сын Морозовой, четырнадцатилетний отрок Иван заболел с горя. Бояре недоумевали: восемь тысяч крестьян у Морозовой, домообзаведения на двести тысяч, — ей ничего не жаль. Сына не шадит, наследника всему!

Вскоре Федосию вернули назад в Москву. Приволокли в пыточную избу.

— На костре сожгу! Отрекись! — добивался от нее Алексей.

Она кричала высоким, резким голосом:

— Для меня великая честь, если сподоблюсь быть огнем сожжена!

Даже на дыбе, с вывернутыми в плечах суставами, с огромными порезами на руках, таких, что видны были жилы, она не отрелась.

Морозову увезли в Боровский острог, заключив в «земляную тюрьму». Свезли в Боровск и сестру Морозовой — княгиню Урусову, которая тоже горячо поддерживала раскол. Там сестры умерли голодной смертью.

— Видите, видите клокочуща христопродавца!.. — проклинал царя Аввакум. — Иных за ребра вешал, а иных во льду заморозил, а боярынь, живых засадя, уморил в пятисаженных ямах!

После смерти Алексея Михайловича, протопоп стал настойчиво взывать к его сыну о возвращении истинного православия. Последовал царский приказ: «Уничтожить еретика!»

Аввакума вместе с тремя единомышленниками сожгли в срубе. Однако раскол остановить не удалось. Тысячи людей уходили в леса Поволжья, Урала, Сибири, прячась от царя и патриарха. Жили общинами, трудно, порой невыносимо, но справляли церковные обряды так, как делали их отцы и деды.

Об этой народной трагедии Василий Иванович Суриков знал с детства — матушка его была из глубоко верующей семьи. Помнил рассказ о Федосии Морозовой и Евдокии Урусовой.

— Сидят они в яме, цепями прикованные. В голоде, холоде, в язвах и паразитах, рубищами прикрытые. «Миленкий, — просит стража Федосия Прокопьевна, — дай хоть корочку, не мне, сестре». А сама смотрит на него из ямы. Щеки ввалились, лицом бледная, а глаза аж светятся в темноте. Страж, гляючи на нее, сам-то плачет да и отвечает: «Не приказано, боярыня-матушка!» А она ему: «Спасибо, батюшка, что ты веру нашу в терпении укрепляешь».

Вася Суриков сном-духом не ведал, слушая, во что превратится для него этот рассказ.

В 1887 году Россия готовилась праздновать восьмисотлетие перенесения мощей Николая Чудотворца из Мир в Бари. И Василий Иванович решил написать к этому событию «Боярыню Морозову»: остановить мгновение, когда истерзанную, измученную, но не сломленную в вере Федосию Прокопьевну влечат в розвальнях через всю Москву по кишашим народом улицам.

Будто огромное окно распахнул Суриков в холодную, трагическую Русь. Поникие головы задавленных, сжатых людей, не властных сказать свое настоящее слово. Не властных сказать! Вот оно то, отчего не раз Россия была на грани гибели! Народ всегда видел лучше властителей: вековечные страдания дали этому народу дар предвидения, но не вправе он был сказать свое слово.

Зато сказал свое слово Суриков. Это же свои, русские люди, своя история, свой гнев, своя драма. Симпатии Сурикова были на стороне Морозовой и всех, кто крепок духом, кто не согнется ни от угроз, ни от пыток. Воздетые к небу руки Морозовой сложены в староверческом двуперстии. Жутко звучат ее речи, обличающие патриарха и царя. Лютой ненавистью к богоотступникам горят глаза. Со скорбью взирают на «крамольную» боярыню люди, и значит, правда за ними, правда православия и души, отданной православию, и нет другой правды. Подвиг Морозовой благословляет юродивый — самый безгрешный человек на Руси. Но хари в богатых шубах хихикают, глумятся. Поп ощерил рот: ничего ему не надо, кроме собственного брюха, он и мать, и брата заложит за сытый живот.

Сложная и страшная правда! Не царский бунт — народная драма. Высшая драма, ибо она касается посягательства не на что-нибудь, а на самое святое, что есть в человеке, — веру!

«Боярыня Морозова» появилась на Пятнадцатой передвижной выставке. Стасов, который раньше почти не замечал Сурикова, на этот раз не мог прийти в себя: «Я вчера и сегодня точно как рехнувшийся!» И писал в отчете о выставке: «Суриков создал теперь такую картину, которая, по моему, есть первая из всех наших картин на сюжеты из русской истории. Выше и дальше этой картины наше искусство не ходило еще!»

Картину приобрел Павел Михайлович Третьяков, сделав в галерее отдельный суриковский зал.

— Не имеете ли вы сведений о Сурикове из Сибири? Какая это потеря для русского искусства — его отъезд в Красноярск и нежелание больше писать! — спрашивал Стасов Третьякова.

А Суриков в это время работал так, как давно ему не работало. Легко писал, быстро, без мучительных спадов и сомнений. Картина — 4 аршина в длину и 2 в высоту — стояла на мольберте в верхнем зале отчего дома. Горячее ликование охватывало Василия Ивановича, когда он писал лица милых своих земляков, богатые узоры тюменских ковров, росписи дуг, старинные кошевы. Смеялся, выбегал на улицу, лепил снежки, швырял их как можно дальше — удаль!

Мысль написать «Взятие снежного городка» подал Василию Ивановичу его брат Саша. Игра эта осталась от глубокой старины в память завоевания Сибири Ермаком. «Городок» был отголоском целой эпохи, когда русские поселенцы должны были обороняться от «инородческих» племен, населявших Сибирь, и когда казацьи дружины «воевали» одну за другой татарские крепости и городки.

Каждый год, на Масленицу, сибиряки «ладили» ледяной город. Порой он делался широким кольцом, по гребню втыкались елочки, в середине города, на шестах, развевались флаги. Потеха начиналась в полдень. Гремели выстрелы, носились мальчишки с оглушительными трещотками. Народ высыпал: кто пешком, кто верхом, кто в каретах... Вылетал откуда-нибудь из переулка всадник, хлестал коня, мчался прямо на потешный город. За ним другой, третий. Ближе, ближе... Во всадников кидали снежками, льдинками, мерзлым конским пометом; бабы визжали и взмахивали платками перед самыми мордами взвившихся на дыбы лошадей, не давая им перескочить через горы снега, взять городок...

Суриков на своей картине изобразил момент, когда один из всадников, вырвавшись вперед, перескакивает через снеговую стену. Веселье, хохот во круг... Сибирь!

Картина была представлена петербургской публике в мае 1891 года. В этот год на художественной выставке присутствовали почему-то всё небольшие вещи, и почти все какого-то унылого духа. А тут — размах, буйство красок и народное веселье буквально ворвались в залы!

Увы, большинству оказалась непонятна и неприятна жизнеутверждающая свежесть Сурикова. А присяжные рецензенты, те накинулись на художника, не придумывая веских доводов:

«Наудачу взята чуждая нашим нравам житейская мелочь».

«В картине режет глаза жестокая пестрота красок!»

«Картина написана в известном пошибе господина Сурикова...»

Но, читая эти нападки, Василий Иванович уже не падал духом, как то было с ним после «Меншикова»; улыбался: «Если на меня лают собаки, значит, я крепко держусь в седле!»

ПОРТРЕТ СЫНА

(Василий Андреевич Тропинин. 1776 — 1857)

Василий Тропинин был крепостным, и все его детство проходило в услужении то одному, то другому барину. Сначала служил у графа Миниха в казачках: бегал по поручениям, натирал господам обувь, стоял в прихожей, заменяя лакея. Затем Миних отдал его в качестве приданого своей младшей дочери, которая вышла замуж за генерала Моркова и уехала в Могилево-Подольск. Там у мальчика обязанностей было еще больше, он смертельно уставал, и ему постоянно хотелось спать.

Помещики в Могилево-Подольске очень важничали, если имели у себя «ученых поваров», которые выпекали пирожные, делали торты, конфеты, мороженое и прочее. У Моркова такого повара не было, и он решил отправить Тропинина в Петербург, чтобы выучился кондитерскому искусству.

В Петербурге в ту пору Академия художеств объявила набор учеников. Вася страстно любил рисовать. У Миниха рисовывал стены девичьей яркими цветочками, и это нрави-

лось девушкам, да и граф был приятно удивлен. А в поместье Моркова иногда копировал картины, развешенные в парадных комнатах.

Крепостных в Академию не брали, но крепостники обходили этот параграф. И когда Вася рискнул попросить разрешения у Моркова, тот согласился, приписав в письме: «Если не оправдаешь средств, затраченных на твоё обучение, будешь возмещать».

И Тропинин успевал выпекать торты, украшая их Аполлонами и Дианами, делать конфеты и заниматься живописью. Его талант и упорство были необыкновенны, — Тропинин стал одним из лучших учеников Академии, получая за свои работы первые номера и медали.

Но Морков отозвал его.

Снова генеральская усадьба. Кухня, прислуживание за столом, и — живопись, которой можно отдать свободный час. Василий Тропинин писал заказные портреты помещиков, а для души — крестьян в их редкие счастливые минуты.

Кисть его постепенно набирала силу, портреты наполнялись живой кровью и плотью. О Тропинине заговорили в округе, художник становился известным. Но горько было жить, затянутым в лакейскую ливрею. От нее Василия Андреевича избавил лишь случай, когда в усадьбу Моркова заглянул какой-то ученый иностранец, и генерал решил похвастаться своим художником. Увидев работы Тропинина, иностранец был потрясен! Но еще больше его потрясло, когда за обедом Василий Андреевич вышел с накрахмаленной салфеткой, перекинутой через руку. Недолго думая, иностранец подал Тропинину стул, смутив и сконфузив хозяина. С тех пор Василий Андреевич не служил за столом. А генерал Морков, когда-то предпочитавший Тропинина-кондитера Тропинину-художнику, стал вдруг ревностным ценителем искусства своего крепостного. За порчу картин Тропинина взыскивал даже с дочерей. Более того, стал заботиться о его здоровье.

Заказы сыпались на Василия Андреевича один за другим. От усталости он порой засыпал за работой.

Но не портреты помещиков стали главной его заслугой, его славой, а портреты крепостных. Российское общество после победы над Наполеоном повернулось наконец лицом к своему народу, приветствуя жизненную правду изображения и сюжета. Тропининские сюжеты были незамысловаты, зато исполнены горячей любви к своей натуре и веры в высокое предназначение искусства.

Вот мальчик. Сын. Светло-золотистая головка, и взгляд, устремленный навстречу утреннему солнцу. Все в нем нараст-

пашку, все — олицетворение свободы. Василий Андреевич писал с него портрет, а сын рвался на улицу.

«Портрет сына» Василий Андреевич выставил в Москве, когда поехал в первопрестольную с генералом Морковым. И сразу стало понятно, что это один из шедевров русской живописи первой половины XIX века. Еще никто и никогда не писал так! Бесхитростно, простодушно, но при этом соблюдая точные правила живописи. Ценители таланта Тропинина потребовали у Моркова освободить художника. Судьба Василия Андреевича стала предметом разговора даже в высоких кругах. Был момент, когда граф Дмитриев, выиграв у Моркова в карты большую сумму, предложил ему простить карточный долг, если тот даст Тропинину вольную.

Дальше оставлять художника крепостным было нельзя, вокруг Моркова росло отчуждение. И он решился.

Освобождение своего крепостного он обставил очень торжественно. В Пасху, когда православные, христосуясь, целуются и дарят друг другу пасхальное яичко, Морков вручил Тропинину вольную. Но при этом оставил в крепости жену и сына художника.

И все равно Тропинин был рад! Его уже не продадут, как живописца Григория Озерова за две тысячи рублей ассигнациями. Его работы не затеряются в глубокой провинции. Правду изрек архитектор Баженов: «Хотя появились прямые и великого духа российские художники, оказавшие свои дарования, но цену им не многие знают, и сии розы от терний зависти либо невежества гложут». Такая участь Василию Андреевичу уже не грозила.

Морков хотел сохранить свое значение в жизни Тропинина, оставлял его жить в своем доме, но Василий Андреевич наотрез отказался. Он поехал в Петербург и обратился в Академию, хлопоча о получении звания художника. Звание было получено; само время уже было на стороне Тропинина. Зрело выступление декабристов на Сенатской площади, в просвещенных дворянских кругах больше не преклонялись перед чужеземным: ценили свое, живое, трогательное, на которое без всякого принуждения откликается сердце. Даже консервативная Академия стала включать темы из русской жизни.

Василий Андреевич занялся портретами. Это был заработок тяжелый: художник целиком зависел от заказчиков. Петербургские портретисты были очень недовольны успехами Тропинина, без стыда спрашивали его: «Скоро ли ты, братец, отсюда уедешь?» Да и самому было тяжело там. Заказчики-вельможи спали до полудня, назначали время для сеансов и

не являлись, а он должен был терпеливо ожидать в их гостиницах. «В Петербурге очень долго спят, — печально иронизировал Василий Андреевич. — В Москве до первого часа уж вдоволь можно поработаться...» И уехал в Москву.

В Замоскворечье он купил маленький домик и жил теперь на средства, доставляемые ему собственной кистью.

Уклад его жизни был прост, и было полное отсутствие искательности славы, жажды попасть в высокие круги. Он был искренен и благороден с каждым, не деля людей на сословия. Никогда не писал в дань моде. Однажды сказал на выставке в Москве, глядя на модную «нимфу»: «Что написал художник? Все блестит, все кидается в глаза, точно вывеска... Все и везде эффект, во всем ложь».

В Москве училища живописи еще не существовало, но был Художественный класс в доме на Мясницкой. Василий Андреевич приходил туда, интересовался занятиями юных живописцев, помогал им советами. «Лучший учитель — это природа, — настаивал он. — Нужно предаваться ей всей душой, любить ее всем сердцем, и тогда сам человек делается чище, нравственнее, и работа его будет спориться, и выходить лучше многих ученых работ».

В Тропинине было пронзительное ощущение родной земли, душевная слитность с ней. Все, что видел вокруг, что любил, он старался запечатлеть на холсте. Узнавая народ, все больше проникался его цельностью, чистотой, грацией, великодушием и мудростью. Радостный подъем охватывал художника, когда он писал портрет какой-нибудь дворовой девушки. В его женских портретах нет громких слов и эффектных поз. В них — размеренная жизнь привычных будней. Женщина не позирует, а продолжает заниматься своим делом: плетет кружева, вышивает...

Вот, к примеру, девушка кружевница. Лукавый, чуть любопытный взгляд брошен на кого-то, вошедшего в комнату; обнаженные за локоть руки остановились... в ней все светло и приветливо. Художник ничуть не льстит своей модели, не приукрашивает ее, она хороша такую, какая есть.

«Простые люди — это лучшее, что мною писано», — говорил Тропинин.

Он ввел в русскую живопись совершенно новый образ человека: в которой так ясен мир Божий. И знатоки, и просто любители живописи были в восхищении, увидев на выставке «Кружевницу». «Она соединяет поистине все красоты живописного искусства: приятность кисти, правильное счастье освещение, ясный колорит, а сверх того в сём портрете обнаруживается душа красавицы: кроткая и любящая».

Александр Сергеевич Пушкин, шесть лет отбывавший ссылку за дружбу с декабристами (последние два года в Михайловском), был возвращен в Москву 8 сентября 1826 года, в сопровождении фельдъегеря, «свободно, под надзором, не в виде арестанта».

Его приезд взволновал московскую общественность. Время было тяжелое: после казни пятерых декабристов людьми овладели глубокая безнадежность и общий упадок духа. Одна лишь «звонкая и широкая песнь Пушкина звучала вольно; эта песнь продолжала эпоху прошлую, наполняла художественными звуками настоящее и посылала свой голос в будущее».

Александр Сергеевич привез в Москву свою драму «Борис Годунов», поразившую тех, кому он читал ее, сильным национальным характером и глубиной постижения истории. Пушкин представлялся гением, ниспосланным оживить русскую словесность! Университетская молодежь обратилась к нему за поддержкой и в желании иметь свой научно-литературный журнал, поэт горячо откликнулся, и с января 1827 года в первопрестольной стал выходить «Московский вестник».

Жил Пушкин в доме своего друга С.А. Соболевского, на Собачьей площадке. Используя случай, Соболевский решил заказать его портрет Тропинину.

— Хотелось бы сохранить изображение поэта таким, как он есть. Пусть будет дома, в халате... — попросил он.

Тропинин очень любил Пушкина. В своих произведениях Александр Сергеевич воспевал русское, близкое, простое. А сколько чудных картин русской природы описано Пушкиным!..

Василий Андреевич пришел к нему, предварительно уговорившись письменно, и застал поэта возившимся со щенками. Быстрый поворот головы, блестящие, умные глаза — всё выразительность и подвижность! В этюде, который Тропинин написал по первому впечатлению, Александр Сергеевич предстал именно таким, каким был в действительности: художник уловил его подлинные черты.

Затем Тропинин сделал карандашный эскиз будущей картины. Горделиво взметнулась голова поэта. Задрапированная складками халата, фигура полна величия. Но Пушкин не царь-поэт, он народный поэт, он близок каждому, и в легких штрихах тропининского карандаша нет холодности мрамора.

После нескольких сеансов портрет был выполнен маслом. «Сходство с подлинником удивительное! — восклицали современники. — Тропинин продумал детали до мельчайших

подробностей: нет ничего нарочитого, ничего привнесенного художником. Даже перстни, украшающие пальцы Александра Сергеевича, выделены настолько, насколько придает им значение сам Пушкин».

Но странная судьба постигла портрет. Неизвестно кем он был подменен и пропал аж до 1856 года, когда его, по случаю, купил у кого-то князь М.А. Оболенский — известный московский собиратель и поклонник искусства Тропинина. Он принес художнику изрядно попорченное полотно и попросил восстановить его. Очень горько было Василию Андреевичу видеть свой вдохновенный труд в таком жалком виде! Но коснуться полотна, подновить его, он не посмел — слишком велико было его благоговение перед Пушкиным. Он только бережно вымыл портрет и покрыл лаком, говоря, что не может коснуться кистью того, что было написано в присутствии самого Александра Сергеевича.

История исчезновения портрета до сих пор загадочна.

КАМРАНЬ

Летели во Вьетнам. Специалисты с Тихоокеанского флота должны были присоединиться к нам в Камрани. В аэропорту Ханоя нас встречали официальные лица — гражданские и военные. Среди встречающих своей развязностью выделялся референт из посольства, рубаха-парень лет тридцати, с брюшком, какой-то весь мятый, со съехавшим набок галстуком. Он каплей ртути перекатывался среди нашей группы, его квакающий голос слышался то здесь, то там.

— Товарищи, я приветствую вас на вьетнамской земле. Мне поручена роль вашего чичероне. Какие будут вопросы, недоразумения — сразу ко мне. Зовите меня Григорий, просто Гриша. — Он радостно светился. — Замечательно, что вы приехали в дни, когда героический вьетнамский народ празднует победу над китайскими ревизионистами.

Влажная духота, острые запахи, яркие краски. Кортёж автомобилей двигался мимо плантаций сахарного тростника, рисовых полей, деревень, озер, где крестьяне в остроконечных соломенных шляпах ловят улиток и собирают съедобную траву, мимо лоснящихся буйволов, забравшихся в воду, — только рога и ноздри торчат.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

На мосту через Красную реку — затор. Поток велосипедистов, пешеходов, автомобилей движется медленно. Вода в реке и в самом деле красная. Гриша, тряся щеками, громко рассказывает:

— Во время войны американцам так и не удалось разбомбить мост, только один пролет повредили. Видите, вон там, внизу, рядом с опорами, галечный островок? Вьетнамцы на нем пленных американских летчиков держали. Начнешь бомбить или обстреливать мост ракетами — обязательно в пленных угодишь. Их к тому же рацией оснастили. Американские самолеты заходят на бомбометание, а им по рации: «Братцы, вы же по нам сейчас шлепнете!»

Сколько потом я ни пытался обнаружить во Вьетнаме следы войны, — не нашел. И инвалидов ни разу не видел. А уж американцы крепко поработали, ковровое бомбометание по площадям с Б-52, старики, дети — все одно. Вспомнилось, что в одночасье исчезли с московских рынков и вокзалов безрукие, безногие инвалиды Великой Отечественной, что торговали камешками из зажигалок, предлагали сыграть в «веревочку». Только много лет спустя узнал, что искалеченных защитников Родины свезли догнивать на Валаам и в другие местечки, чтобы не портили картину «растущего благосостояния народа». Кампания, оказывается, проводилась по всей стране. Может, и здесь так?

Нас разместили в бывшей резиденции французского губернатора. Номера на двоих, койки под сетчатыми пологами, вместо горничных — хорошенькие девушки в военной форме: белые блузки с красными погонами, черные легкие брюки, босоножки. В номер заходили только вдвоем. Внесут термос с зеленым чаем, фрукты, минеральную воду и долой. Сувениры и подарки следовало отдавать старшей по званию — все шло в «общак», а уж потом распределялось среди девушек.

Двери гостиницы выходили в лоджии, тянущиеся вдоль всего здания, внизу лежал ухоженный сад: пальмы, фикусы, раскидистые, с ласково отсвечивающими листьями, деревья, увешанные крупными плодами грушевидной формы, оказалось, что это хлебное дерево. Дорожки аккуратно посыпаны гравием и цветы, цветы самых невероятных расцветок, над которыми порхали крупные бабочки. Райский уголок. Меня и Николая Михайловича Карлова поселили в крайнем номере, с окном, выходящим в торец, от остальных номеров он отличался тем, что в нем была кладовка, куда мы сложили ящики с сувенирами, агитационной литературой. Перед тем, как разместиться, я позвал Колю в ванную комнату и открыл воду.

— Что за шпионские игры? — удивился Николай. — Мы же в дружественной стране.

— Береженого, как известно, Бог бережет. Давай все же осмотримся на предмет «жучков». Будем, по крайней мере, знать, как себя вести.

— Ну, ты даешь!

Через пять минут я обнаружил «жучка», грубо вмонтированного в нижнюю часть столешницы чайного столика.

Николай побагровел:

— А что же этот посольский олух, Гришка, мать его, нас предупредить не мог?

Я приложил палец к губам. Мы вернулись в ванную комнату, открыли кран, вода с шипением устремилась в раковину.

— М-да-а, веселая история, — протянул Николай. — Нужно будет нашим мужикам сказать, чтобы языком попусту не молотили.

— Согласись, у вьетнамцев есть основания не доверять чужеземцам. Тридцать лет непрерывных войн.

— Мы же к ним с открытой душой!

— Политика.

Теперь каждое утро, едва выпутавшись из накомарника, я устремлялся к столику, где был вмонтирован «жучок», и громко заявлял: «Замечательная страна Вьетнам!» Николай тут же отзывался со своей койки: «Наша дружба с Вьетнам на века!» Представляю, что о нас думали ребята, что писали наши разговоры на пленку.

Кормили нас, как полагали вьетнамцы, адаптированной к русской кухне пищи. Курица в различных видах, рыба, отварное мясо с ананасами, борщ со сладким бататом, ну и, конечно, рис. Не обошлось без курьеза. Как-то на ужин подали блинчики «по-сайгонски» на большом керамическом блюде. Маленькие, величиной с карамель, блинчики оказались необыкновенно вкусными. Полковник-инженер Годенко спросил у переводчика-вьетнамца, из чего делают блинчики. Тот с удовольствием стал объяснять:

— Значит, та-ак. Берется рисовая мука, пальмовое масло...

— А начинка из чего?

— Не знаю, как по-русски... Такое большое-большое, — он жестами изобразил хищный рот и длинный хвост.

Инженер побледнел и стал выбираться из-за стола. Когда он, слегка пошатываясь, пересекал столовую, переводчик вдогонку ему радостно сообщил:

— О, вспомнил! Это варан!

Судя по звуку, Годенко так и не успел добежать до туалета. Когда вьетнамцы, протрившись, покинули нас, руководи-

тель группы вице-адмирал Юрий Алексеевич Кузьмин спокойно подытожил:

— Есть, что дают, и не спрашивать. Ясно?

До обеда — деловые встречи. Меня опекает майор медицинской службы Тхиу. Он окончил нашу Военно-медицинскую академию, неплохо говорит по-русски. Во время официальных переговоров сдержан, тоже знает, что «пасут», несколько расслабляется, когда выходим пройтись по парку. Умный, с хитринкой, хорошо подготовленный специалист. Обо всем, даже неприятном, говорит с улыбкой. Все мои попытки выбить у него нужную информацию заканчиваются полной неудачей. Я потом не раз сталкивался с тем, что вьетнамские коллеги уходят от разговоров об эпидемической обстановке в стране, заболеваемости среди населения. В желании сохранить «тайну» они, пожалуй, даже нас превзошли.

После обеда гуляем по Ханюю: озеро Возвращенного меча, пагоды, ювелирный магазин «Три мадам», популярный среди русских, местный театр, однажды вечером нас даже повели в цирк. Город, наполненный шелестом велосипедных шин и ощущением тревоги.

Любопытен старый французский квартал, где колониальный архитектурный стиль перемешался с барокко, классицизмом и национальным вьетнамским стилем. Интересны названия улиц: Тростниковая, Шелковая, Храмовая, Шлепанцевый переулок. Есть даже улицы Пищи, Гробов и Бумаги.

Представитель аппарата главного военного советника, по-видимому, офицер КГБ, дважды инструктировал группу, указав, что можно, а что нельзя во Вьетнаме. Все свелось к бдительности, особенно он напирал на опасность, исходящую от местных китайцев — хуасяо.

Как-то нам с Карловым удалось сбежать, оторвавшись от «хвоста». Зашли на ханойский рынок Донг Хуан. Ничего подобного не видел даже на знаменитом рынке в Аддис-Абебе. Особенно поразили ряды, где торговали живностью. Аквариумные рыбки, разнообразные птицы, обезьяны, зверьки, похожие на сурков, гигантские вараны в железных клетках, змеи. И все это булькало, шелестело, цвиркало, шипело, повизгивало, и запах стоял острый, звериный. Пожилая китайка хуасяо сидела на корточках перед тазом с мутной водой. Я подошел, заглянул в таз — что там? Китайка улыбнулась беззубым ртом и извлекла из жижи двух упитанных лягушек.

— Коля, — предложил я Карлову, — надоела казенная жратва, давай купим парочку на ужин? Сварим в электрочайнике.

Карлов побледнел, издал странный горловой звук и тихо сказал:

— Ну, ты и скотина, Андрей. В чайнике! Надо же такое придумать. Я чуть не траванул!

В Африке, где, казалось бы, присутствовал весь набор тропических болезней, все же было проще разобраться со всякого рода экзотикой. Вьетнам преподнес куда больше неожиданностей. Где-то на третий или четвертый день в Ханое я стал отмечать, что офицеры, входящие в группу, подавлены, молчаливы, раздражительны. То и дело вспыхивали мелкие ссоры. Ни в Бербере, ни на Дохлаке ничего подобного не было. Влажность поразительная. Я еще в день прилета обратил внимание, что в платяных шкафах и ящиках для обуви крутые сутки горят электрические лампочки. Стоило на ночь их отключить, как одежда и обувь покрывались злобещей зеленой плесенью. Привезенный из Москвы черный чай «Слон» стал издавать отвратительный гнилостный запах, — пришлось выбросить. Даже водка, наша проверенная «Столичная», почему-то не веселила, а вызывала депрессию. Стоило вечером выпить грамм сто пятьдесят, утром разламывалась голова. Многие мучились от бессонницы. Спать под накомарником душно, стоит отбросить полог — сожрут комары, москиты, а каждый укус таит в себе серьезные неприятности: малярию, лихорадки денге, цу-цу-гамуши. Я решил посоветоваться с посольским врачом. Полный молодой человек только развел руками:

— Что вы хотите? Ханой стоит в климатической яме — отсюда депрессии, всякого рода невротические состояния. Симптоматика усиливается во время метеорологических бурь, тайфунов. К тому же, сейчас по лунному календарю — самый опасный месяц для европейцев. — Он потер пухлые щеки. — Мы-то привыкли, адаптировались, а что творится у наших танкистов! Офицеры и солдаты поголовно поражены «панцирной грудью».

— Это еще что такое?

— Личный состав работает с техникой. Соляр, масло, ну и потеют, конечно. Поры забиваются грязью, инфекция — в результате на груди слитая корка. Зуд такой, что люди на стену лезут. Спасение одно: струя горячей воды на пораженный участок. А в душевых вода еда теплая. Танкисты специальный подогреватель сделали, тем и спасаются.

— Ну, а почему русская водка настроение не поднимает?

— Потому что сучок! Оставьте «Столичную» до Камрани. Там сгодится. А здесь я постараюсь вашу делегацию обеспечить синими картами.

— Что за карты?

— Пропуска в дипмагазин. Там хорошая вьетнамская ри-

совая водка, ликеры. Цены умеренные. В Ханое только местные напитки можно пить. Чай — исключительно зеленый.

— А как с эпидемической обстановкой?

— От неустойчивой до чрезвычайной. Но местная сторона все скрывает. Получить информацию сложно. Инфекции развиваются стремительно. Знаете, как вьетнамские партизаны боролись с американскими морскими пехотинцами? Ловушки ставили на тропе в джунглях. Ямку выкопают, острый колышек из бамбука макнут в дерьмо и воткнут рядом. Морпех в ямке поскользнется, сядет на колышек, и через три дня его отправляют в Штаты с обширным абсцессом. Дешево и сердито. Мне тут статистика попалась. Во Вьетнаме в прошлом году зарегистрирован один случай инфаркта миокарда. И у кого? У министра. У населения холестерин всегда в норме, потому что травку кушают, фрукты и овощи, а министр, надо думать, на копченую колбаску налегал. Так-то, коллега.

Информацию о загадочной стране я собирал по крохам. В институте эпидемиологии и гигиены в Нячанге, меня приняли очень тепло, напоили чаем и... ничего не показали. Нет данных, война, то, се. И все с милыми улыбками.

Николай Михайлович Карлов сделал меня своим заместителем. В мои обязанности теперь входили поездки на пункт связи за свежими газетами, почтой. Иногда, заменяя Николая, приходилось выступать перед вьетнамскими студентами и школьниками, изучающими русский язык.

Незадолго до вылета в Камрань в саду резиденции я встретил специального корреспондента газеты «Правда» Сергея Колесниченко. Год назад, зимой, нас познакомили в «пестром» зале Центрального дома литераторов — симпатичный, без гонора мужик чуть старше меня. Среди бледнолицых москвичей и гостей столицы Сергей, загорелый и белозубый, выглядел инопланетянином. Оказалось, вчера прилетел из Бирмы. Обменялись книжками. Потом перезванивались.

Я бы Сергея не узнал: тропическая форма, какую носят военные советники, темные очки, пробковый шлем. Он сам окликнул меня:

— Андрей, ты?

Я с недоумением глянул на него. Советник снял очки и улыбнулся. Улыбка вернула память.

— Вот так встреча! Ты же вроде в Бирме?

— Теперь здесь кредитован. Сегодня улетаю на север, в провинцию Лонгшон.

— Очерк о завершении победоносной войны?

— Что-то в этом роде. Ты, как я понимаю, в Камрань?

— Да, закончим предварительные переговоры и туда.

— Будь осторожен, в Камрани только приступили к разминированию. Берег моря, причальные сооружения почистили, а чуть дальше можно налететь на сюрприз. Если я успею вернуться к вашему отлету, полетим в Камрань вместе.

— Хорошо бы.

— Вам еще долго торчать в Ханое. На Шелковой улочке есть ресторанчик, где готовят змей. Обязательно сходим.

— Скажи, а как на самом деле произошел китайско-вьетнамский конфликт? Газетная версия выглядит довольно странно.

— Извини, сейчас я тороплюсь. Потом поговорим...

Закончив бумажную волокиту, наша группа вылетела в Дананг. Зачем? Я так и не понял. Возможно, это входило в программу, — принимали нас на правительственном уровне. Над древнейшем городом культуры Ша Гуань висела сизая морось. Влажность была осязаемой, плотной, дышалось, как сквозь марлевую маску.

После обеда гуляли по парку с диковинными растениями, я протянул руку к безобидному кусту, и плотный зеленый бутон мгновенно открыл свою пасть. За деревьями парка проглядывали желтые и зеленые горы, над которыми бугрились облака — это напоминало вьетнамскую лаковую живопись. Карлов решил сфотографироваться с двумя красивыми, хорошо одетыми вьетнамками, обмахивающимися веерами на скамейке. Они с радостью согласились. На лице вьетнамского чиновника, сопровождавшего нас, возникло растерянное выражение. Он хотел что-то сказать, но не успел. Карлов уселся между красавицами и обнял их за плечи, щелкнула камера. Гриша — наш вездесущий чичероне, — с усмешкой заметил:

— Памятная фотография, прямо в личное дело. Ваш каперанг сфотографировался с профессиональными проститутками, обслуживающими иностранцев. В этом парке им разрешено работать. А вообще проституции в стране нет. После победы над американцами всех проститутток согнали в совхозы на трудовую повинность. Под Сайгоном несколько таких совхозов.

Я передал Карлову слова Гриши, Николай отмахнулся:

— Да пошел он... Ходит тут, трясет штанами. Что крамольного в фотографии? Счастливые вьетнамские девушки с русским моряком. Наша дружба — на века.

Затем нас повезли смотреть знаменитый храм, высеченный в скале. Сначала мы долго взбирались наверх, среди ог-

лушающего зноя, звона цикад, оставляя внизу долину Пятгорья, потом спускались по осклизлым ступенькам. Пахло сыростью подземелья, по мере того, как отступал зной, мы как бы погружались в прохладную воду. И вот в свете факелов открылся огромный грот, верхняя часть его терялась в сумраке, с писком носились летучие мыши, камни сочились влагой, и не верилось, что храм в скале — дело рук человеческих. «Это единственный в мире храм, где есть лежащий Будда», — пояснил Гриша. По узким, вырубленным в скале ступенькам я поднялся в нишу, ничего не увидел и, шаря в темноте руками, вдруг наткнулся на огромное ухо с удлиненной мочкой. В ужасе отпрянул, мгновенно покрывшись липким потом. Раздался звук, тонкий, звенящий. Он падал сверху, выстраиваясь в мелодию. Пятясь, ошупью отыскивая ступеньки, я торопливо, подгоняемый безотчетным страхом, спустился вниз и остановился, пораженный: у стоп Будды стоял мальчик лет десяти и играл на свирели. Трепещущее пламя факелов высвечивало загадочный лик божества. Мальчик походил на библейского пастушка. Звук свирели рождал успокоение, прохладу.

И каким ярким, радостным показался мир вокруг, когда мы выбрались наверх уже с другой стороны скалы и оказались на плоской вершине, порошей цветущими деревьями.

Ночевали в гостинице, где по стенам ползали розовые ящерицы. Ящерицы не боялись людей, охотясь на насекомых, они иногда забирались в постель. Утром полковник-инженер Годенко обнаружил в носке жука, величиной с два спичечных коробка, и заорал так, что коридорный с перепугу уронил поднос с термосом и чашками. Все потом потешались над инженером, тот отбивался:

— Что ржете? Боюсь я эту нечисть, ничего с собой подедать не могу.

В полдень мы уже были на военном аэродроме, где у ангаров стояли новенькие «миги». Ободранная «Аннушка», на которой нам предстояло добираться до Камрани, скромно приткнулась у края взлетной полосы. Летели часа три, внизу, в прорехах облаков остро посверкивало море, серо-зеленое, гладкое. Молоденький вьетнамский солдатик принес термоса с чаем и кружки. В салоне было прохладно. Мухи с тупым звуком бились о плексиглас иллюминаторов. Из кабины пилотов вышел худенький, изящный капитан летчик и что-то сказал переводчику.

— Переводи, — приказал вице-адмирал.

Переводчик улыбнулся, потер руки:

— В районе Камрани грозовой фронт. В это время года иног-

да случаются тайфуны. Возможно, нас посадят в Сайгоне, то бишь, в Хошимине.

— И чему ты радуешься?

— Пивка попьем, по магазинчикам прошвырнемся.

— По магазинчикам! Переведи: нам срочно нужно в Камрань.

Пилот внимательно выслушал и кивнул. Видно, ему приходилось сажать самолеты в любую погоду.

Грозовой фронт отвернул на юго-восток, но потрянуло нас основательно. В иллюминатор было видно, как по плоскостям пробегают голубые змейки электрических разрядов.

Камрань встретила сухим зноем и тонким мелодичным посвистыванием. И это было не пение птиц, такой звук издает «поющий» песок. Я вдоволь наслушался такого пения на Дохлаке. Среди радужно поблескивающих луж важно прогуливались голозадые грифы. Нас посадили в длинный зеленый автобус. На потолке и стенах салона сохранились надписи на английском: «Осторожней с оружием!», «Возьми на предохранитель!» На этих автобусах подбрасывали к вертолетам американских морских пехотинцев, отправляющихся на карательные акции. Мимо проплыли вышка диспетчеров, капониры, а в них — американские вертолеты с белыми звездами на фюзеляжах. Справа, среди пальм, на берегу моря показался игрушечный городок с одноэтажными разноцветными бунгало. Рядом — декоративные пагоды, спортивные площадки. Переводчик пояснил, что в городке жили американские летчики с семьями. Бунгало вполне комфортабельные, с мебелью, кондиционерами, холодильниками. Сейчас, понятно, там только ящерицы да змеи. Такие домики я видел и в Асмаре.

Группу разместили в бывшей американской казарме. Стандартные, на четверых комнаты, койки под сетчатыми пологами, туалет и умывальник внизу. В палисаднике среди зарослей бродят птицы, похожие на цесарок. Напротив — казармы, где живут вьетнамские моряки. Поступила информация, что среди них есть заболевшие лихорадкой денге, отмечены случаи со смертельным исходом. Комаров — переносчиков лихорадки полным-полно, а защиты от них, кроме сетчатых полов и репелентов, никакой. Руководство предпочло устроиться на небольшом судне, ошвартованном у причала. Там же обживали каюты строители и проектировщики, прибывшие с Тихоокеанского флота. Преимущества очевидные: на судне кондиционеры, душ, с водой проблем нет.

Капитан второго ранга из штаба тыла Тихоокеанского флота с раздражением рассказывал:

— Наше правительство отправило во Вьетнам сухогруз с рисом — дар вьетнамскому народу. В Дананге у капитана сухогруза потребовали оплатить пошлину на ввозимый товар. Капитан ошалел, какая пошлина? Это же подарок вам! Ни до чего не договорились. Пришлось платить. Ничего, мы страна богатая.

Нас ожидал пышный прием в просторном зале офицерского клуба. Такого экзотического стола мне еще не приходилось видеть: запеченные, с золотистыми гребешками фазаны, рыба под бледно-желтым соусом, мидии, ошестинившиеся усами и клешнями розовые лангусты, мясо, экзотические фрукты. А посреди этого великолепия голубые тарелки из тонкого фарфора, наполненные чем-то, напоминающим содержимое аквариума. Потом выяснилось — черепаховый суп. Напитки — соответственно уровню приема. Натюрморт в стиле старых фламандцев.

Под потолком вяло вращал лопасти вентилятор, с трудом рассекая плотный жаркий воздух. Меня смутил сладковатый трупный запах, волнами перекатывающийся над роскошно сервированным столом. Запах заметил не только я, но никто не подал виду. Недоброкачественные продукты? Особенности вьетнамской кухни? Сомнительно. Безопасность таких приемов обеспечивают спецслужбы. Тогда что? Всплыл в памяти недавний разговор с нашим куратором Гришей. «Чтобы обеспечить безопасность строящейся в Камрани базы, власти в том районе провели тотальную санацию», — сказал он. — «Что это значит?» — удивился я. — «Расстреляли местных сторонников американского режима. Здесь это просто». Может, расстрелянных погребли где-то рядом?

Пока говорили тосты, пока их переводили, я осторожно пододвигал тарелки с яствами и нюхал их. Все в порядке. Но ощущение, что разлагающийся труп лежит под столом, не покидало меня. Виски в сочетании с пивом послужили роль дезодоранта, к тому же все проголодались. Уже под занавес приема вьетнамский старший полковник (четыре больших звездочки), оглядев опустошенный стол, огорченно заметил:

— Почему же вы не попробовали наш знаменитый соус тыкнам? Уверяю вас, ничто так не укрепляет силы в нашем климате, как этот соус. Его рецепт получен несколько столетий назад.

Я пододвинул керамическое блюдо с прозрачной жидкостью, в которой плавали стручки красного перца, и понял — вот он, источник трупного запаха. Полковника поблагодарили, но попробовать никто не решился.

Недели через две, уже в Ханое, я ехал на узел связи за почтой и свежими газетами. Слева голубело море, справа лежа-

ли рисовые поля, рассеченные каналами. Было душно, я опустил боковое стекло, и сразу же в лицо пахнуло знакомым запахом.

— Тык-нам? — спросил я.

Водитель, вьетнамский солдат, радостно закивал.

— Сворачивай! Посмотрим, как его изготавливают.

Водитель меня понял, и минут через десять мы уже подъезжали к небольшой гавани, где у причала стоял рыболовный траулер, с него выгружали рыбу. Технология изготовления знаменитого соуса была на изумление проста. В три бетонных с отверстиями желоба, расположенных один под другим, небольшим экскаватором загружалась рыба, на солнце рыба быстро разлагалась, слизь по специальному отводу стекала в резервуар, ее фильтровали, добавляли перец и соус готов. Забегая вперед, скажу, мы вскоре привыкли к тык-наму, всегда добавляли его в рис.

Утром группа, в которую входили геodesисты, проектировщики, строители, выехали на рекогносцировку. Я поехал с ними. Группу охраняло отделение вьетнамских солдат. Автобус, подсакивая на выбоинах, свернул на широкую, хорошо укатанную дорогу. Слева море, изувеченный пирс, груды железного, покрытого яркими пятнами ржавчины, хлама. Среди зелени — брошенная американская техника: коробка разбитых бронетранспортеров, громоздкие танки без башен, справа — невысокие холмы. Офицер-вьетнамец, хорошо владеющий русским, сказал, что база еще не полностью разминирована, перемещаться нужно, соблюдая осторожность. Кроме мин, много неразорвавшихся боеприпасов. Партизаны взорвали американский склад с оружием, снаряды, шариковые бомбы, гранаты разлетелись на десятки метров вокруг.

Война ощущалась на каждом шагу. От военного городка с казармами, госпиталем, лазаретом, складскими помещениями остались лишь фундаменты из дикого камня и цемента. Из фундаментов торчали металлические штыри. Полковник-инженер пояснил:

— На фундаментах американцы устанавливали модульные конструкции. Завозили их из метрополии. Что-то вроде детских конструкторов. Собрал, установил кондиционеры, подвел электричество, воду — готово. Когда американцы покидали Камрань, они разобрали модули, погрузили на суда и увезли. Они денежки умеют считать.

— А как американцы решали вопрос с водоснабжением? — спросил я.

— По моим данным у них было около ста скважин, все автономные, с насосами, компактной системой очистки и обеззараживания.

— Нужно использовать их опыт.

— Нужно. Только у нас ни модулей таких нет, ни оборудования. Водовод придется тянуть из озера, к нему мы скоро поедем. Вода агрессивная, трубы будут быстро выходить из строя, и сколько их понадобится — подумать страшно.

Возвращаясь к автобусу, мы медленно брели по песчаному откосу, стараясь ступать след в след, оставленный вьетнамскими солдатами. Отделение растянулось цепочкой впереди, метрах в пятидесяти. Если солдат наступит на мину, нам достанутся лишь мелкие осколки. Тоже не сахар, но все же...

В салоне автобуса было душно, в воздухе плавали золотистые пылинки, пахло чужим потом, ношеной одеждой. Ехали минут двадцать. Солнце палило нещадно. Наконец автобус остановился, мы вышли и, разобравшись по одному, начали восхождение на сопку, на вершине которой стояла вилла президента Никсона. Рядом с виллой — пресноводное озеро, которое может быть использовано как источник водоснабжения. Воды вряд ли хватит на весь городок, первая ветка протянется к причалам, чтобы снабжать водой корабли и суда.

Параллельно с тропой дыбилась, как застывшая лава, дорога, покрытая асфальтом. Вьетнамец пояснил, что дорогу к вилле американцы построили всего за один день, перед приездом президента в Камрань. На песок укладывалась специальная ткань, поверх нее — асфальт. Так что не только у нас красят заборы к приезду начальства. Слева и справа от тропы, проложенной минерами, валяются гильзы от снарядов. Но меня интересовали норы. В норах живут песчанки. Если чума возникнет среди этих симпатичных зверьков, могут заболеть и люди. На юге Вьетнама есть природные очаги чумы.

Вот мы и на вершине. Среди тропических зарослей торчат дулом к нему ржавые стволы зенитных установок. От виллы Никсона остались одни обломки — ее взорвали партизаны. Странно выглядит холодильник, отброшенный взрывной волной и теперь мирно стоящий на солнцепеке. Что-то сходное с картинами сюрреалистов. Сверху открылся вид на озеро, окаймленное песчаным пляжем. У деревянного помоста валялась искореженная вышка для прыжков в воду, повсюду следы бессмысленного, жестокого разрушения. В кустах стрекотали какие-то желтые птички, горизонт был плоск, пустынен. На обратном пути я нашел новенькую американскую винтовку. Офицер-вьетнамец с презрением сказал, что винтовка — ерунда, а вот автомат Калашникова — вещь. У

офицера тонкое интеллигентное лицо, он образован, кроме русского, владеет французским языком. Возраст его определить трудно, во всяком случае, круто за сорок. Он еще мальчишкой воевал с французами, всю войну с американцами провел в джунглях Меконга. Больше всего он любит стихотворение Симонова «Жди меня». «Я восемь лет не видел сына, — с горечью сказал он мне, — когда уходил на войну, ему было несколько месяцев, когда вернулся, он уже ходил в школу».

Россияне нередко судят о вьетнамцах по жуликоватым торговцам, что в последние годы наводнили нашу страну. Это не настоящие вьетнамцы. Настоящие — гордый, красивый и очень работающий народ.

Следующий этап рекогносцировки — взлетно-посадочная полоса и обследование места, где со временем вырастет летный городок. Сопки, дюны, дорога, пробитая среди них, пустынное пространство взлетно-посадочной полосы, изуродованной рытвинами и воронками. Автобус, дернувшись, остановился.

Я поднялся на вершину песчаного холма, поросшего каким-то синеватым марсианским кустарником, внизу пузырилось болотце, к нему, неуклюже ковыляя, тащился, волоча хвост, варан. Розовое небо истекало зноем, над аэродромом дрожало, струилось марево.

Через два года здесь вырастут ангары для самолетов, складские и ремонтные помещения, столовая летного состава, где пухленький, розовощекий прапорщик навестрится делать квас, которым будут угощать правительственные делегации. Я тоже хвачу этого кваску, ледяного, шипучего. Но все это будет потом. А пока передо мной расстилалась пустыня. Кое-где песок так затянул бетонку аэродрома, что ее и видно не было.

В холм, где я стоял, в 1995 году при заходе на посадку врежутся три истребителя Су-27 из эскадрильи «Русские витязи», возвращающиеся домой с аэрошоу в Малайзии. Асы погибли из-за глупости руководства. В Москве решили сэкономить на топливе, дозаправить самолеты не за границей, а в Камрани, а радиолокационный пункт ПМТО «витязей» проморгал, не вел, и пилотам пришлось самим выкручиваться в незнакомой обстановке.

Прилетел Колесниченко. Сидели на скамейке в саду. Неподалеку важно прогуливались цесарки, перья их отливали золотом. Среди зарослей видна была кровля казармы, в которой жили вьетнамские моряки. Сегодня рано утром я видел, как из казармы выносили носилки с трупами моряков, умерших от лихорадки денге. Сергей закурил и с горечью сказал:

— Маленькая война — тоже война.

— А могла быть большая?

— Могла. Хронология такая: к февралю семьдесят девятого года отношения с Китаем окончательно испортились. Срок традиционного договора о дружбе и сотрудничестве истек. Ден Сяопин заявил о готовности Китая к полномасштабной войне с нами. На советско-китайской границе была сконцентрирована полуторамиллионная китайская армия, с нашей стороны в полной готовности развернули свыше сорока дивизий.

Но сначала китайцы решили наказать непослушный Вьетнам за свержение режима Пол Пота. Семнадцатого февраля семь китайских корпусов вторглись во Вьетнам. Вьетнамцы сражались мужественно. За тридцать суток конфликта китайцам удалось продвинуться лишь на восемьдесят километров. Опасаясь удара с нашей стороны, китайцы вывели свои войска, понеся большие потери. Когда я прилетел, в Лонгшоне еще рехотали орудия.

— И ты напишешь об этом в своем очерке?

— Нет, конечно. Зачем пугать обывателей тем, что мы были на грани третьей мировой войны? Напишу о героизме вьетнамцев. Ведь китайской армаде противостояли одна регулярная дивизия, пограничники и народные ополченцы.

— А наши советники?

— Само собой.

В Камрани порядок переговоров изменился, в Ханое мы работали в составе делегации, протокол на протокол, всегда можно было проконсультроваться с руководством по тому или иному вопросу. Здесь вьетнамская сторона предложила, чтобы переговоры велись между специалистами, а материалы уже корректировались при подготовке рабочего договора. Нас с Тхиу разместили в беседке, стоящей в саду. На столе два флажка — советский и вьетнамский, два блокнота, ручки, пачка сигарет, термос с зеленым чаем. Из кустов, где трещали цикады, волнами накатывал горячий воздух. Я так уставал, что сил хватало добраться до казармы, вылить на голову таз холодной воды и забраться под накомарник. Где-то на третий день Тхиу, прощаясь, похлопал меня по заднице. Я был потрясен. Вьетнамский коллега, как бы говорил: ничего, мол, у тебя, голубчик, не выгорит. Переговоры шли трудно, Тхиу требовал то одно, то другое, я, как мог, отбивался. Установка была такая — много не обещать. Выходит, я где-то промахнулся, показал свою несостоятельность. Необходимо было срочно уведомить руководителя делегации. Подавленный, плелся к причалу, к плавмастерской, где развернут наш штаб. По дороге встретил Сергея Колесниченко.

— Андрей, ты чего такой мрачный? Нездоровится? Пошли ко мне, у меня бутылка виски припрятана. С содовой да ледком — самое то.

Я рассказал о том, что произошло.

Сергей рассмеялся:

— Да даешь! Радоваться нужно такой удаче.

— Чему радоваться?

— Шлепок — проявление дружеских чувств. Чем-то ты пронял Тхиу, понравился ему. А значит, он тебе доверяет. Для дипломата — серьезная удача. Завтра преподнеси Тхиу презент. Я тебе подберу и скажу, как это сделать. Здесь, на востоке, большое внимание уделяется ритуалам, поведению человека. Старайся чаще улыбаться и не садись с Тхиу рядом.

— Не понял.

— Запах белого человека неприятен вьетнамцам. Вида он, конечно, не покажет, но зачем рисковать?

— Почему же нас не инструктируют?

— Комитетчики не знают нюансов. Я же в Индокитае много лет, изучил языки, нравы, обычаи. Без этого не выживешь, завалишь дело.

В Ханой вернулись через десять дней. Город встретил влажной духотой, ночью духота не спадала, спать под накомарником — мука. Жара в Камрани переносилась куда легче, к тому же рядом плескалось море. А тут еще испытание: надвигался тайфун. Никогда я еще не испытывал такого гнетущего чувства, казалось, вот-вот случится нечто непоправимое, страшное. К вечеру деревья в саду резиденции замерли, птицы примолкли, город, словно накрыли тяжелой плитой, с юго-востока заходила туча с обвисшим, как вымя, подбрюшьем, где, как маленькие змейки, мелькали, извиваясь, молнии. Девушки вьетнамки, обслуживающие нас, спешно опускали жалюзи на окнах, убирали плетеные кресла с лоджии. Тайфун мог привести к обострению различных заболеваний. Взял тонометр, прошелся по номерам. Народ резался в карты. Встречали меня одним и тем же вопросом: «Доктор, сколько сегодня нальешь?» — «В зависимости от вашего поведения», — привычно отвечал я. — «Мужики, давайте напоследок отметелим Андрея! — предложил начальник штаба группы Плаксин. — Вы посмотрите, какую власть взял!» — «Ша, как говорят в Одессе, — я поднял руку, — всем разойтись по койкам, буду измерять давление. Тайфун, братцы, дело серьезное, с ним не шутят. У кого давление в норме, получит по сто пятьдесят». — «Попробуй, намерь у меня», — мрачно сказал летчик генерал-майор, и показал кулак, которым вполне можно было колоть грецкие орехи.

Слава Богу, ритуал перед ужином нарушать не пришлось. «Фронтовые» сто грамм снимали депрессию, улучшали настроение. К тому же алкоголь повышает кислотность в желудке, и это снижает риск подхватить амebную дизентерию и другую экзотику. В группе был единственный трезвенник — полковник Владимир из главного инженерного управления. «Не подумайте, что я лечился и все такое, — сказал он мне в первый день, когда мы сидели рядом на приеме в посольстве, — просто я идеологический противник алкоголя». — «Даже в небольших дозах?» — спросил я. — «А какая разница?» — «Здесь, во Вьетнаме, я бы сделал исключение из правил».

Владимир едва не подвел меня в самый последний день нашего пребывания в этой прекрасной стране. Протоколы и соглашение с вьетнамской стороны были подписаны, детали утрясены, завтра предстоял вылет в Москву, а вечером наша группа была приглашена на заключительный банкет. Карлов уехал за почтой, я укладывал чемодан, когда в номер постучал Владимир, вид у него был испуганный.

— Что случилось?

— Понимаете, Андрей Сергеевич, у меня второй день расстройство... Да и самочувствие неважное, знобит.

— Понятно. Пойдемте в ваш номер, я должен вас осмотреть.

Пока шли по лоджии, я успел проклясть всех пижонов, которые не пьют водку по идеологическим соображениям. Надо же, в самый последний день!

Сомнений никаких: классическая клиника амebной дизентерии, можно обойтись без микробиологических исследований, и так все ясно. Владимир расстроился:

— Что же делать? Завтра вылет в Москву..

— Алгоритм действий четкий: доклад Юрию Алексеичу, послу, госпиталь в Ханое и длительный отказ от всех земных радостей.

— Умоляю, спасайте, дружище! Сейчас в управлении решается вопрос о назначении меня на вышестоящую должность. А здесь такой конфуз, огласка. Полный завал.

— Можно попробовать, если вы будете выполнять все мои указания.

— Да я на колени готов встать...

— А вот этого не нужно. Будем считать, что заболевание у вас проявилось... в самолете. Возьмите с собой прокладки, полотенца, майки. Понимаете для чего? Прилетаем в Москву, я даю радио, и вы прямо с аэродрома отправляетесь на Соколиную гору, в инфекционное отделение. Амebная дизентерия — серьезное заболевание. Грех беру на себя. Как?

— На все согласен, лишь бы домой.

— Сейчас принесу лекарство. Никому ни слова, а адмирала я поставлю в известность. Из номера не выходить.

— Может, мне водочки?

— Поздно, дорогой. Поверьте, европейцы, осваивающие тропики, были не дураки, пили по вечерам виски и джинс с тоником. Профилактика, в том числе и малярии. В тоник входит хинин.

В лоджии, соединяющей номера, меня остановил знакомый вьетнамский врач, подполковник, с санитарной сумкой. Он тоже учился в нашей академии и свободно говорил по-русски.

— У вас проблемы, коллега? Нужна помощь?

«Четко работают ребята, жучки уже в ванную поставили», — подумал я, а вслух с улыбкой сказал: — Я осмотрел больного, незначительное кишечное расстройство. Мы завтра улетаем, до Москвы доведу.

— Хорошо, очень хорошо. — Подполковник протянул мне коробочку. — Вы все же дайте больному это лекарство. Региональные препараты действуют лучше. Схема приема обычная. Удачи вам.

Вот так. Спецслужбы засекли, значит, доклад поступит во вьетнамское посольство, но вряд ли информация пойдет дальше. Ответственность я взял на себя, а так пришлось бы ее разделить с вьетнамскими коллегами. Это им ни к чему.

Пошел к Юрию Алексеевичу. Когда я подходил к его люксу, гром саданул так, словно неподалеку рванул снаряд крупного калибра. И сразу полил дождь. Такой дождь я видел только в Гвинее — сплошная зеленая стена. Дождь сорвал ураганный ветер, с деревьев полетели листья, лепестки цветов — в этой радужной метели, как в замедленной съемке, проплыли плетеное кресло, ярко-красный плед, наверху грохнули жалюзи, посыпались стекла. Я зачарованно глядел на клубящиеся, наполненные дрожащим светом, тучи. Прошло несколько минут, и стало тихо. Позже выяснилось, что тайфун прошел стороной, лишь кончиком крыла зацепив Ханой.

Юрий Алексеевич отнесся к моему докладу спокойно:

— Всю жизнь с недоверием относился к мужикам, которые не пьют водку, пьяниц карал, избавлялся от них, но, чтобы мужик не мог рюмку осилить, это уже извращение. Решение твое утверждаю, шумиху незачем поднимать. Завтра этому трезвеннику забудешь в задницу чоп и на самолет. Ничего, долетим.

Из-за возни с больным я едва не опоздал на банкет. Когда я подбежал к ресторану, все уже расселись. У двери в соот-

ветствии с протоколом, висела схема, на которой было отображено, кто с кем сидит за столом. Глянул, увидел свою фамилию и шмыгнул в зал. Позже меня пришел только вьетнамский старший полковник и сел рядом со мной. Я видел его несколько раз, в отличие от других вьетнамцев, довольно развязный малый, анекдотчик, балагур. Русский язык без акцента. Сергей Колесниченко предупредил меня — старший полковник из контрразведки и с ним нужно держать ухо востро.

Порядок на приемах был таков: бутылки не стояли на столе, напитки разливали девушки в униформе. Мой стакан был наполнен до краев. В самый раз после всей этой передрыги с Владимировым, поможет снять напряжение. Стакан старшего полковника тоже был полон. Крепко, обычно вьетнамцы пьют наперсточками. Начался затяжной ритуал тостов: сначала говорил представитель вьетнамской стороны, его речь переводил переводчик, затем Юрий Алексеевич и тоже с переводчиком. Казалось, ритуалу не будет конца. Наконец, все встали, звякнули стаканы. Я сделал глоток, и ошалело оглянулся. Что за идиотская шутка? В стакане вода. Я с остервенением выплеснул воду под стол, подозвал девушку с бутылкой и потребовал: «Налей!» — единственное слово на вьетнамском языке, которое усвоил. Я врезал, мир сразу стал другим. Между тем, старший полковник поплыл, лицо покраснело, изменилась артикуляция. Положив мне руку на плечо, влажно дыша в ухо, он, растягивая слова, сказал:

— А вы ловкий человек. Сели на мое место и в результате пьян я, а не вы, — он захохотал.

Я смекнул: вода предназначалась ему, водка мне. Занятно. Вскоре мы уравнились в состоянии, и я даже помог старшему полковнику дойти до автомобиля.

А через день я уже был в Москве.

ДНЕВНИК РУССКОГО

1989 год

3 января

Мы сегодня много гуляли, потом дома слушали музыку. Леонов рассказывал о своей поездке во Францию и Италию (вместе с Миколой Бажаном). Во Флоренции их принимал мэр города — аббат.

— Если бы меня спросили, — сказал Леонов мэру Флоренции, — каким бы я хотел видеть Бога, то я бы ответил — с лицом Микеланджело (с его перебитым носом!), с его руками, умеющими делать любую работу.

По радио на «Немецкой волне» выступал московский «авангардный» поэт и художник Д.А.П., приглашенный в ФРГ. Надо было видеть лицо Леонова, слушавшего лепет этого новоявленного культуртрегера.

— Мошकारа! — резюмировал Леонов. — Таких даже птички не будут клевать, слишком мелкие, чтобы набить ими зоб... «Дыр, бул, шил», — вспомнил Леонов «поэзию» Крученых.

Я спросил, был ли знаком он с Крученых. В памяти Леонова осталась встреча с автором «Дыр, бул, шил», продававшим с рук свои старые книжки. Неряшливый вид, помятые брюки на подтяжках...

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

В начале 20—х годов Крученых был заметной фигурой среди русских авангардистов. Костюмы для его оперы делал сам Казимир Малевич.

Леонов переживает сейчас трудные дни. Секретаря у него нет, редактор — О. Я. Афанасьева — в отпуске. Работа встала, реальной помощи нет. А силы уходят с каждым днем.

— За все семьдесят лет моей работы лишь один раз — в 1944 году, в день приезда де Голля в Москву, — Молотов подошел ко мне в доме правительственных приемов на улице Качалова и спросил: «Как вы живете? Помощи никакой не надо?» С тех пор, — продолжал Леонов, — никто не спросил, в чем мне помощь нужна...

— Чем я могу быть вам полезен? — спросил я Леонида Максимовича.

— Помолитесь за меня...

4 января

Вчера, прощаясь, Л. М. Леонов все же попросил меня вести справки о поэме А. А. Блока «Двенадцать», написанной в 1918 году (месяц и число окончания работы, первые публикации, в том числе чтение в авторском исполнении, выход в свет отдельной книги, иллюстраторы и т.д.), а также подробные биографические данные о М.Н. Тухачевском и данные о Кронштадтском мятеже 28 февраля — 18 марта 1921 года. Сегодня утром я позвонил Леониду Максимовичу. Подробно говорили о поэме А.А. Блока. Надобность в данных о Кронштадтском мятеже и о М.Н. Тухачевском отпала.

5 января

В Правлении Московского областного отделения СХ РСФСР состоялась Конференция по выборам кандидатов в народные депутаты СССР. Пользуясь новым законом, я выдвинул свою кандидатуру и изложил тезисы своей программы.

В отличие от программ большинства кандидатов в народные депутаты, которые говорят об экологическом обновлении нашего общества, моя программа заключается в продвижении в жизнь идей духовного воспроизводства нашего общества. А это, в свою очередь, и является тем надежным фундаментом, на котором базируется нравственное, духовное обновление нашего общества и которое обязательно предполагает восстановление всей корневой системы нашей культуры и искусства. Можно с уверенностью сказать, что провал продовольственной программы в последние 1,5 десятилетия во многом объясняется тем, что мы пренебрегаем созданием нравственного, духовного на селе. За истекшие 10

лет мы вложили в сельское хозяйство 80 млрд. рублей, но ожидаемой отдачи не получили. Это объясняется тем, что мы раскрестынили страну. Одной из составляющих раскрестынивая страны явилось то, что были преданы поруганию и забвению национальные святыни нашего народа. Ни для кого не секрет, что в пылу атеистической работы мы уничтожили памятники истории и культуры, погосты, некрополи, книги нашей родословной — записи о рождении и смерти наших предков. В результате выросло поколение Иванов, не помнящих родства.

В связи с этим я намереваюсь и в дальнейшей своей деятельности активно заниматься восстановлением памятников Отечества. Положение с этой проблемой на сегодняшний день таково: мы занимаем последнее место среди развитых стран по количеству охраняемых государством памятников на душу населения. Для примера приведу такие цифры. В маленькой Чехословакии, которая по населению и территории едва больше Московской области, охраняется свыше 10 тысяч старинных замков, а в Московской области на учете всего 2,5 тысячи (!) памятников.

Особо хочу сказать о дефиците духовных ценностей. Поясню на примере. Общая ситуация, наследуемая нами от недавнего прошлого, такова: до революции у нас было около 80 тысяч церквей, осталось — 1107.

Только что опубликованы принятые правительством меры по вывозу дефицитных товаров. За последние годы через западную границу из страны вывезено 400 тысяч холодильников, сотни тысяч телевизоров, десятки тысяч стиральных машин. Но кто может сказать и где можно прочитать, сколько за это время вывезено уникальных произведений искусства? В частности, картин художников.

Моя программа состоит в том, чтобы бороться до конца за наше национальное возрождение.

Выдвигая свою кандидатуру в народные депутаты, я вовсе не рассчитывал на избрание. Прежде всего я преследовал цель довести до сведения участников конференции суть катастрофической ситуации, которая сложилась у нас с охраной и пропагандой национального культурно—исторического наследия России, и предложил конкретные меры по выходу из этой ситуации.

Как я и ожидал, участники конференции, за исключением нескольких подвижников в деле охраны памятников Отечества, остались глухи к проблемам, затронутым мною в выступлении. В большинстве своем художники исходили из

чисто цеховых интересов — как бы не потерять привилегии членов такого корпоративного объединения, как Союз художников.

Кандидатом в депутаты был избран художник Г.С. Мызников, который, однако, не выдвигал какой-либо программы. Его избрали как известного в Москве и области живописца. Теперь он должен будет представлять художников Московской области на пленуме Союза художников СССР 16 января с.г., который окончательно и решит, кто будет депутатом от Союза художников СССР.

Кстати, Конференция Московской городской организации Союза писателей РСФСР в числе других кандидатов в народные депутаты назвала и Л.М. Леонова. Я попросил Леонова, чтобы он ни в коем случае не снимал своей кандидатуры, так как он собирался сделать самоотвод по возрасту. Окончательно вопрос об избрании народных депутатов будет решен на Пленуме СП СССР.

10 января

В сочельник я ездил в Троице—Сергиеву Лавру и исполнил просьбу Леонида Максимовича — помянул его: «Спаси ны, Сыне Божий, рожейся от Девы, поющая Ти...».

Сегодня мы гуляли по «большому» маршруту. Когда проходили по улице Воровского, Леонид Максимович остановился в воротах Союза писателей и, указав мне на сияющие огнями окна первого этажа дома с колоннами, сказал не без иронии: «Заседают...»

Я попросил Леонова поделиться своими впечатлениями о встрече с деятелями науки и культуры в ЦК КПСС 6 января с. г., где М. С. Горбачев выступил с большой речью. Сам факт встречи в канун Рождества и при этом отсутствие в речи Горбачева даже намека на понимание значимости этого не могло ускользнуть от пристального внимания Леонова. Он считает, что в большой политике подобные акции неслучайны, а, может быть, даже специально спланированы в угоду кому-то. Все оттого, что положение дел в таком коренном вопросе, как финансовое хозяйство и денежное обращение в стране, не только не удалось поправить, но и — более того — ситуация, как признался Горбачев, даже обостряется. Леонов особо заметил для себя, что в 1985—1988 годах в связи с падением цен на нефть мы недополучили 37 миллиардов рублей. За тот же период в связи с резким уменьшением выручки от продажи алкогольных напитков недополучено в казну еще 49 миллиардов рублей. К этому надо добавить расходы в связи с аварией на Чернобыльской АЭС, землетрясением в Армении и постоянным «трясением» в Афганистане.

Размышляя о нынешней ситуации в стране, Леонов вспомнил, что после того как к власти пришел Хрущев, Молотов на самолете в срочном и унижительном порядке полетел в США, для того чтобы оформить новые «отношения», а по существу — предательство. С кем и как велись Молотовым те переговоры, подробностей Леонов не знает. Однако, характеризуя общую ситуацию, Леонид Максимович процитировал итог того «плебисцита» по Евангелию от Матфея (глава 27): «И, отвечая, весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших». Про себя я еще раз отметил, что умозаключения Леонова носят поистине парадоксальный характер.

После ужина мы сидели в кабинете, слушали «нашептывания» разных «голосов» и музыку Баха.

— У вас есть знакомая гадалка? — неожиданно спросил Леонов.

— Нет, — ответил я, понимая, что любительский уровень недостаточен. Нужен настоящий профессионал.

Пришла Наталья Леонидовна, вернувшаяся сегодня из дома отдыха «Суханово».

Леонов поставил дочь в известность, что решил приватизировать свою нынешнюю квартиру и подписать дарственную, чтобы после его смерти в квартире не хозяйничали чужие люди.

Телепередача «Прожектор перестройки» была посвящена сегодня экологии Байкала. Положение дел, несмотря на принятые правительством меры, продолжает ухудшаться. Ведущий сказал, что ныне один кубометр байкальской воды стоит 600 долларов.

Если закрыть все заводы вокруг Байкала и сохранить озеро в чистоте, то к концу века байкальская вода будет приносить нам денег больше, чем все предприятия в радиусе полутысячи километров от озера, — таково было заключение Леонова.

Наталья Леонидовна настаивает, чтобы Леонид Максимович опубликовал первый вариант романа. Леонов категорически отверг это, сказав, что будет работать над новым вариантом романа до конца дней своих.

О.Я. Афанасьева вышла на работу, и Леонов два дня диктовал ей новый текст.

13 января

Днем звонил Л. М. Леонов, поздравил со старым Новым годом. Мы обменялись новостями. Леонов сказал, что вопрос о покупке им собственной квартиры уладился. Слава Богу, значит, будет у нас новый мемориальный музей—квартира.

Вечером звонила О. Я. Афанасьева. Сейчас они делают с Леоновым «замковый камень» всего романа — главу о про-

фессоре Филуменове. (Кстати, фамилия героя романа производна от двух слов — «фил» (греч. — люблю) и «лумен» (лат. — свет, светильник). Любопытно, что в святцах имя Филумен (греч.) переводится как «любимый». День Ангела — 29 ноября. С начала XIX века «сложносоставные» фамилии были распространены среди русского священства, а потом и среди интеллигенции. Например, Филомафитский Алексей Матвеевич (1807—1849) — профессор Московского университета, известный русский физиолог. Его фамилия происходит от греч. «филомит» — любящий знания, стремящийся к знаниям.

Ольга Яковлевна просила при первом удобном случае сказать Л. М. Леонову, чтобы он сосредоточил сейчас свои силы не на том, чтобы писать новые варианты глав романа, а постараться «соединить» все написанное ранее в законченное повествование. Иначе кому—то придется делать это за Леонова, но от этого роман, конечно, не выиграет.

14 января

Мы вчера договорились с Леонидом Максимовичем, что я приеду к нему вечером, к половине шестого. У меня была срочная работа, и я опоздал. Леонов позвонил без пятнадцати шесть и спросил, приеду ли я. Через четверть часа я был у него, и мы пошли гулять. Леонов работает сейчас буквально на износ, и долго ходить у него нет сил. Прогулка была короткой, и мы скоро вернулись.

Обычно Леонид Максимович никогда не сетует на свой быт, а сегодня он был явно недоволен плохим уходом за ним, невкусной пищей, отсутствием витаминов в его рационе питания. У него сейчас самое трудное время. Работа подвигается медленно и не так, как ему хочется. Между тем помощи в таком несложном деле, как приготовление пищи, нет ни от кого. Домработница Вера Михайловна явно с этим не справляется. В зимнее время и молодому человеку без достаточного количества фруктов и овощей бывает трудно. Можно понять, как это губительно влияет на девяностолетнего старца. Больше всего Леонида Максимовича расстраивает то, что у него буквально с каждым днем слабеет зрение. Раздосадованный всем этим, Леонид Максимович стучал кулаком по спинке кресла и ругался. Однако истинной причиной сегодняшнего срыва Леонида Максимовича является отсутствие, как мне показалось, уверенности, что он справится с романом так, как ему хотелось бы. Роман, который он вынашивал всю вторую половину своей жизни, потребовал от него на заключительной стадии таких усилий, на которые он способен был раньше, но не сейчас.

подавив свой внутренний бунт, Леонид Максимович извинился за несдержанность, перекрестился и сказал:

— Дай, Господи, тихой, безболезненной и скорой смерти!

Оставшуюся часть вечера мы провели, слушая Божественное церковное пение.

По программе «Время» показали хронику катастрофы во Франции, где в горах сорвалась с троса кабина фуникулера и разбились восемь человек. Леонов на это сказал, что гадалка присоветовала ему в молодости беречься гор и пожаров. Татьяна Михайловна, когда они были на Кавказе, все просила разрешить ей поехать на фуникулере. Леонов не позволил ей этого. Что касается пожаров, то их у Леонова было три...

15 января

С ржевским священником Матвеем Константиновским Н. В. Гоголь вступил в переписку в 1847 году. У писателя было желание ввести положительный образ священника во второй том «Мертвых душ» и по рекомендации графа А. П. Толстого — обер—прокурора Святейшего Синода — выбор пал на о. Матвея. 4 февраля 1852 года о. Матвей, приехавший из Ржева, встретился с Гоголем. Утром следующего дня Гоголь проводил своего духовника до вокзала. С этого дня писатель тяжело заболел. В ночь на 12 февраля 1852 года он сжег последний чистовой вариант рукописи второго тома «Мертвых душ». Существует мнение, что Н. В. Гоголь сделал это сознательно, так как не был удовлетворен своим романом. Определенно, свою роль сыграло в этом отрицательное отношение к роману о. Матвея. Однако не следует преувеличивать роль духовника в решении писателя уничтожить свое неудавшееся, как считал сам автор, творение. Примером может служить разбитая вдребезги последняя скульптура Микеланджело, которую автор счел неудачной. Как было с Микеланджело, так случилось и с Гоголем. После уничтожения своего творения и тому и другому жить не хотелось. 4 марта (21 февраля по старому стилю) 1852 года Н. В. Гоголь умер.

Мне кажется, что нечто подобное испытывает сейчас и Л. М. Леонов, неудовлетворенный своей работой. Подтверждением может служить тот вчерашний нервный срыв, свидетелем которого я был впервые за четверть века нашего знакомства. Силы покидают Л. М. Леонова. Он понимает, что «здание» осталось недостроенным. Леонид Максимович предпринимает последние усилия, чтобы достойно свести концы с концами. Удастся ли это ему, покажет время.

Одно могу сказать — нелегко сейчас Леониду Максимовичу. Я ему глубоко сочувствую.

16 января

Вчера во Дворце спорта «Крылья Советов» (платформа «Сетунь» Белорусской ж. д.) прошел вечер патриотов России, организованный «Товариществом русских художников» и редакцией журнала «Наш современник». При мне Леониду Максимовичу позвонил С. Викулов, но еще до него кто-то из знакомых дал Леонову полный отчет о вечере. Особенно отмечались выступления В. Солоухина, В. Распутина, В. Астафьева и великолепного хора русской народной песни.

Леонов сказал Викулову, что на открывающемся завтра пленуме правления СП СССР, где пройдет выдвижение кандидатов в народные депутаты СССР, он свою кандидатуру снимает. Л. М. мотивировал это возрастом и крайней нехваткой времени для работы над романом.

Главной темой сегодняшней нашей беседы, к концу которой присоединился внук Леонова — Николай, было ясновидение. Я попросил Леонида Максимовича поделиться своими мыслями о болгарской ясновидящей Ванге, умеющей «видеть» умерших.

— Я могу об этом говорить только на уровне аналогии, — ответил Леонов. — Представьте себе, что мы сидим в большой, хорошо освещенной комнате. В углу — отверстие для вентилятора, заклеенное прозрачной бумагой. Мы — здесь, они — там, в кремешной тьме. Как мотыльки, они летят на свет...

— Ванга во время вашей с ней беседы, — сказал я Леонову, — поочередно распознавала «прилетевших» на «свет» умерших: вашу мать, жену Татьяну Михайловну, вашего брата, гимназического друга Адама... Значит, все те, кого вы в жизни любили и с кем дружили, постоянно вьются вокруг вас, как мотыльки вокруг «ламп»?

Смысл рассуждений Л. М. Леонова можно сформулировать следующим образом. Чем сильней источник света «ламп», а скорее всего, «вольтова дуга» — ясновидец плюс пациент, тем больше собирается «мотыльков». Одно безусловно — чем сильней ясновидец, тем больше он может увидеть, распознать, предсказать. Известно, что в средние века был ясновидец Авель, который предсказал главные события нашего столетия и даже действующих лиц — Гитлера, Сталина...

Из рассказа Леонова выходило, что во время его последней встречи с Вангой на их мощную «лампу» — вспышку «вольтовой дуги» — «слетелось» столько леоновских умерших родственников и друзей, что в комнате Ванги стало «тесно». С криком: «Сколько их! Сколько их!» — Ванга в ужасе убежала в соседнюю комнату. Спустя некоторое время Леонов заглянул к ней. В полном изнеможении, открыв рот и тяжело дыша, Ванга сидела в кресле. Леонов поблагодарил

ее за прием и сказал, что завтра уезжает в Москву. Ванга по—прежнему была в трансе и повторяла: «Сколько их собралось!»

Способности Ванги к ясновидению открылись в детстве, когда ее однажды закрутил смерч, поднял и бросил на землю. Она ударилась головой и потеряла зрение.

Мы говорили, что у нас в стране до сих пор сохраняется устойчивое «табу» на публикации пророчеств русских ясновидцев конца XIX — начала XX века. В частности, совершенно замалчиваются пророчества Иоанна Кронштадтского, предсказавшего Октябрьскую революцию, гибель сонма людей, в том числе расстрел Николая II и его семьи.

Я спросил Леонова, чем он объясняет нелюбовь В.И. Ленина к пророкам и прорицателям. Известно, что «услугами» ворожей, гадалок, прорицателей, говоря современным языком — экстрасенсов, пользовались многие великие русские люди, в том числе Пушкин и Достоевский.

— А почему, по—вашему, — спросил я Леонова, — Ленин никогда не обращался к ясновидящим?

— Боялся, — ответил Леонов, — потому что знал свою болезнь и слабину.

По Леонову выходило, что если бы Ленину встретился большой ясновидящий, то его догма рассыпалась бы в прах.

Леонида Максимовича заинтересовала публикация в «Комсомольской правде» (15 января 1989 года) о простой белорусской крестьянке Федоре Даниловне Конюховой — экстрасенсе высокого класса, успешно лечащей самых, казалось бы, безнадежно больных людей. Леонов просил занести ему вырезку из «КП».

Когда я уходил, пришла новая домработница, которая должна обеспечить необходимый уход за Л. М. Леоновым.

Летом 1920 года, уезжая на Южный фронт, Леонов нарушил заповедь Христову, где сказано: «Не берите с собой ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои... ибо трудящийся достоин пропитания» (Мф., 10. Все вышло по Писанию. Пояс с дорогими монетами у Леонова украли, и он стал как «трудящийся», благодаря таланту, полученному от Господа Бога. Через много—много лет, когда Леонов начнет свой главный роман «Мироздание по Дымкову», он снова обратится к Евангелию и больше всего возлюбит Нагорную проповедь.

21 января

Л.М. Леонов надевал ботинки, собираясь идти гулять.

— Вы помните что—либо из Василия Каменского? — спросил Леонид Максимович.

— Кое—что, — ответил я. — Из поэмы «Степан Разин». «Сарынь на кичку!..»

Леонов подхватил «запев» и прочитал на память «монолог» Стеньки Разина:

*Сарынь на кичку!
Ядреный лапоть
Пошел шататься по берегам.
Сарынь на кичку!
В Казань, в Саратов!
В дружину дружную на перекличку,
На лихо лишнее врагам!
Сарынь на кичку! —
Бочонок с брагой
Мы разоъем у трех костров,
И на приволье волжском вагой
Зарядим пир у островов.
Сарынь на кичку! —
Ядреный лапоть,
Чеши затылок у подлеца.
Зачнем с низовья
Хватать, царапать
И шкуру драть — парчу с купца!
Сарынь на кичку! —
Кистень за пояс,
В башке зудит разгул до дна.
Свисти! Глуши!
Слепая стерва,
не попадайся! Н-на!..*

— По—моему, Каменский талантливей Есенина, — неожиданно закончил Леонов.

Я был удивлен таким суждением Леонова. Уже второй раз на моей памяти он, сравнивая то Павла Васильева, то Василия Каменского с Сергеем Есениным, говорит, что Васильев и Каменский талантливей Есенина. Чем объяснить такое отношение Леонова к Есенину, сказать трудно. Все дело, как мне кажется, в разности их характеров. Говоря образно, Есенин, как его любимая береза, быстро загорелся и сгорел, а Леонов горит, как дуб, долго—долго. От кого «печка» литературы сильнее нагреется, покажет время.

Мы пошли гулять. Я поздравил Л. М. Леонова с избранием его на только что закончившемся вчера пленуме СП СССР кандидатом в народные депутаты СССР. То, что Леонов не присутствовал на пленуме и даже пытался отвести

свою кандидатуру и все—таки был избран, говорит об авторитете его — художника. Хотя Л. М. и пропустил мимо ушей мои поздравления, ему, думаю, было все—таки приятно, что писатели оказали ему честь и доверие.

— Как вы думаете, спросил Леонов, — может, отказаться?

Я, конечно, не советовал ему делать этого.

Завтра в ЦДЛ должен состояться вечер, посвященный П.А. Флоренскому. Я пригласил Л.М., но он, сославшись на работу, отказался и попросил меня обратить внимание, не будет ли на вечере разговоров об экуменическом движении, так как П. А. Флоренский был сторонником объединения всех церквей. Проблема объединения христианских церквей очень интересует Леонова, и он хотел бы знать подробности этого дела. Леонов располагает информацией о том, что во времена Н. С. Хрущева наше правительство заключило тайное соглашение об участии в экуменическом движении, игнорируя интересы Православия. Я не знал об этом, но располагаю достаточными данными, свидетельствующими об усилении при Н.С. Хрущеве гонений на Русскую Православную Церковь и о варварском уничтожении многих выдающихся памятников национальной истории и культового искусства.

Внимание Л.М. Леонова привлекла статистика, опубликованная в журнале «Огонек» №3 за 1989 год, где приведены количество и «возрастной состав» самоубийц в СССР (начиная с 1985 года) отдельно среди мужчин и отдельно среди женщин. Всего за последние годы — годы «перестройки» — кончили жизнь самоубийством более 40 тысяч человек. Диагноз Леонова о серьезном заболевании общества «развитого социализма» был суровым, как приговор.

После ужина мы слушали радиопередачи из—за рубежа. Солженицын читал свою книгу о революции. Леонов вспоминал рассказ наборщика Маевского из его дивизионной газеты времен Гражданской войны о разговоре с Лениным. Наборщик этот был квалифицированным рабочим из Петрограда. После революции наборщикам частных типографий в связи с инфляцией зарплату повысили, а наборщикам, состоящим на государственной службе, зарплату оставили прежней. Рабочие типографии, где служил Маевский, командировали его к Ленину в Зимний дворец. Ленин его принял и стал стыдить, что он потерял пролетарскую сознательность и идет на поводу у врагов революции. Маевский был непреклонен, говоря, что он—то сознательный пролетарий, а вот дети есть хотят и плачут. Ленин настаивал на своем, а Маевский на своем и предупредил, что завтра большевистские газеты могут не выйти.

— Из вас бы хороший белогвардеец получился, — сказал Ленин рабочему.

— А вы не делайте из меня белогвардейца, — ответил тот.

На этом разговор закончился. Зарплату рабочим Ленин все—таки повысил.

По телевидению передавали речь М.С. Горбачева на Пленуме МК КПСС. Горбачев говорил о том, что в магазинах не хватает продуктов, нет нужных вещей.

— Что он нам это рассказывает, как будто мы об этом не знаем, — неодобрительно сказал Леонов.

Можно было почувствовать, что Леонов ожидал от Горбачева не констатации фактов и даже не анализа, а конкретных предложений по обеспечению народа самым необходимым, ибо в противном случае ситуация в столице чревата непредсказуемым.

28 января

В печати в последнее время появилось несколько статей, посвященных книге Раймонда Моуди «Жизнь после жизни». Одна из таких статей попала на глаза Л. М. Леонову («Комсомольская правда» за 26 января 1989 года). Психиатр и реаниматор Раймонд Моуди описывает ощущения своих пациентов, переживших клиническую смерть. Более ста «умерших» показали одно и то же — как они после «смерти» видели как бы с высоты «птичьего полета» свой труп, врачей в операционной и пр. Автор книги приходит к заключению, что разумная жизнь может существовать и вне тела человека, то есть после смерти человека его душа продолжает жизнь.

— Продолжает жить то, что человек ваял всю свою жизнь, — сказал Леонов.

Леонид Максимович пояснил, что жизнь души зависит от того, как «работал» над совершенствованием ее человек. Один мог беззаботно проспять жизнь на боку, другой сгубил душу в пьянстве, а третий, не щадя сил, ваял себя, свою душу, стремясь к нравственному совершенствованию, милосердию, к добру и любви к ближнему.

Слушая Л. М. Леонова, можно было еще и еще раз убедиться, что он никогда во всю свою жизнь не был внутренне скован ни одной из догм.

Поскольку зрение у Л. М. в последнее время сильно ухудшилось, то он старается много не читать. Но вместе с тем мимо него не проходит ни одна сколько—нибудь заметная публикация. Так, внимание Леонова привлек в газете «Правда» (22 января с. г.) очерк из архива Маршала Советского Союза Г. К. Жукова «Коротко о Сталине». Леонов склонен воспринимать феномен Сталина «объемно», то есть видит и тени и свет.

Говорили о сообщении Госкомстата СССР о социально—экономическом развитии СССР в 1988 году. Некоторые цифры Леонов воспринимает как симптом ухудшения состояния «большого».

По зарубежному радио говорили, что новый председатель Исполнительного вече СРЮ сделал решительный поворот в сторону установления рыночных отношений в Югославии. Он мотивировал это тем, что рынок не является достоянием только капитализма. Рынок — общечеловеческое «изобретение», и он может и должен служить социализму. Леонов решительно поддержал этот тезис. По мнению Леонова, нам надо тоже смелее и последовательнее вступать в рыночные отношения. Тормозом в этом вопросе является устаревшая догматическая установка на однопартийную систему, которая, как считает Леонов, в ближайшем будущем будет заменена многопартийностью.

Я проинформировал Л. М. Леонова о вечере памяти П. А. Флоренского, прошедшем 22 января 1989 года в ЦДЛ, показал пригласительный билет и каталог. Леонова особенно интересуют вопросы экуменического движения, история создания Всемирного совета церквей (1948). Он попросил меня попытаться достать документы об усилении гонений на церковь во времена Хрущева и Брежнева.

17—19 января 1989 года состоялся Пленум правления СП СССР. С докладом «Земля, экология, новый этап перестройки и литературы» выступил секретарь правления СП СССР Ю. Черниченко. С содокладом — секретарь правления СП СССР В. Распутин.

Леонов особенно высоко оценил содоклад Валентина Распутина, его конкретные и точные предложения и сам пафос выступления: «Отечество в опасности!»

4 февраля

Пригласив меня сегодня к себе, Л. М. Леонов пожаловался, что в последние дни жизнь его стала несносной. Звонят какие—то «доброжелатели» и требуют, чтобы он снял свою кандидатуру до пленума правления СП СССР, на котором из 12 кандидатов будут избраны 10 народных депутатов СССР. Вчера звонила какая—то «поклонница таланта» Леонова из Одессы и, сильно грустя, стыдила его за то, что он, такой старый, не дает дорогу молодым. Давление на Леонова носит явно организованный характер, так как подобные звонки продолжают весь день. Сегодня Леонид Максимович плохо спал и поэтому плохо работал, как он сам признался.

— Что мне делать? Посоветуйте, может, действительно снять свою кандидатуру? — спросил Леонов.

Пока мы гуляли, я как мог пробовал отговорить Леонова от опрометчивых решений. Суть моих доводов заключалась в том, что, избрав его кандидатом в народные депутаты СССР, январский (1989 г.) пленум правления СП СССР недвусмысленно заявил, что трон советской литературы по праву занят покуда не кем —нибудь, а именно русским писателем.

— Но ведь я же не смогу исполнять свои депутатские обязанности, ходить на заседания и прочее, — говорил Леонов.

— А от вас этого не требуется, — убежденно отвечал я, — и русские писатели понимали это, когда выдвигали вас кандидатом. Главное в другом, в том, что вы из века XIX передаете эстафету преемственности великих идеалов русской литературы в XXI век.

Мне показалось, что мои аргументы несколько успокоили Леонова. Если ему будет совсем уж неважно, то у него еще есть запасной ход. Чтобы на правильной ноте закончить этот разговор, я сказал, что в том случае если на очередном пленуме СП СССР верх возьмут антирусские силы, то у Леонова будет право взять самоотвод, а вместе с тем и сказать всем напутственное «патриаршее» слово. На том и порешили.

Две последние наши встречи с Леоновым проходят в тягостной обстановке. Дело в том, что старому русскому писателю (я даже не знаю, как это могло случиться) «вмонтировали» домработницу из замаскированных кишиневских евреев. Домработница (Дия Евсеевна) уверяет всех, что она русская, но Леонов — то все видит и понимает, а потому в ее присутствии никаких откровенных разговоров не ведет.

Сегодня, когда мы ужинали, Леонову попался в морковной котлете длинный волос. Леонов из деликатности промолчал, но продолжать ужин не стал. Выпив чаю с молоком, он поклонился и ушел в кабинет. Там он, не говоря мне ни слова, развел руками и только покачал головой.

Писательская деликатность не позволяет Леонову принять решение, которое может обидеть домработницу, поэтому он вынужден терпеть все до апреля, когда она сама уедет в Кишинев.

Поскольку домработница (бывшая учительница английского языка) вместе с нами слушает «радиоголоса», то наши беседы свелись к минимуму и ограничиваются лишь отдельными комментариями по поводу прослушанных передач.

Прослушав интервью Э.А. Шеварднадзе о встрече в Шанхае с Дэн Сяопином, на которой Дэн заявил, что надо «закрыть прошлое и открыть будущее», Леонов заметил: «Умно».

Основными темами передач были: 1) вывод советских войск из Афганистана; 2) биография А.И. Солженицына

перед начинающимся чтением романа «В круге первом»; 3) лекция о религии и атеизме английского профессора Х.; 4) о развитии рыночных отношений в СССР.

Леонов считает, что апатия и неверие в народе настолько укоренились, что ставят под сомнение возможность для России встать снова на ноги. «Друзья» же России приложат все силы, чтобы она так и не поднялась на ноги.

Я прочитал Леонову опубликованное в «Московском литераторе» (от 3 февраля 1989 года) письмо В.Я. Курбатова, В.Г. Распутина, Ю.И. Селиверстова о необходимости создания при Советском фонде культуры религиозно—философского общества. Письмо заканчивается словами:

«Традиция общественного бытования русской философской мысли и народного ее служения не должна быть прервана. В пору, когда социальная жизнь на всех уровнях распадается нестроениями и тяготеет к губительной измельченности и рассеянию, создание такого общества становится жизненной необходимостью».

Леонов горячо поддержал эту идею.

5 февраля

Вчера вечером (в начале девятого) звонил Л.М. Леонов. Галя сказала, что я в Загорске и приеду поздно. Леонов, по словам Гали, был как—то особенно приветлив и внимателен. Сегодня я позвонил ему днем (в начале третьего) и хотел предупредить, что вечером собираюсь к нему в гости. Дия Евсеевна ответила, что час тому назад Леонида Максимовича увезли в больницу (в Рублево), так как он упал и разбил лоб. Я позвонил Наталье Леонидовне. Она рассказала, что Л. М. оставался дома один, так как Дия Евсеевна ушла в магазин. Когда в дверь позвонили, Л. М. пошел открывать и упал, ударившись лбом о дверь, он потерял сознание. Вызвали «скорую помощь», но Л. М., придя в себя, ехать в больницу отказывается. Его еле—еле уговорили, сказав, что сделают ему шов на лбу и привезут домой.

Чтобы узнать, как себя чувствовал вчера Л. М., я позвонил Ольге Яковлевне. Она о беде с Леоновым еще не знала и рассказала, что вчера за обедом Леонид Максимович вдруг неожиданно спросил ее, как она будет относиться к его творчеству после его смерти. Последовало объяснение, и Леонов успокоился. Чувствовал он себя в этот день неважнецки. Вечером он позвонил мне. О чем он хотел говорить, трудно предположить.

Мы договорились с Натальей Леонидовной созвониться завтра днем.

6 февраля

Позвонил дочери Леонова Наталье Леонидовне. Она рассказала грустную историю, как девяностолетний старик Леонов, после того, как ему обработали рану, вынужден был сидеть два часа в приемном отделении, дожидаясь машины, чтобы его отправили домой. И это в Кремлевской—то больнице! Никто даже не предложил старику прилечь, а еще говорят о милосердии... Поздно вечером дочь привезла Леонова домой. Он так продрог, сидя в приемном отделении, что до ночи не мог согреться. Сейчас ему вроде бы лучше. Я сказал Наталье Леонидовне, что если бы Леонид Максимович захотел причаститься, то у меня есть знакомый священник, который может приехать к больному в любой час.

Вечером позвонили по просьбе Л. М. Леонова и передали, что он хотел бы, чтобы я завтра навестил его.

8 февраля

Был у В. Солоухина в Переделкине (бывшая дача П. А. Павленко). Договорились с представителем издательства «Молодая гвардия», присутствовавшим при разговоре, о нашей совместной с В. А. Солоухиным книге «Парсуна» (Древнерусский исторический портрет). Книга, составленная мною, будет включать искусствоведческую статью, альбом «парсун» и краткие новеллы В. А. Солоухина о каждой «персоне». Свою часть работы я написал и составил альбом «парсун» еще в 1969 году, но ни одно издательство не взялось печатать книгу, мотивируя это тем, что в числе изображенных одни лишь князья, цари, святые и нет крестьян, ремесленников — народа. Все мои резоны, что знание истории Отечества невозможно без знания конкретных исторических лиц, до сих пор разбивались о стену равнодушия трусливых, холопствующих издателей. Нередко дело доходило до курьезов. Однажды на приеме в Госкомиздате СССР я выложил перед начальством несколько фотографий с «парсун» Сергия Радонежского, Дионисия Глушицкого, Максима Грека, Михаила Скопина—Шуйского, Ивана Грозного, протопопа Аввакума, патриарха Никона и царя Алексея Михайловича. Никто из них не был «опознан». И не удивительно, ибо за годы советской власти портретная галерея деятелей Древней Руси ни разу не издавалась. Последние десять лет мы пробовали пробить книгу «Парсуна» вместе с Солоухиным, но этого нам пока не удалось. Посмотрим, чем закончится нынешний заход.

В. А. Солоухин, как всегда, интересно рассказывал о своих впечатлениях за «бугром» (в октябре 1988 года он был в Париже). Я впервые смог полистать у него «Окайнные дни» И. А. Бунина, «Мы» Е. И. Замятина, книгу стихов В. В. Набокова.

Солоухин — мастер дефиниции. Заговорили о И. С. Глазунове. Солоухин сказал о нем: «Глазунов — это экстракт и к употреблению в чистом виде не пригоден».

Не так давно Солоухину позвонил Л. М. Леонов.

— Владимир Алексеевич, это бывший русский писатель Леонов. Не одолжите ли оптимизма на трешницу?

Прочтя в журнале «Наш современник» (№12 за 1989 год) статью Солоухина «Почему я не подписал того письма», Леонов выразил свое восхищение мужеством автора и всецело поддержал его позицию.

В.А. Солоухин подписал мне на память «Каравай заварного хлеба», Насте — «Смех за левым плечом», Кате — «Продолжение времени». Насте достался самый дорогой подарок. «Смех за левым плечом» — лучшее из всего написанного Солоухиным.

12 февраля

Главной темой сегодняшнего разговора было обсуждение последних акций общественности (письма в ЦК КПСС, публичные выступления активистов Общества охраны памятников и др. на встречах с трудящимися, «ропот» в церквях) о необходимости возвращения Успенского собора Московского Кремля Русской Православной Церкви. Восстановление богослужения в Успенском соборе и, таким образом, соборности русского народа, по мнению Леонова, должно явиться поворотным пунктом возрождения России.

Пройдя без малого весь XX век, Леонов в своем творчестве пришел к идее апокалипсического «предназначения» русского народа. Распятый революцией «народ—богоносец», как Христос, в страданиях умер на кресте, приняв на себя грехи мира сего и тем самым выстрадал право на воскресение из мертвых.

В сегодняшнем разговоре Л. М. Леонов «предметно коснулся» известного лозунга: «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи». Ни тем, ни другим, ни третьим она (в чем убежден Леонов) не является. Вместе с тем Леонов категорически против анархии, против разнузданности и безответственности всех тех, кто хочет ввергнуть Отечество в новый круг мучений и испытаний. Все это уже было, и «опыты» над народом пора решительно пресекать — таков общий итог суждений Леонова.

В разговоре Леонов особо «задел» тему Бакунин—Кропоткин, Нечаев—Ленин—Махно. Подтема Нечаев—Ленин, предложенная через «Бесов» Достоевского, получала особое звучание.

Накануне Л. М.—чу прислала ругательное письмо читательница К[анаева] из Элисты. Она обвиняет Леонова в ниц-

шеанстве и фрейдизме. Л. М. был удивлен несуразностью суждения своей читательницы.

Когда я заговорил о литературоведе М.М. Бахтине (1895—1975), оказалось, что его книгу «Проблемы поэтики Достоевского» Леонов не знает.

Слушали зарубежное радио. Различного рода «прорицатели» учат нас на все голоса, как нам жить и что делать. Как будто нам неизвестно, «где собака зарыта». Леонов со свойственным ему сарказмом слушал и комментировал все эти поучения.

С интересом слушали по Би-Би-Си информацию о патриархе Тихоне (Белавин Вас. Ив.; 1865—1925). Тихон был патриархом с 1917 года. За антисоветскую деятельность был привлечен к суду. В 1923 году якобы раскаялся и в завещании призвал верующих к сотрудничеству с Советской властью. В настоящее время Русская Православная Церковь на готовящемся Поместном соборе (1989 г.) собирается канонизировать Тихона и причислить к лику святых.

Слушая это сообщение, я сказал, что может случиться так, что в 2021 году будет канонизирован и Ф.М. Достоевский. Леонов на это возразил, что делать этого не надо.

Слушали пение Шаляпина («Клубится волною...»). Меня удивило, что Леонов не любит Шаляпина.

Прощаясь, Леонов сказал мне добрые слова за мой очерк «Под сводами лавры», опубликованный в журнале «Москва» (1989, №1).